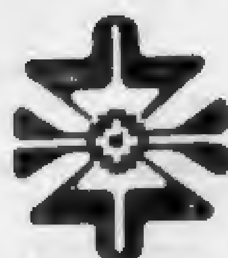

ЕВФИМИЙ ФЕДОРОВИЧ КАРСКИЙ

ЕВФИМИЙ ФЕДОРОВИЧ КАРСКИЙ

1861

1931

М. Г. Булахов

ЕВФИМИЙ ФЕДОРОВИЧ КАРСКИЙ

ЖИЗНЬ, НАУЧНАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Под редакцией академика АН СССР В. И. Борковского

Минск
Издательство БГУ им. В. И. Ленина
1981

ББК 80
Б 90

Булахов М. Г.

Б 90 Евфимий Федорович Карский: Жизнь, науч. и обществ. деятельность / Под ред. В. И. Борковского.— Мн.: Изд-во БГУ, 1981.— 271 с.

В пер.: 1 р. 15 к.

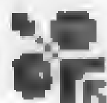
Книга посвящается первому академику-белорусу, основателю белорусской филологии Евфимию Федоровичу Карскому, одному из выдающихся ученых-славистов XIX—XX вв.

Прослеживается жизненный путь, педагогическая, научно-исследовательская и общественная деятельность ученого. Основное внимание уделяется характеристике лингвистических трудов Е. Ф. Карского по славянским языкам.

Рассчитана на филологов — научных работников, преподавателей вузов, учителей, а также всех интересующихся вопросами лингвистики.

Б $\frac{70101-006}{М317-81}$ 53—80 4602000000 ББК 80
4

К ЧИТАТЕЛЯМ

Настоящая книга написана с любовью и с прекрасным знанием огромного научного наследия знаменитого филолога-слависта академика Евфимия Федоровича Карского и представляет несомненный интерес для широкого круга читателей.

Е. Ф. Карский принадлежит к числу тех исследователей, чьи работы никогда не стареют, поскольку отличаются богатством фактического материала и глубиной мысли.

Вот почему многие капитальные труды Е. Ф. Карского по белорусскому и другим славянским языкам были переизданы в 1955, 1956 и 1962 гг.

Оказалось необходимым переиздать и фундаментальный труд Е. Ф. Карского «Славянская кирилловская палеография», являющийся настольной книгой палеографа, лингвиста, литературоведа, археолога, историка как у нас в стране, так и за рубежом.

Прошло более полувека со дня выхода в свет «Славянской кирилловской палеографии» (издана в 1928 г.), но она сохранила в полной мере свою научную ценность и в наше время. Неудивительно поэтому, что второе издание (1979 г.) сразу же стало та-

кой же библиографической редкостью, как и первое издание.

Жизни и яркой научной деятельности Е. Ф. Карского посвящены многочисленные статьи, но до 1980 г. не появилось книги, объем которой по сравнению с объемом статьи позволил бы осветить жизненный и творческий путь ученого с достаточной полнотой.

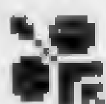
Этот пробел восполняется выходом в свет труда профессора Михаила Гапеевича Булахова. В книге М. Г. Булахова читатель найдет высокую и в то же время объективную оценку всего того, что сделано академиком Е. Ф. Карским, ученым исключительного таланта и поразительной трудоспособности.

Не могу не выразить от лица славистов благодарность автору и Издательству за то, что книга вышла в свет к 120-летию со дня рождения выдающегося ученого.

Весьма знаменательно то, что издательство, напечатавшее книгу об Е. Ф. Карском,— Издательство Белорусского университета: еще в дореволюционное время Е. Ф. Карский, горячо любивший родной край, мечтал и писал об университете в Белоруссии. Напомним сказанное им в «Белорусах» (т. 3, вып. 1): «Какую богатую жатву для себя нашла бы здесь университетская наука!»

Академик АН СССР
В. И. Борковский

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ Е. Ф. КАРСКОГО

Белорусский народ дал славянской культуре немало выдающихся деятелей — писателей, ученых, художников, педагогов, и среди них Евфимию Федоровичу Карскому принадлежит особо почетное место. Он был единственным из белорусов, удостоенных в дореволюционный период высшего академического звания в области филологии. Его научная деятельность продолжалась почти полстолетия, охватывая самые различные отрасли общественных и гуманитарных наук. Поэтому до настоящего времени научное наследие Е. Ф. Карского привлекает живой интерес как лингвистов, так и специалистов в смежных с языкознанием дисциплинах. В трудах Е. Ф. Карского лингвист найдет образцовое описание древнеславянского, древнерусского и современных славянских языков; палеограф — систематическое исследование древнейшей истории славянской письменности и ее трансформации в позднейшую эпоху; литературовед — яркую картину развития устного народного творчества и художественной литературы белорусов с древности до первой четверти XX в. включительно; фольклорист — образцовые записи народных произведений на белорусском языке и развернутую

лингвистическую характеристику этих произведений, а также фольклорных сборников других собирателей устного творчества; этнограф — ценные сведения о быте, обычаях, традиционных празднествах и поверьях белорусов; историк — точные факты о процессах формирования белорусской народности и нации; юрист — ценные разъяснения в области правовых отношений в древней Руси, в период Литовского княжества, Польского королевства; текстолог — безукоризненные по точности реконструкции ряда старославянских, древнерусских и старобелорусских текстов; библиограф — образцы лаконичных и в то же время весьма содержательных критических обзоров филологической литературы; педагог — научную основательность содержания и методически правильное построение учебных пособий по русскому, старославянскому и белорусскому языкам; издательский работник — яркие образцы редакторского мастерства при обработке филологических материалов; лектор — глубоко научные по содержанию и выразительные по форме публичные речи, выступления.

При изучении научного наследия Е. Ф. Карского поражает энциклопедичность его кругозора, необычайная широта фактической базы исследований, фундаментальность теоретических обобщений и строгость научного метода, ограждавшая ученого от предвзятых и модных доктрин. На протяжении всего творческого пути Е. Ф. Карский был верен прогрессивным направлениям в науке, соединяя наиболее продуктивные методы и приемы исследования, опираясь на достоверные факты живых языков и письменных памятников, привлекая для

Е. Ф. Карский

решения лингвистических задач также данные истории, археологии, этнографии, палеографии и других отраслей знания.

Исследованиями по истории белорусского языка и белорусской литературы Е. Ф. Карский решительно изменил традиционные представления о белорусском народе и внес существенные коррективы в мировое славяноведение, доказав национальное своеобразие белорусского языка и вообще белорусской культуры.

Для выполнения этой грандиозной задачи ученому пришлось тщательно исследовать древнерусскую, среднерусскую, старобелорусскую, староукраинскую и отчасти старопольскую письменность, в лингвистическом и этнографическом аспектах обследовать всю

территорию, занимаемую белорусами, выяснить характер взаимоотношений белорусской речи с речью на смежных территориях России, Украины, Польши, Литвы и Латвии, сопоставить строй современного белорусского языка со строем старобелорусского письменного языка, а также с соответствующими явлениями других древних и современных славянских языков.

Е. Ф. Карский подготовил обширные и научно систематизированные материалы для решения вопроса о признании белорусского народа как одной из славянских наций, имеющей общий корень с русским и украинским народами и в ходе многовекового развития выработавшей своеобразные этнические и языковые черты. Разумеется, такое признание белорусского народа стало возможным только в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции, когда Советское правительство и Коммунистическая партия предоставили равные права всем нациям и народностям, вошедшим в состав СССР.

Капитальные труды Е. Ф. Карского легли в основу исследований по белорусскому языку и литературе, начатых в первые годы Советской власти. Они сыграли также важную роль в подготовке школьных и вузовских пособий по указанным предметам. Программа развития белорусской советской филологии, разработанная Е. Ф. Карским, в полной мере стала осуществляться в 20-е годы нашего века, но особенно продуктивно идеи ученого разрабатываются в послевоенный период. Е. Ф. Карский планировал подготовить полные словари старобелорусского и современного белорусского языка, написать нормативную грамматику бе-

лорусского литературного языка, детально обследовать белорусские народные говоры и письменные памятники белорусского языка, создать терминологические справочники, орфографические руководства... Все это теперь сделано благодаря заботе Советской власти о росте национальных кадров. Новое поколение белорусских филологов, успешно разрабатывающее актуальные проблемы лингвистики и литературоведения, вновь и вновь обращается к трудам основателя науки о белорусском языке и литературе, одного из крупнейших исследователей русского и других славянских языков.

В этой книге автор ставит цель познакомить читателей с важнейшими этапами творческого пути Е. Ф. Карского, показать, как формировалась концепция ученого, какое значение имели его исследования в области славяноведения вообще и белорусистики в частности.

Евфимий Федорович Карский родился 1 января 1861 г. (20 декабря 1860 г. по ст. ст.) в семье учителя в д. Лаша[1] Гродненского уезда и той же губернии (в настоящее время Гродненской области БССР). Начальное образование он получил в Ятранском народном училище Новогрудского уезда (позже д. Березовец того же уезда), среднее — в Минской семинарии, высшее — в Нежинском историко-филологическом институте на Украине (1881—1885). Уже в студенческие годы Карский проявил склонность к научному творчеству, чему в немалой степени способствовали его институтские учителя-филологи — известный русский

[1] В помещении Лашанской восьмилетней школы, носящей имя ученого, в 1964 г. был открыт мемориальный музей академика Е. Ф. Карского.

языковед профессор Р. Ф. Брандт и историк древнерусской литературы профессор М. И. Соколов (с 1889 г. был профессором Московского университета). Первыми работами, написанными Карским в студенческие годы, были рецензии «Слово *человек* в производствах — Н. Н. Бодров», «Заметка на «Ответ рецензенту» Н. Бодрова»[2]. Тогда же он публикует сделанные им записи «Белорусских песен села Березовца Новогрудского уезда Минской губ.»[3] и приступает к монографическому исследованию белорусского языка. Итогом этой работы явилась его книга «Обзор звуков и форм белорусской речи»[4], обобщившая важнейшие данные о живых белорусских говорах XIX в.

В течение последующих восьми лет (1885—1893) Карский преподавал русский и старославянский языки, а также русскую литературу во второй Виленской гимназии. 21 августа 1886 г. на годичном акте в этом учебном заведении он произнес глубокую по содержанию и яркую по форме речь «О так называемых барбаризмах в русском языке». Работая в Вильно, Карский подготовил учебное пособие «Грамматика древнего церковнославянского языка сравнительно с русским», которое выдержало 19 изданий (Вильно, 1888—1900; Варшава, 1901—1916; Сергиев Посад, 1917).

17 сентября 1891 г. Карский успешно выдер-

---

[2] РФВ, 1883, т. 10, № 3, с. 139—144; 1884, т. 11, № 2, с. 316—321.

[3] РФВ, 1884, т. 12, № 3, с. 124—135; 1885, т. 13, № 2, с. 266—283.

[4] Обзор звуков и форм белорусской речи. М., 1886, 170 с. (из «Изв. Историко-филологического института кн. Безбородко», 1885, т. 10).

Восьмилетняя школа на родине Е. Ф. Карского — в с. Лаша Гродненского района БССР

жал на историко-филологическом факультете Варшавского университета магистерский экзамен, а в 1893 г. был назначен преподавателем русского языка в этом учебном заведении. Вступительная лекция, которая была прочитана ученым 27 февраля того же года, посвящалась истории русского литературного языка.

С переходом на работу в высшее учебное заведение начался новый этап филологической деятельности Карского. К 1893 г. он завершает новое исследование «К истории звуков и форм белорусской речи» (РФВ, 1890—1893; отд. отт. Варшава, 1893). За эту книгу и ранее опубликованную работу «Обзор звуков и форм белорусской речи» (1886) совет Киевского универ-

Профессор Нежинского историко-филологического института Р. Ф. БРАНДТ

ситета (университета св. Владимира) 24 октября 1893 г. присудил Карскому ученую степень магистра русского языка и словесности. 28 октября того же года он был назначен преподавателем, а затем доцентом кафедры церковнославянского и русского языков историко-филологического факультета. 26 июня 1894 г. Карский избирается экстраординарным профессором кафедры русского и славянского языков и истории русской литературы. За труды по белорусской этнографии (этот термин тогда понимался широко, включая и особенности живой речи и фольклора) в 1894 г. Карский был награжден большой золотой медалью. Высокую оценку заслуг ученого в этой области дал академик А. И. Соболевский.

Профессор Нежинского историко-филологического института М. И. СОКОЛОВ

Летом 1895 г., получив командировку от Варшавского университета, Карский напряженно работал в крупнейших библиотеках и книгохранилищах с целью изучения палеографических и языковых особенностей письменных памятников[5], что позволило ему подготовить и опубликовать исследование «Западнорусские переводы псалтыри в XV—XVII веках» (1896), за которое 14 декабря 1896 г. совет Московского университета присудил Карскому ученую степень доктора филологии. За науч-

[5] *Карский Е. Ф.* Отчет о научных занятиях в библиотеках Санкт-Петербурга, Москвы и Вильны в течение летних месяцев 1895 г.— Варшавские унив. изв., 1895, VII, с. 1—12; то же отд. отт. Варшава, 1895, 12 с.

ные заслуги в области древнеславянской и древнерусской письменности Карский избирается членом Археографической комиссии Московского археологического общества.

14 февраля 1897 г. руководство Варшавского университета присудило Карскому ученое звание ординарного профессора, которое он с честью оправдал самоотверженной педагогической, научно-исследовательской и организационной работой. Подтверждением этому были вышедшие в 1897 г. новые оригинальные труды Карского — «Западнорусский сборник XV в., принадлежащий имп. Публичной б-ке, Q. 1. № 391. Палеографические особенности, состав и язык рукописи» и «Лекции по славянской кирилловской палеографии».

15 апреля 1898 г. Карский был избран членом-корреспондентом Общества любителей древней письменности, а в декабре того же года Российская академия наук присудила ему золотую медаль им. П. Н. Батюшкова за глубокий критический разбор труда П. В. Шейна «Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края» (т. 1-2, 1887—1893).

Летом 1898 г. Карский предпринял новую поездку в книгохранилища страны для изучения письменных источников по истории славянских языков и палеографии. В отчете об этой поездке он писал: «Главною целью моей научной поездки летом 1898 г. было собирание и проверка палеографических материалов. Напечатанные мною в 1897 г. лекции по палеографии основываются главным образом на печатном материале, который при ближайщем знакомстве с ним оказался довольно неточным.

По приезде в Москву в начале июня мои занятия сосредоточились сначала в Московском публичном и Румянцевском музее. Тут между прочим проверены сообщаемые у меня в лекциях данные из Листков Ундольского XI в.»[6].

Во время занятий в Московской Синодальной, Типографской, Хлудовской библиотеках и в библиотеке Троице-Сергиевой лавры Карский, кроме Листков Ундольского, познакомился с особенностями языка и письма таких памятников, как Изборник Святослава 1073 г., Юрьевское евангелие 1120 г., Галицкое евангелие 1144 г., Пандекты Никона Черногорца, Диоптра инока Филиппа 1388 г., Белорусский сборник XVI в., Саввина книга XI в., Минеи 1096 и 1097 гг., Апрельская минея XII в., Евангелие Моисея XIV в., Лобковская псалтырь XIII в., Апостол XIII—XIV вв., Трефолой XIV в,. Минея XIV в., Четвероевангелие XIV—XV вв., Триодь постная 1434 г., Поучения Исаака Сирина 1381 г., Иоанн Лествичник 1412 г., Толкования 16 пророков XV в. и др. К сожалению, некоторые рукописи, хранившиеся в ризнице Сергиевой лавры, ученому не удалось тщательно изучить. Что касается Мстиславова евангелия, хранившегося в Патриаршей ризнице в Москве, то исследователю разрешено было списать только послесловие[7].

Относительно следующего этапа командировки Карский писал: «Целью моей поездки в г. Слуцк, кроме ознакомления с разными ру-

---

[6] Отчет орд. проф. Е. Карского о научных занятиях в библиотеках Москвы, Троице-Сергиевой лавры и Слуцка. Варшава, 1898, с. 1.

[7] Там же, с. 8—9.

кописными собраниями, было еще желание познакомиться с некоторыми народными говорами окрестных местностей. Особенно привлекал мое внимание говор с. Басловцев и д. Подлесья»[8]. Как замечает ученый, «в старину в Слуцке было много рукописных сокровищ, иногда очень древних»[9], но в конце XIX в. там осталось немного памятников, причем все они более позднего происхождения. Карский среди них называет Четвероевангелие XVI в., Молитвослов, Требник, Минею на июль, Октоих и некоторые другие. Часть рукописного слуцкого фонда в 1873 г. была перевезена в Минск, но судьба его неизвестна.

При ознакомлении с местными белорусскими говорами Карский стремился проверить точность прежних этнографических и филологических записей (в частности, он интересовался наличием рефлексов старого гласного Ѣ и других звуков), а также собрать новые факты по фонетике, грамматическому строю и словарному составу, фиксируя преимущественно самые яркие черты.

В 1899 и 1900 гг. Карский побывал с той же целью в Гродненской, Виленской и Минской губерниях. По-видимому, его интересовали народные говоры юго-западной части белорусского языка.

Продуктивной была деятельность Карского на рубеже XIX и XX вв. 25 мая 1899 г. на торжественном акте Варшавского университета он произнес блестящую речь «О влиянии поэти-

---

[8] Отчет орд. проф. Е. Карского о научных занятиях в библиотеках Москвы, Троице-Сергиевой лавры и Слуцка. Варшава 1898, с. 19.

[9] Там же, с. 13.

Восстановленное здание Нежинского историко-филологического института (ныне педагогический институт)

ческой деятельности А. С. Пушкина на развитие русского литературного языка»[10], в 1901 г. выпустил в свет книги «Образцы славянского кирилловского письма с X по XVIII век» и «Очерк славянской кирилловской палеографии», за которые Российская академия наук 29 декабря того же года наградила его малой Ломоносовской премией. Одновременно с этим он был избран членом-корреспондентом по Отделению русского языка и словесности.

В 1902 г. Карский участвует в работе XII Археологического съезда в Харькове, являясь докладчиком по этнографическим проблемам Белоруссии. Ученый сконцентрировал внима-

[10] РФВ, 1899, т. 42, № 3-4, с. 195—230; то же отд. отт. Варшава, 1899, 36 с.

ние на разборе этнографических трудов Е. Р. Романова, содержавших обширные материалы и по белорусскому языку. Признав большую научную значимость этого разбора, Российская академия наук в декабре 1902 г. присудила Карскому золотую медаль им. П. Н. Батюшкова.

С 10 по 15 апреля 1903 г. Карский участвовал в заседаниях Предварительного комитета по устройству международного съезда славистов-филологов, который предполагалось провести в России. Эти заседания проходили в Петербурге при участии виднейших русских и зарубежных ученых.

Летом 1903 г. ученый совершил очередную поездку по Белоруссии, о которой писал: «Целью своей поездки я наметил: а) определение этнографической границы белорусской народности и языка с соседними великорусскими и малорусскими племенами и наречиями, а также с народностями польской, литовской и латышской; б) на месте лично познакомиться с особенностями разных белорусских говоров и определить по возможности границы последних; в) попутно, при случае, делать наблюдения над народным бытом; г) отчасти собрать и проверить новые и старые материалы по белорусскому фольклору»[11].

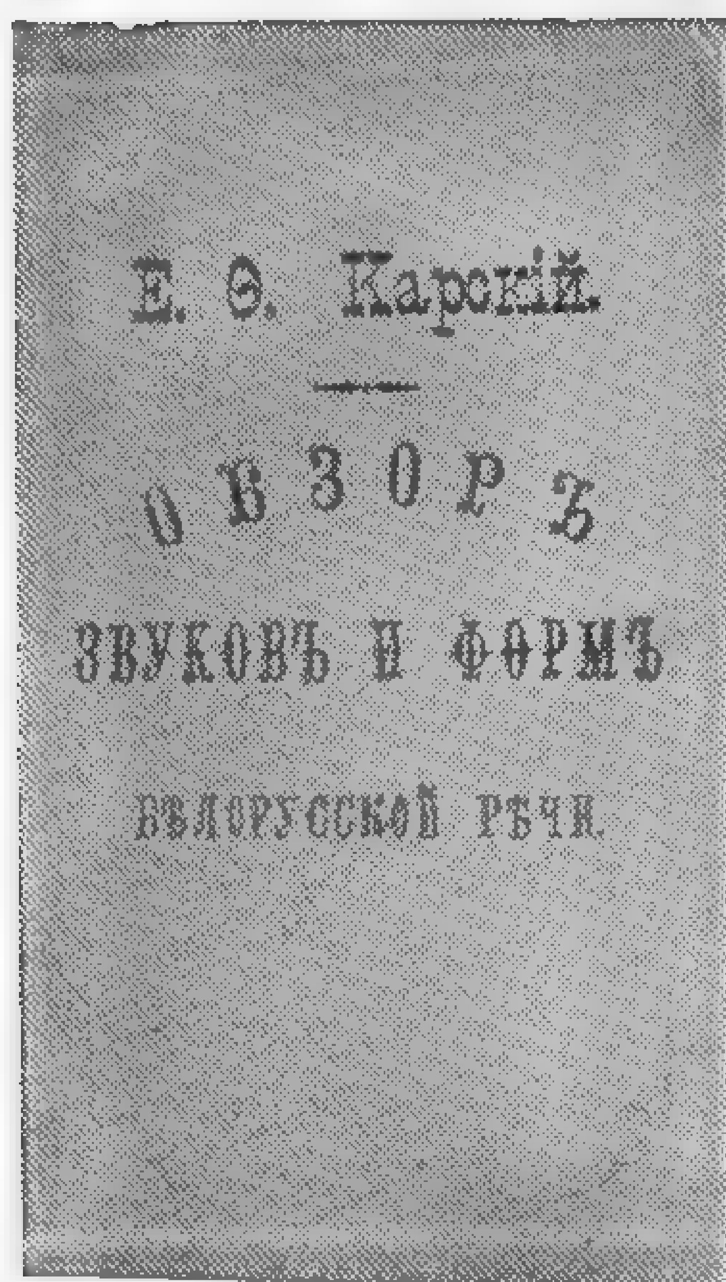
Исходным пунктом своего маршрута Карский избрал Вильно, чтобы обследовать северо-западную территорию расселения белорусов и распространения их говоров по соседству с

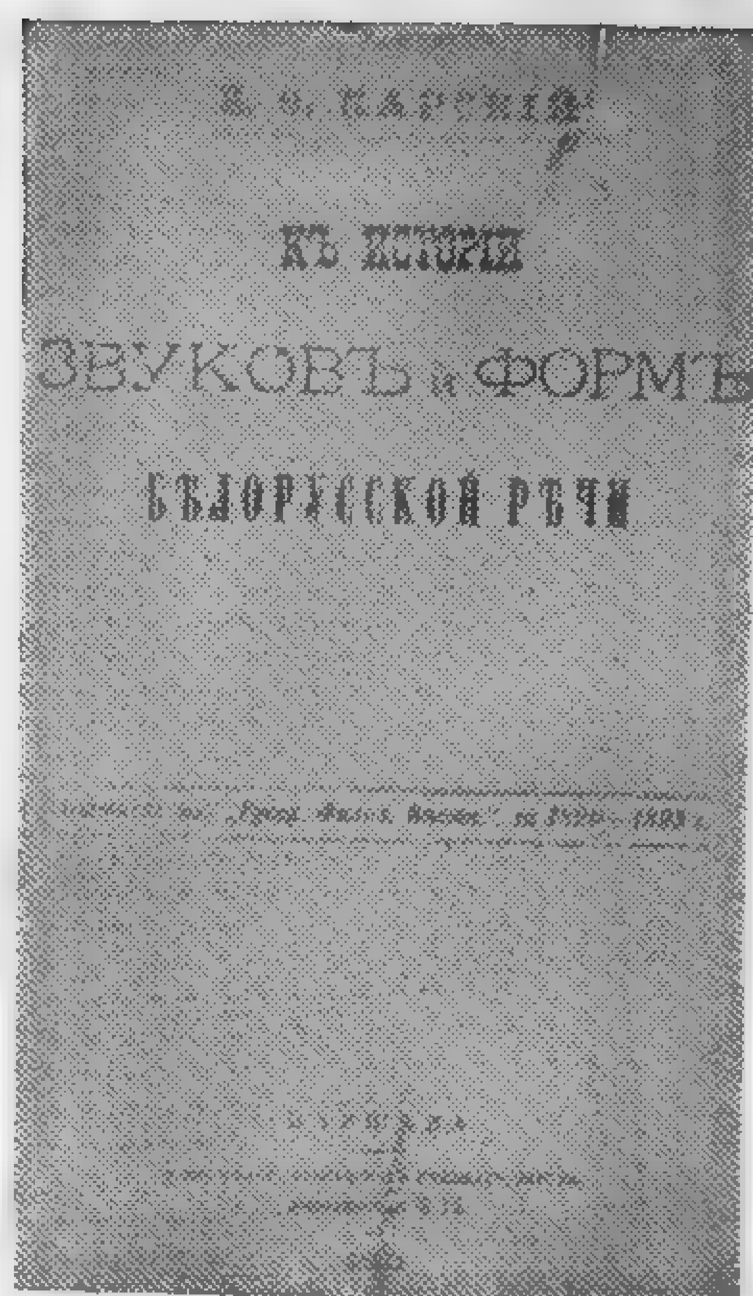
---

[11] *Карский Е. Ф.* Отчет о поездке в Белоруссию в течение летних месяцев 1903 г.— Изв. имп. Русского географического общества, т. 41, вып. 4, с. 1.

литовскими говорами или в их окружении. Затем он посетил Новоалександровский уезд Ковенской губернии, где имелись белорусские и русские поселения, побывал в населенных пунктах Снудза, Плюссы, Слободка, Браслав, Опса, Дрисвяты, Видзы, Тверечь, Рымшаны, Смолвы. В Курляндской губернии он уточнял лингвистические и другие данные о белорусах в десятках населенных пунктов (Иллукст, Фабианово, Скрудалина, Бор̀овка, Режица и др.), был также в г. Двинске (в настоящее время Даугавпилс Латвийской ССР).

Дальнейший маршрут Карского лежал на восток, в пограничье севернобелорусских говоров. Об этом он писал следующее: «Для определения северной границы белорусов мне пришлось два раза побывать в указанной области. Тот и другой раз я держался железной дороги Режица — Ржев и из разных ее станций делал поездки к северу и на юг; прислушивался к речи едущих по железной дороге местных крестьян; делал наблюдения на станциях над крестьянками и детьми, продававшими ягоду, расспрашивал свѐдущих лиц и т. п. Оказалось, что точно установить границу белорусской области на севере довольно затруднительно, так как здесь преобладают смешанные говоры, переходящие на севере незаметно в великорусскую речь. Часто встречаются деревни, особенно возле больших дорог, в которых большинство населения говорит по-великорусски, и лишь женщины (в большинстве) и дети склоняются в сторону белорусского произношения; те или другие специально белорусские слова и обороты иногда наблюдаются далеко к северу от указанной границы в

Первая книга Е. Ф. Карского «Обзор звуков и форм белорусской речи» (Москва, 1886)

Книга Е. Ф. Карского «К истории звуков и форм белорусской речи» (Москва, 1893)

чисто великорусских областях. Сказанное относится не только к разговорной речи, но и к народным песням. Чисто белорусские песни мне диктовали или пели часто в таких местах, где большинство пользуется великорусской речью, и наоборот — великорусские песни, но больше с дзеканьем и цеканьем, я слыхал и в белорусских областях»[12].

Во время этой экспедиции Карский обследовал говоры в окрестностях Великих Лук (села Купу́й, Колюба́ки, ст. Кунья), некоторых

[12] *Карский Е. Ф.* Отчет о поездке в Белоруссию в течение летних месяцев 1903 г., с. 11—12.

населенных пунктов Бельского уезда Смоленской губернии (в частности, с. Иòткино возле ст. Нелидово), где, по имевшимся данным, преобладали белорусы. Он посетил также Тверскую губернию, намереваясь изучить речь ряда деревень и сел в Осташковском, Ржевском и Зубцовском уездах. Но основное внимание он уделил выяснению говора жителей с. Холмец недалеко от ст. Оленино, что западнее Ржева. При обследовании этой территории он пришел к убеждению, что «тверские белорусы сильно русеют: люди бывалые обыкновенно говорят по-великорусски; белорусская речь больше у женщин да у беднейшего населения, живущего по захолустьям»[13]. Этот вывод он сделал и после посещения сел Молодой Туд, Васильевское, Сытьково и г. Ржева (городское население, по его наблюдениям, говорит по-русски).

При изучении диалектных особенностей в речи жителей Витебской, северной части Могилевской и Смоленской губерний Карский опирался на обширные этнографические и фольклорные записи П. В. Шейна, Е. Р. Романова, Н. Я. Никифоровского, В. Н. Добровольского и собственные наблюдения во время экспедиции. Его интересовали главным образом те черты, которые могли бы служить основанием для определения этнографической и языковой границы между родственными народами — белорусским и русским. При анализе всех материалов, собранных на данной территории, Карский пришел к заключению, что на Смоленщине во многих поселениях крестьяне

[13] *Карский Е. Ф.* Отчет о поездке в Белоруссию в течение летних месяцев 1903 г., с. 18.

говорят по-белорусски, но около Смоленска и в Вяземском уезде «белорусы теряют особенности своей народности и постепенно приближаются к великорусам»[14].

На территории Калужской губернии, по мнению ученого, «белорусские особенности проникают отчасти в речь лишь населения самых западных окраин Мосальского и Жиздринского уездов, да и здесь преобладает все же великорусская речь»[15]. Этот вывод он сделал на основании наблюдений, проведенных в с. Шуи Мосальского уезда и в с. Каханы, Заболовка, Мокрое Жиздринского уезда.

При ознакомлении с речью жителей Орловской губернии Карский установил, что белорусский элемент представлен лишь в говорах западной части Брянского и Трубчевского уездов[16]. По его мнению, белорусская речь преобладает в с. Акуличи Лутенской волости.

Из Брянска Карский направился в Почеп, предпринимая поездки в разные населенные пункты Черниговской губернии, где ему встречались белорусы. Любопытно замечание, сделанное ученым по этому поводу: «Несомненно, что в прежнее время белорусы простирались на восток до Десны, но в настоящее время они не везде доходят до этой реки»[17]. На Черниговщине Карский проверял, действительно ли в говорах тех мест имеются дифтонги, как об этом утверждали некоторые

---

[14] *Карский Е. Ф.* Отчет о поездке в Белоруссию в течение летних месяцев 1903 г., с. 20.

[15] Там же, с. 21.

[16] Там же.

[17] Там же, с. 23.

диалектологи, или звуки иного характера. На основании тщательных наблюдений Карский пришел к заключению, что там употребляется в определенных фонетических условиях закрытый гласный *о* (в виде *оу, уо*) и *е*, склонное к *и*.

Ученый большое внимание уделил говорам Гомельщины и южной части Могилевщины. Те и другие он считал характерными белорусскими говорами, поскольку на Гомельщине «местное население туземное, чисто белорусское»[18], а Могилевщина хорошо иллюстрирует разные типы аканья (с усилением его по мере продвижения на север). Исследователь, знакомясь с говорами сельских жителей Могилевской губернии, установил, что «некоторых тонкостей, которые в свое время записаны были у стариков, теперь наблюдать нельзя»[19].

В соответствии с программой экспедиции Карский довольно основательно изучал южнобелорусские (полесские) говоры, испытавшие, по его мнению, сильное влияние североукраинских говоров, на что указывают такие фонетические черты, как оканье, *э* после губных, *j* между губным и гласным, *i* на месте старого Ѣ. Переправившись через Днепр у населенного пункта Любич, Карский изучал местную речь жителей Полесья по линии Брагин, Хойники, Мозырь, Петриков, Лахва, Лунинец, Лунин, Дятловичи. Затем он побывал в Шерешове и Беловеже Пружанского уезда, в Хороще Белостокского уезда, Суховоле Сокольского уезда, на ст. Новокаменная, в имении Понемунь

---

[18] *Карский Е. Ф.* Отчет о поездке в Белоруссию в течение летних месяцев 1903 г., с. 25

[19] Там же, с. 24.

Гродненского уезда и в с. Дунайчицы Слуцкого уезда.

В результате длительной диалектологической экспедиции 1903 г. по территории южно- и западнобелорусских говоров Карский выявил характерные черты белорусской речи в зоне пограничья с украинской и польской речью. Так, в западнобелорусских говорах он отметил большое количество лексических, а также отдельные фонетические и грамматические полонизмы (например, гласный *у* на месте *о* в закрытых безударных слогах, конструкции со вторым сложным будущим и др.). Карский обратил внимание на необходимость изучения белорусско-польского двуязычия, которое свойственно жителям многих белорусских деревень и местечек на территории белостокских и гродненских говоров. По мнению ученого, развитие двуязычия в этих говорах началось еще в XV в. Он пишет, что белостокские земли, принадлежавшие знаменитому Супрасльскому монастырю, были заселены белорусами, соседями же их были мазуры, которые находились отчасти даже на северной стороне р. Нарева.

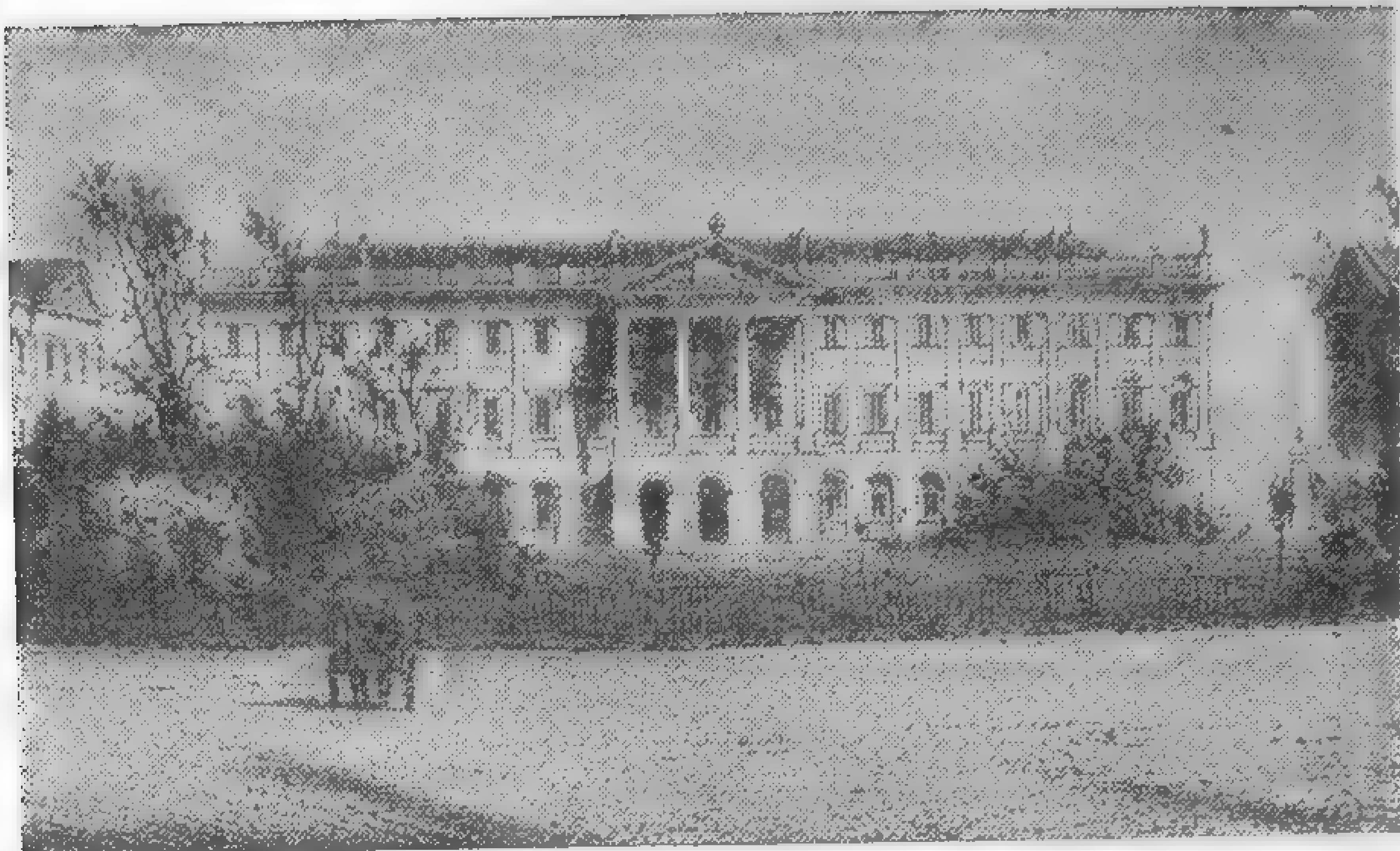
Таким образом, объехав территорию пограничных и ряда глубинных белорусских говоров, Карский произвел генеральную проверку имевшихся данных о белорусском языке, уточнил границы его распространения в начале XX в. и подготовил почву для решения новых научных проблем в области белорусской филологии.

В 1903 г. в Варшаве ученый выпустил в свет первый том фундаментальной монографии «Белорусы» (в 1904 г. переиздан журналом «Виленский временник», кн. 1), которая была запланирована как обширное историческое

исследование белорусского языка, устного народного и литературного творчества белорусов.

1 января 1905 г. Карский был назначен редактором самого крупного в дореволюционный период филологического органа — журнала «Русский филологический вестник». Хотя журнальная работа и отнимала много времени, ученый выполнял ее безукоризненно, всеми силами способствуя развитию отечественного языкознания и литературоведения. Сам редактор нередко помещал в журнале оригинальные статьи и стремился оперативно информировать научную общественность о выходящей в свет филологической литературе в нашей стране и за рубежом. Работая в журнале, Карский стал замечательным библиографом в филологической, палеографической и этнографической отраслях науки. Благодаря активной редакторской деятельности Карского этот журнал в первой четверти нашего века стал одним из самых авторитетных славистических изданий, оказавших благотворное влияние на развитие мировой славистики.

С 1905 по 1910 г. Карский работал выборным ректором Варшавского университета, не прекращая педагогической и научной работы. Несмотря на сложную политическую обстановку того периода, Карский делал все возможное для демократизации высшего образования и внедрения в педагогический процесс новейших научных достижений. Следует сказать, что в конце XIX — первой четверти XX в. в Варшавском университете были сконцентрированы крупные специалисты по разным теоретическим дисциплинам славистического цикла, что

Здание Варшавского университета, в котором Е. Ф. Карский работал с 1893 по 1915 год

во многом определяло общий уровень подготовки молодых преподавателей по русскому и другим славянским языкам и вообще по филологии. Большую лепту в это важное дело внес и Карский, отличавшийся трудолюбием и пониманием своего гражданского долга на посту руководителя высшего учебного заведения.

В 1908 г. вышла в свет 1-я часть второго тома «Белорусов», посвященная истории звукового строя белорусского языка, в 1911 г.—2-я часть, в которой автор излагает историю белорусского словообразования и словоизменения, в 1912 г.— 3-я часть, содержащая исторический очерк синтаксиса белорусского языка.

Третий том «Белорусов» тоже был опубликован в трех частях, которые освещали вопросы истории белорусской народной поэзии (1916), старой западнорусской письменности

(1921) и художественной литературы на народном языке (1922).

Выход в свет многотомного труда Карского «Белорусы» было самым крупным научным событием в отечественной филологии первой четверти XX в. Признанием выдающихся научных заслуг Карского было присуждение ему академических премий им. П. Н. Батюшкова (1910) и Ахматова (1913), избрание его почетным членом Историко-филологического общества при Новороссийском университете (5 марта 1914 г.) и ординарным академиком Российской академии наук по Отделению русского языка и словесности (8 октября 1916 г.).

В 1915—1916 гг. Карский временно работал в Ростове-на-Дону в связи с эвакуацией туда Варшавского университета, а после избрания в состав академиков переехал в Петроград. Оказавшись в крупнейшем научном центре страны, он с полной отдачей творческих сил принялся за решение новых проблем филологии. Насколько была разносторонней деятельность Карского в последний период его жизни, можно судить хотя бы по простому перечню обязанностей, которые он выполнял после переезда в Петроград. Он был членом Правления и Президиума Академии наук, директором Музея антропологии и этнографии, председателем Словарной комиссии, Комиссии по русскому языку, членом комиссии «Наука и научные работники», редактором журналов «Известия ОРЯС», «Известия по РЯС» Академии наук, членом Редакционно-издательского совета, сотрудником Научно-исследовательского института при Петроградском-Ленинградском университете, профессором филологического фа-

культета этого университета, председателем комиссии по открытию в Минске Белорусского государственного университета.

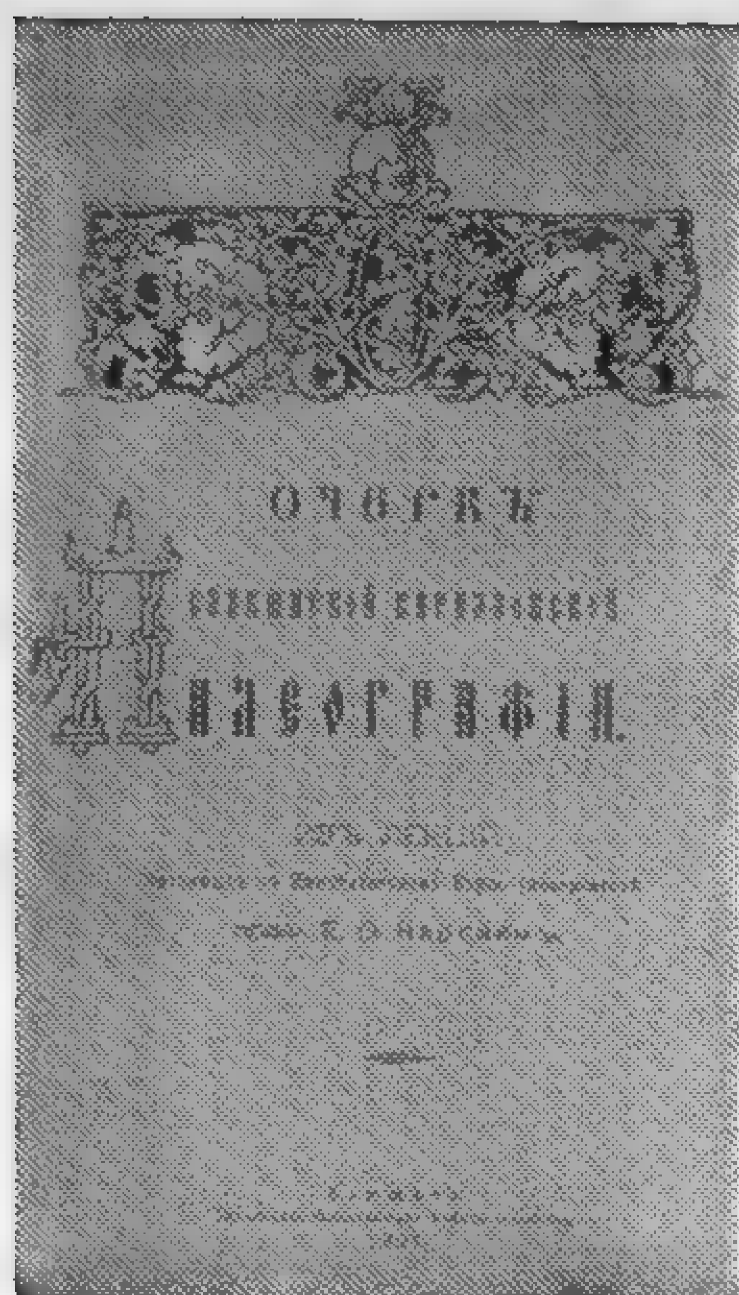
В советский период Карский много сделал для установления научных связей с зарубежными учеными-славистами, являясь делегатом Первого международного съезда славянских географов и этнографов (1924), а также находясь в командировке в южнославянских странах (1926).

Не менее продуктивной, чем в прежние годы, была научно-исследовательская работа Карского в 20-е годы. По поручению Историко-археологической комиссии он редактирует издания таких ценных памятников письменности, как Повесть временных лет, Суздальская летопись (1926—1927). Благодаря большой текстологической работе редактора эти издания признаны лучшими публикациями исторических источников.

За указанный период ученый опубликовал оригинальные исследования «Очерк научной разработки русского языка в пределах СССР» (1926), «Славянская кирилловская палеография» (1928), «Наблюдения в области синтаксиса Лаврентьевского списка летописи» (1929), «Русская правда» по древнейшему списку» (1930) и много статей по вопросам филологии.

24 мая 1925 г. Карский был избран почетным членом Общества любителей российской словесности, 15 декабря 1927 г.— почетным членом Общества письменности и искусства в Ленинграде, в январе 1929 г.— членом (академиком) Чешской академии наук.

29 апреля 1931 г. академик Евфимий Федорович скончался, оставив богатое филологиче-

Книга Е. Ф. Карского «Очерк славянской кирилловской палеографии» (Варшава, 1901)

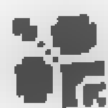
Книга Е. Ф. Карского «Образцы славянского кирилловского письма», изд. 2-е (Варшава, 1902)

ское наследие, которое и сейчас не утратило своей научной значимости. «В оценке ученой деятельности Евфимия Федоровича,— писал академик Б. М. Ляпунов,— для нас особенно важно отметить главный памятник его жизни — обширный, многотомный труд «Белорусы», равный которому по обстоятельности едва ли найдем в области изучения других славянских народов» [20].

---

[20] Изв. АН СССР. Отд. общественных наук, 1932, с. 171.

Е. Ф. КАРСКИЙ КАК ЯЗЫКОВЕД-СЛАВИСТ

Ко времени, когда Е. Ф. Карский непосредственно обратился к проблемам лингвославистики, в России, Белоруссии и на Украине уже был накоплен значительный опыт изучения древних и современных славянских языков. Правда, в начальный период истории этой науки главное внимание уделялось практическим целям — составлению небольших учебных словарей и грамматических пособий. При этом важно заметить, что в нашей стране почти до начала XIX в. преимущественно изучался старославянский (церковнославянский) язык. Лишь к середине XIX в., в связи с внедрением в исследовательскую практику сравнительно-исторического метода, обнаруживается тенденция к расширению круга изучаемых славянских языков. Славистическая работа значительно оживилась после того, как А. Х. Востоков, являющийся основателем славяноведения в России, произвел научную классификацию древних славянских памятников и открыл ряд звуковых законов в славянских языках.

Дальнейшее развитие отечественной славистики связано с именами выдающихся филологов Ю. И. Венелина, А. Ф. Гильфердинга,

О. М. Бодянского, В. И. Григоровича, П. С. Билярского, И. И. Срезневского, Ф. И. Буслаева, А. А. Потебни, А. Л. Дювернуа, И. А. Бодуэна де Куртенэ, И. В. Ягича, А. И. Соболевского, А. А. Шахматова, Ф. Ф. Фортунатова, Р. Ф. Брандта и др. К концу XIX в. были открыты все известные в настоящее время письменные памятники славянских народов, описаны языковые и палеографические особенности этих памятников, изучен звуковой строй, грамматическая система и словарный состав живых западно- и южнославянских языков, определены предмет и методы изучения древних и современных славянских языков.

Благодаря фундаментальным исследованиям наших ученых славистика к началу XX в. приобрела значение самостоятельной научной и учебной дисциплины, что в значительной мере повлияло на общие успехи данной науки во всемирном масштабе.

К славной плеяде выдающихся отечественных славистов конца XIX — первой трети XX в. принадлежал и Е. Ф. Карский, занимавшийся как традиционными вопросами славяноведения (изучение старославянских письменных памятников в лингвистическом и палеографическом отношении, составление учебных пособий по старославянскому, или церковнославянскому, языку, монографическое исследование отдельных грамматических явлений, критико-библиографическое обозрение славистических трудов), так и совершенно новыми аспектами этой комплексной науки. Справедливо утверждение В. И. Борковского о том, что «Е. Ф. Карский

был ученым-славистом в самом высоком смысле этого слова. Его исследования по славянским языкам, в первую очередь, конечно, по белорусскому, а затем по древнерусскому и старославянскому языкам, его труды по славянской палеографии — ценнейшее научное наследство.

Это наследство требует самого пристального внимания и глубокого изучения со стороны тех, кого интересуют вопросы славянской филологии»[1].

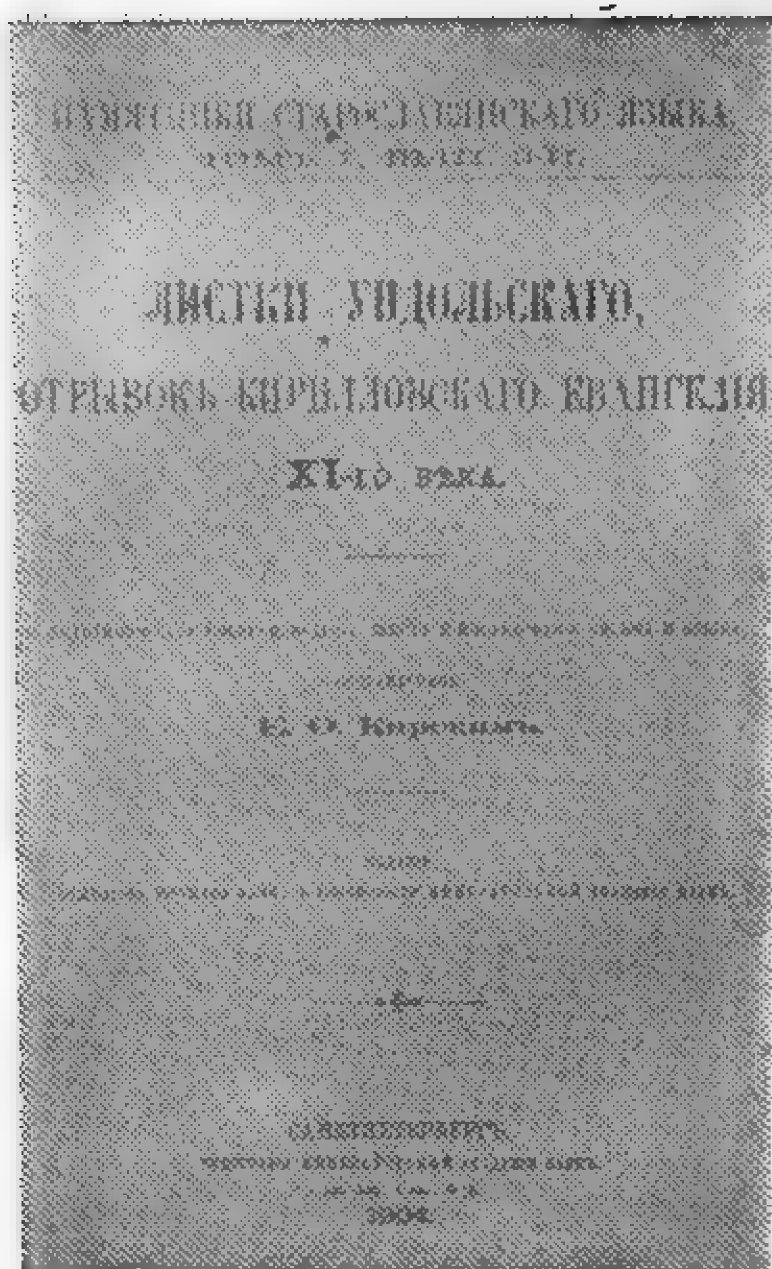
Славистической деятельности Е. Ф. Карского присуща очень важная черта, которая характеризует вообще все научное творчество ученого,— это стремление к объективной оценке достижений других славистов и поиск новых решений, способствующих дальнейшему развитию науки о древних и современных славянских языках. Возьмем, к примеру, его статью «Надпись Самуила 993 г.» (РФВ, 1899, т. 42), написанную в связи с сообщениями Ф. И. Успенского, Т. Д. Флоринского и Л. Милетича (см. «Изв. Русского археол. ин-та в Константинополе, 1899, вып. 1, т. 4) об открытии этой надписи. Согласившись с основными выводами названных авторов относительно хронологии этого самого древнего датированного памятника кирилловского письма, а также относительно расшифровки текста, подверженного порче вследствие того, что часть плиты не сохранилась, Е. Ф. Карский делает ряд уточнений в реконструкции начертаний слов,

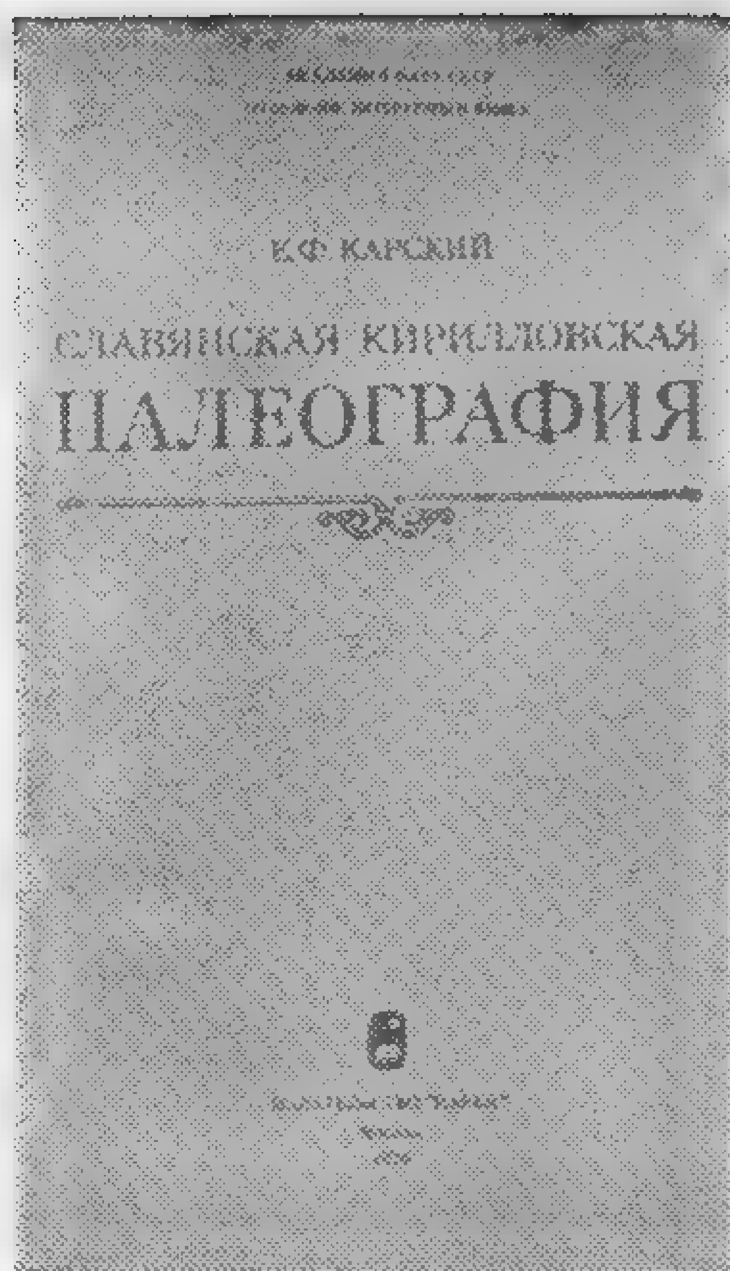
[1] *Борковский В. И.* Труды академика Е. Ф. Карского по славянским языкам.— В кн.: *Карский Е. Ф.* Труды по белорусскому и другим славянским языкам. М., 1962, с. 707.

причем сочетает чисто палеографические приемы с тонким лингвистическим анализом звукового и морфологического состава слов[2].

В 1904 г. в академическом издании «Памятники старославянского языка» (т. 1, вып. 3, с. 1—42) Е. Ф. Карский поместил очень ценную работу «Листки Ундольского, отрывок кирилловского евангелия XI века. Фототипическое воспроизведение текста и исследование письма и языка». Как известно, предшественниками Е. Ф. Карского в издании и описании этого памятника были И. И. Срезневский, И. В. Ягич, В. Н. Щепкин и другие слависты. Но в прежних публикациях и разборах Листков оказалось немало неточностей, которые обнаружил Е. Ф. Карский, вновь проведя тщательный палеографический и языковой анализ памятника по образцово выполненной фотокопии. Ученый предложил новое чтение текста, снабдив его подробными лингво-палеографическими комментариями и исследовав его фонетические, морфологические, синтаксические и лексические особенности, а также правописание, отражающее отсутствие йотированных гласных и правильно выдержанное употребление юсов. Словарь лексических особенностей памятника, приложенный в конце работы, содержит также греческие параллели, очень важные для понимания всей структуры текста. Что касается редакции текста Листков, то Е. Ф. Карский, вразрез с утверждениями И. В. Ягича, считавшего, что этот памятник по своему характеру близок к Ассеманову евангелию, выдвинул иное толкование этого

[2] *Борковский В. И.* Указ. соч., с. 704.

Книга Е. Ф. Карского «Листки Ундольского, отрывок кирилловского евангелия XI-го века» (Петербург, 1904)

Факсимильное издание книги Е. Ф. Карского «Славянская кирилловская палеография» (Москва, 1979)

вопроса: «У переписчика Листков был оригинал, не совпадавший ни с одним из сохранившихся до нашего времени древнейших (XI в.) кодексов» (с. 35). Такое заключение было сделано Е. Ф. Карским на основании тщательного сопоставления текста Листков не только с Ассемановым евангелием, но и с другими аналогичными по содержанию памятниками, т. е. с Остромировым, Зографским и Мариинским евангелиями, а также с Саввиной книгой. Этот на первый взгляд малозначительный факт по-

казывает, насколько Е. Ф. Карский дорожил научной истиной и как много он затрачивал времени для ее доказательства.

Таким образом, рассматриваемое исследование Е. Ф. Карского было новым шагом вперед в области изучения старославянской письменности древнейшей эпохи. Т. Д. Флоринский писал, что «вся работа выполнена весьма тщательно и прекрасно выясняет значение Листков в ряду других памятников старославянского языка» [3]. Несомненно, эта работа Е. Ф. Карского сохраняет свое значение и в современном славяноведении.

Интерес Е. Ф. Карского к языку и палеографическим чертам старославянских памятников не ограничивался рассмотрением Листков Ундольского. В этом отношении заслуживает внимания очень содержательная рецензия Е. Ф. Карского на работу чешского слависта В. Вондрака «O původu kijevských listů a pražských zlomků a o bohemismech v starších církevnoslovanských památkách vůbec. V Praze, 1904». В данной рецензии пересматривается вопрос о месте и времени написания двух очень ценных старославянских памятников — Киевских глаголических листков и Пражских отрывков. Сообщив некоторые сведения об истории изучения Киевских листков такими видными учеными, как И. И. Срезневский, Ф. Миклошич, И. В. Ягич, Ф. Ф. Фортунатов, В. Облак, Б. М. Ляпунов и др., Е. Ф. Карский подробно рассматривает гипотезу В. Вондрака об

---

[3] *Флоринский Т. Д.* Критико-библиографический обзор новейших трудов и изданий по славяноведению. [Вып.] XIII.— Унив. [Киевские] изв., 1904, с. 42.

указанных старославянских памятниках древнейшей эпохи. Как считал Вондрак, Киевские листки не могли быть написаны на территории Чехии, или Моравии, Болгарии, или Македонии. По данным языка и графики (в графике обращают на себя внимание следы влияния старонемецких начертаний), этот памятник скорее всего был создан среди паннонских словинцев, причем богемизмы в него могли попасть от чешских глаголитов, каким-то путем оказавшихся среди хорватов. Данная точка зрения В. Вондрака в определенной степени совпадала с мнением А. С. Будиловича, который в своем исследовании «Общеславянский язык в ряду других общих языков древней и новой Европы» (Варшава, 1892, т. 2, с. 88) высказал новое предположение о месте написания Киевских листков, а именно в приадриатических славянских землях.

Возражения Е. Ф. Карского по вопросам о времени и месте написания Киевских листков внесли очень существенные поправки в мнения названных славистов. Е. Ф. Карский писал: «Как ни ценны соображения Вондрака, однако трудно предположить, что писец, хотя бы и чех, живший где-то в Сербии или Хорватии на границе с Болгарией, мог так систематически провести в фонетике основные черты своего родного наречия. Если писец Остромирова евангелия, диакон Григорий, делает отступления в пользу своего родного произношения ■ передаче юсов, смягчении gj в *ж*, то это у него далеко не последовательно, да и писал он у себя на родине (на Руси.— *М. Б.*), где все так говорили, как он. Отчего чешский писец не ввел и других богемизмов? Соображения

Вондрака по этому поводу (43) малодоказательны. Не в пользу его говорит и предположение о том, что чешский писец переписывал более древний оригинал Киевских листков, а не дошедшую до нас рукопись, которая будто бы переписана сербо-хорватом (44). Последний, несомненно, внес бы расстройство в систематическое употребление *з* и *ц*.

Когда написаны Киевские листки? Держась предположения, что богемизмы были введены в Киевские листки не последним писцом, а более старым, Вондрак решается приурочить их ко времени IX—X столетия. Изгнанные из Моравии ученики Мефодия не все попали в Болгарию, а некоторые из них, например Горазд, могли остаться в Хорватии, где, как им было известно, было заведено славянское богослужение (45). Такое предположение, конечно, ничего не говорит о времени появления дошедшей до нас рукописи Киевских листков. Имея в виду, что к ней присоединен и отрывок Апостола (Римл. XIII, 11—14; XIV, 1—4), хотя и писанный другим почерком и не имеющий богемизмов (ср. изнємага|ѫщаго, [ω]сѫждаи), но, несомненно, составляющий одну часть старинного миссала, мы должны предположить, что рукопись возникла не раньше XI в.: до этого времени, по наблюдениям Муратория, и в латинских миссалах, послуживших оригиналом для глаголических славянских, еще не было чтений из св. Писания, которое тогда входило в состав других богослужебных книг — евангелистариев и лекционариев»[4]. Последний мо-

[4] *Карский Е. Ф.* Труды по белорусскому и другим славянским языкам. М., 1962, с. 605—606.

мент Е. Ф. Карский обосновывает фактами, содержащимися в исследовании А. В. Михайлова о некоторых старославянских памятниках [5].

Хронология и языково-палеографические особенности, а равным образом и принадлежность этого письменного памятника определенным территориям славянского мира были предметом славистических интересов и других ученых: Н. К. Грунского, Б. М. Ляпунова, А. И. Соболевского, Н. Ван-Вейка, М. Вайнгарта, А. М. Селищева, Г. А. Хабургаева, которые расходились лишь в некоторых деталях, в целом же все принимали положение, что Киевские листки (или Киевский миссал) — это наиболее древний старославянский памятник и написаны они были где-то в юго-западной части славянских поселений.

Среди славистических трудов Е. Ф. Карского видное место занимает исследование «Особенности письма и языка Мстиславова евангелия» (РФВ, 1895, т. 34; то же отд. отт. Варшава, 1895, 24 с.). По словам Е. Ф. Карского, это «один из самых выдающихся памятников древнерусского письма, относящихся к началу XII-го века (до 1117 г.)». Кроме особенностей письма (графики), автор анализирует звуковые, морфологические, синтаксические и лексические черты памятника, обращая внимание на соотношение книжнославянских и восточнославянских языковых явлений. В частности, он указывает на то, что в сложном склонении при-

---

[5] *Михайлов А. В.* К вопросу о литературном наследии св. Кирилла и Мефодия в глаголических хорватских миссалах и бревиариях. Варшава, 1904, с. 35.

лагательных дают о себе знать формы, свойственные живому языку восточных славян (в дат. падеже ед. ч. окончание *-ому* наряду с книжными *-ууму, -оуоумѧ*). Подобные факты представляют большой интерес в том отношении, что по ним можно судить о начале процесса взаимодействия между нормами старославянской книжной и восточно-славянской разговорной речи в памятниках русской редакции.

Рассматриваемая работа Е. Ф. Карского впервые ввела в научный оборот основные филологические данные о Мстиславовом евангелии (раньше оно хранилось в библиотеке Московского Архангельского собора, затем в Московской патриаршей (Синодальной) ризнице, в настоящее время находится в Историческом музее). Несколько позже, в 1904 и 1910 гг., в издании Общества любителей древней письменности, П. К. Симони опубликовал памятник целиком (запись в нем воспроизведена в 1938 г. С. П. Обнорским и С. Г. Бархударовым в «Хрестоматии по истории русского языка», с. 26). На эту публикацию П. К. Симони Е. Ф. Карский отозвался критико-библиографической статьей, в которой подчеркивал значение памятника для всех исторических отраслей науки[6].

Не меньший интерес для Е. Ф. Карского представляло изучение языка и палеографиче-

---

[6] *Карский Е. Ф.* Мстиславово евангелие начала XII в. в археологическом и палеографическом отношениях. Собрал, приготовил к изданию и снабдил вводною статьею Павел Симони. Спб., 1904, № CXXII изданий Общества любителей древней письменности.— РФВ, 1905, т. 53, № 1-2, с. 168—169.

ских черт замечательного старославянского памятника, известного в науке под названием Супрасльской рукописи (XI в.). Со времени открытия этой рукописи М. К. Бобровским (около 1825 г.) ученые слависты приложили много усилий для выяснения ее хронологии, состава, характера письма и языка (В. Облак, В. Вондрак, А. Лескин и др.). Еще в 1851 г. Ф. Миклошич предпринял издание памятника в Вене, но эта публикация, как было установлено Е. Ф. Карским благодаря тщательному сопоставлению напечатанного текста и виленской копии рукописи, оказалась не совсем удачной. В 1904 г. этот памятник был издан и прокомментирован С. Н. Северьяновым (Памятники старославянского языка, т. 2, вып. 1), что и нашло положительную оценку в заметке Е. Ф. Карского[7]. В дальнейшем этим памятником занимались как отечественные, так и зарубежные слависты (С. П. Обнорский, А. Маргулиес, К. Майер, Ф. Пастрнек, Н. Ван-Вейк и др.)[8].

В журнале «Русский филологический вестник» и академических изданиях Е. Ф. Карский опубликовал массу критико-библиографических статей, посвященных разбору публикуемых учеными-славистами текстов памятников и лингво-палеографических исследований в данной области. Можно указать на статьи Е. Ф. Карского о работах И. Евсеева, Б. М. Ля-

---

[7] *Карский Е. Ф.* Супрасльская рукопись. Труд Сергея Северьянова. Спб., 1904, т. 1, IX, 570 с., 3 л. снимков (Памятники старославянского языка, т. 2, вып. 1).— РФВ, 1905, т. 53, № 1-2, с. 339—348.

[8] *Селищев А. М.* Старославянский язык. М., 1951, ч. 1, с. 74—77.

пунова, Г. (А.) Воскресенского, Е. Калужняцкого, П. А. Лаврова, А. В. Михайлова, С. М. Кульбакина, Н. К. Грунского, Г. А. Ильинского, И. А. Бодуэна де Куртенэ, И. В. Ягича и др.[9]

О глубине анализа и точности научных оценок, содержащихся в этого рода статьях Е. Ф. Карского, можно судить по высказываниям ученого в связи с выходом в свет публикаций старославянских памятников И. В. Ягича. Так, по поводу Зографского евангелия, изданного И. В. Ягичем в 1879 г., Карский замечает: «Издание сделано более распространенным в науке кирилловским письмом с добавлением даже особого знака для глаголического i, с треугольным основанием, взятого Ягичем из греческого курсива»[10].

По поводу книги И. В. Ягича «Памятник глаголической письменности. Мариинское четвероевангелие с примечаниями и приложениями» (Спб., 1883) Е. Ф. Карский пишет еще более подробно, подчеркивая лингвистическую сторону исследования: «Издание это во многих отношениях замечательное. Текст напечатан строка в строку, знак в знак. К изданию приложен палеографический обзор памятника и подробный очерк языка; здесь издатель делает даже специальные экскурсы по разным грамматическим вопросам, например об образовании и происхождении старославянского имперфекта и т. п.; под текстом указываются

---

[9] Перечень этих статей см.: *Булахов М. Г.* Восточнославянские языковеды. Минск, 1977, т. 2, с. 261—262.

[10] Изв. Отделения русского языка и словесности Российской академии наук, 1924, т. 28, с. 366.

варианты из других памятников того же времени, наконец, дается подробный словоуказатель, послуживший образцом для словарей, обыкновенно прилагаемых в настоящее время к лучшим изданиям подобного рода» [11].

Характеризуя осуществленное И. В. Ягичем издание «Служебные минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь в церковнославянском переводе по русским рукописям 1095—1097 гг.» (Спб., 1886), Е. Ф. Карский указывает, что этот «труд по внешнему виду и по внутреннему достоинству капитальный. Он дал возможность многим ученым исследователям всесторонне ознакомиться с специфическими особенностями северновеликорусского наречия, уже в глубокой древности всплывающими наружу, а также расширить исследование этого вопроса, обратившись к изучению аналогичных источников» [12].

Относительно публикации И. В. Ягича Киевского глаголического отрывка «Glagolitica» (Wien, 1890) Е. Ф. Карский пишет, что это «лучшее издание одного из самых бедных по внешнему виду, но зато — можно сказать — самого замечательного по языку и по древности памятника» [13].

В научно-педагогической деятельности Е. Ф. Карского большое место занимало преподавание курса старославянского (церковнославянского) языка. Данная отрасль славистики складывалась постепенно. На важное значение этого предмета указывал еще М. В. Ломоносов

---

[11] Изв. Отделения русского языка и словесности Российской академии наук, 1924, т. 28, с. 367.
[12] Там же, с. 371—372.
[13] Там же, с. 367.

в своем знаменитом «Предисловии о пользе книг церковных в российском языке». В первой четверти XIX в. появились теоретические работы, освещавшие историю старославянского языка и его строй, в частности работы М. Т. Каченовского «О славянском языке вообще и и особенности о церковном» («Вестник Европы», 1816, ч. 89, № 19), А. Х. Востокова «Рассуждение о славянском языке, служащее введением к грамматике сего языка, составляемой по древнейшим оного письменным памятникам» (1820), «Грамматика церковнославянского языка (1861, 1863), К. Ф. Калайдовича «Иоанн, эксарх болгарский. Исследование, объясняющее историю словенского языка и литературы IX и X столетий» (1824), Ф. И. Буслаева «О влиянии христианства на славянский язык» (1848) и др.

Среди зарубежных исследований и учебных пособий необходимо выделить прежде всего работы И. Добровского «Основы древнего наречия славенского языка» (1822), «Грамматика языка славянского по древнему наречию» (Спб., 1833—1834) и Ф. Миклошича «Сравнительная морфология славянских языков» (русский перевод Н. Шлякова, М., 1889). В первой части этого труда подробно излагается строй старославянского языка с его фонетическими и грамматическими особенностями.

Следует отметить еще труды А. Шлейхера «Морфология церковнославянского языка» (1852), А. Лескина «Руководство по древнеболгарскому (древнецерковнославянскому) языку» (1871, 1886, позже в России оно напечатано под названием «Грамматика древнеболгарского (древнецерковнославянского) языка».

Казань, 1915). В конце XIX — начале XX в. учебные курсы старославянского языка были разработаны и изданы И. А. Бодуэном де Куртенэ, Ф. Ф. Фортунатовым, Р. Ф. Брандтом, В. А. Богородицким, И. В. Ягичем, В. Н. Щепкиным, В. К. Поржезинским и другими учеными. Каждый из них излагал факты старославянского языка по своей лингвистической системе и в соответствии с индивидуально составленными программами чтения данной дисциплины в средних или высших учебных заведениях.

К систематическому изучению курса старославянского языка Е. Ф. Карский обратился не случайно. Известно, что после окончания в 1885 г. Историко-филологического института в Нежине он был направлен на работу во вторую Виленскую гимназию, где впервые в своей педагогической работе стал преподавать данную дисциплину, имея в виду не только самостоятельное значение этой отрасли науки, но и ее вспомогательную роль при изучении прежде всего русского языка, находившегося со старославянским языком в длительном взаимодействии. Именно поэтому Е. Ф. Карский поставил целью подготовить новое учебное пособие, в котором факты старославянского языка будут сопоставляться с определенными явлениями древнерусского и современного русского языка. Это пособие первым изданием вышло в свет в Вильно в 1888 г. под названием «Грамматика древнего церковнославянского языка сравнительно с русским (Курс средних учебных заведений)». Насколько данное пособие оказалось удачным, можно судить хотя бы по тому, что

оно выдержало 19 изданий (последнее из них вышло в Сергиевом Посаде в 1917 г.).

Свою точку зрения на принципы построения курса старославянского языка в средних учебных заведениях и на характер составления учебных пособий Е. Ф. Карский изложил в предисловиях к различным изданиям книги, а также в ответе Н. П. Некрасову, опубликовавшему отзыв на нее (о 6-м издании) [14], и в специальной статье «О преподавании церковнославянского языка в мужских гимназиях»[15]. Сначала пособие Е. Ф. Карского выходило в свет без изменения содержания, но по мере дальнейшей научной разработки старославянского языка и корректировки учебных планов и программ автор делал некоторые дополнения и поправки. Так, уже 7-е издание (Вильно, 1899) было автором переработано с учетом замечаний, сделанных Н. П. Некрасовым, а также своих наблюдений в процессе учебной практики. По этому поводу в предисловии к 7-му изданию книги Е. Ф. Карский писал: «Руководясь желанием, как и при первом издании, в форме, удобопонятной для учащихся в средних учебных заведениях, дать краткий курс грамматики древнего церковнославянского языка, основанный на общеустановившихся выводах сравнительного языковедения по этому предмету,— автор в 7-м издании старался, согласно сделанным в отмеченной рецензии

[14] Рецензия Н. П. Некрасова была помещена в «Журнале Министерства народного просвещения», 1898, апрель, август; ответ Е. Ф. Карского — в том же органе, 1898, июль, с. 477—489.

[15] Русский филологический вестник, 1899, т. 22, № 4, с. 37—59; то же отд. отт. Варшава, 1899, 23 с.

(Н. П. Некрасова.— *М. Б.*) указаниям, устранить некоторые неточные выражения и допущенные в прежних изданиях недосмотры; кроме того, опущены некоторые излишние для учеников подробности» (с. III).

Вводная часть грамматики Е. Ф. Карского посвящена общим вопросам, касающимся индоевропейской семьи языков, места, занимаемого в ней языком древних славянских племен, истории старославянского (церковнославянского) языка, зарождения славянских азбук. Затем идут разделы «Звуки и буквы. Азбука» (гласные и согласные звуки, некоторые отличия русского языка от церковнославянского, особенно в сочетании гласных звуков с согласными *р* и *л*), «Образование слов. Составные части слова», «Изменение слов» (склонение существительных и кратких прилагательных, местоимений и полных прилагательных, степени сравнения, имя числительное и его склонение, спряжение глаголов, неизменяемые части речи, главнейшие особенности церковнославянского синтаксиса). В книге даны отрывки из Остромирова евангелия и книг на новославянском языке, примечания к текстам и вопросы. Приложение содержит краткий очерк главнейших особенностей древнерусского языка и замечания о языке народных произведений. В конце пособия помещен краткий словарь малопонятных учащимся старославянских слов и выражений.

Таким образом, несмотря на краткость этого учебника, в нем имеются все основные сведения о звуковом и грамматическом строе старославянского языка, при этом автор подчеркивает в Предисловии к 7-му изданию книги,

что «курс, согласно «Объяснительной записке к учебному плану русского языка и словесности», изложен так, что он не только знакомит с особенностями древнего церковнославянского языка, но и объясняет, по возможности, и общий строй языка русского и сохранившиеся до наших времен остатки старых форм, т. е. сравнительно с русским. В некоторых местах, однако, где такое сравнение оказалось бы не под силу учащимся или отклонило бы их от прямого пути, автор ограничивается простым сопоставлением русских форм с церковнославянскими» (с. III).

Грамматика Е. Ф. Карского была подготовлена на высоком научно-методическом уровне и полностью отвечала требованиям учебной программы для гимназий, утвержденной 20 июля 1890 г., и программы для реальных училищ, утвержденной 26 июля 1895 г.

Рассматриваемое пособие в известной степени перерабатывалось автором и в последних изданиях. Так, содержание 17-го издания охватывает следующие вопросы: введение в грамматику; буквы и звуки; образование слов; изменение слов; неизменяемые части речи; главнейшие особенности синтаксиса; общие выводы о русском языке. В этом издании имеется краткая хрестоматия, где даны образцы текстов древнего церковнославянского языка (из Зографского, Остромирова и Архангельского евангелий), образцы текстов древнерусского языка (Грамоты Мстислава ок. 1130 г., грамоты 1301 г., Лаврентьевского списка летописи 1377 г., «Слова о полку Игореве»), образцы современного русского литературного произношения, русской народной речи, а также бело-

русского и украинского языков. Имеется также словарь малопонятных слов, встречающихся в древних текстах старославянского языка.

В предисловии к 17-му изданию (Варшава, 1915) автор сообщал, что он внес определенные изменения в 16-е издание, как этого требовала программа, утвержденная 21 апреля 1912 г., и объяснительная к ней записка, опубликованная в «Журнале Министерства народного просвещения» в июле 1912 г. Затем последовали уточнения и в 17-м издании, явившиеся откликом автора на пожелания, высказанные в педагогической литературе и рецензентами Ученого комитета Министерства народного просвещения. Для составителей учебных пособий очень ценно следующее замечание Е. Ф. Карского по поводу общего характера педагогических книг: «Держась того мнения, что наука на всех ступенях школы должна быть одной и той же, сообщая только истинные знания, которые в разных родах школы должны отличаться лишь количественно и по способу изложения, но не по качеству и не по существу, автор в форме, удобопонятной для учащихся IV класса средних учебных заведений, старался изложить основные особенности древнего церковнославянского языка в звуках и формах применительно к общеустановившимся выводам сравнительного языковедения по этому предмету» (с. III).

Е. Ф. Карский разработал и вузовский курс старославянского языка. Этот более углубленный курс нашел отражение в опубликованных «Программе по грамматике древнецерковнославянского языка» (Ростов-на-Дону, 1916, 12 с., изд. литогр.) и «Лекциях по грамматике

древнего церковнославянского языка, читанных студентам-славистам 1—2 курсов имп. Варшавского университета в 1915/16 акад. году (Ростов н/Д., 1916, 195 с., изд. литогр.).

Е. Ф. Карский систематически знакомился со всеми выходившими пособиями по старославянскому языку в нашей стране и за рубежом, высказывая свое суждение о них в библиографических обзорах. Можно отметить, например, отзывы Е. Ф. Карского на учебные книги по данной дисциплине, составленные А. П. Флеровым[16], Н. М. Каринским[17], Н. К. Грунским[18], С. М. Кульбакиным[19], В. Вондраком[20], А. Лескином[21], Б. М. Ляпуновым[22], О. Гуйером[23] и другими славистами.

Много оригинальных теоретических соображений Е. Ф. Карский высказал в рецензиях, отзывах и библиографических обзорах, посвященных рассмотрению учебных пособий, монографий, статей и сборников, в которых излагаются результаты исследования польского,

---

[16] РФВ, 1894, т. 81, № 1-2, с. 345—356.

[17] РФВ 1905, т. 53, № 1-2, с. 165—167; РВФ, т. 66, № 3-4; 1911, с. 415.

[18] РФВ, 1907, т. 58, № 3-4, с. 229—230; РФВ, т. 66, № 3-4; 1911, с. 413.

[19] РФВ, 1911, т. 65, № 1-2, с. 484—488; РФВ, 1912, т. 67, № 1-2, с. 431—432; РФВ, 1912, т. 68, № 3-4, с. 262; РФВ, 1913, т. 70, № 4, с. 475; РФВ, 1913, т. 69, № 1-2, с. 520.

[20] РФВ, 1901, т. 46, № 3-4, с. 293; РФВ, 1904, т. 51, № 1-2, с. 332—334; РФВ, 1911, т. 65, № 1-2, с. 270—271; РФВ, 1912, т. 68, № 3-4, с. 260—261; РФВ, 1915, т. 73, с. 186—187.

[21] РФВ, 1915, т. 73, № 2, с. 442—443.

[22] РФВ, 1905, т. 54, № 3-4, с. 445; РФВ, 1913, т. 69, № 1-2, с. 252—253.

[23] РФВ, 1911, т. 65, № 1-2, с. 483—484.

чешского, сербохорватского, болгарского языков. Он опубликовал отзывы на труды Г. А. Ильинского «Сложные местоимения и окончания родительного падежа единственного числа мужского и среднего рода неличных местоимений в славянских языках» (М., 1905)[24], «Праславянская грамматика» (Нежин, 1916)[25]; А. М. Лукьяненко «Кайкавское наречие» (Киев, 1905)[26], «Основные методы и направления в области славянского языкознания в связи с историческим ходом развития языкознания вообще, индоевропейского в частности» (Киев, 1909)[27]; И. А. Бодуэна де Куртенэ «О транскрипции польских местных названий»[28], «Польский язык сравнительно с русским и древнецерковнославянским»[29]; Л. Милетича «Арнаутите» в Силистренско и следи от носовки в техния език»[30]; Прота Милоша С. Анеелковича «Бранич српског или хрватског језика»[31]; Э. Бернекера «Славянский этимологический словарь»[32]; С. Младенова «Старите германски елементи в славянските езици»[33], «История болгарского языка»[34]; Н. К. Грунского «Очерки по истории разработки синтаксиса славян-

---

[24] РФВ, 1905, т. 53, № 1-2, с. 338—339.
[25] РФВ, 1917, т. 77, № 1-2, с. 280—281.
[26] РФВ, 1905, т. 54, № 3-4, с. 445.
[27] РФВ, 1910, т. 63, № 1-2, с. 198—199.
[28] РФВ, 1905, т. 54, № 3-4, с. 444.
[29] РФВ, 1913, т. 69, № 1-2, с. 248—249.
[30] РФВ, 1901, т. 46, № 3-4, с. 293—294.
[31] РФВ, 1909, т. 61, № 1-2, с. 197.
[32] РФВ, 1909, т. 61, № 1-2, с. 197—198.
[33] РФВ, 1911, т. 55, № 1-2, с. 272—273.
[34] Изв. по РЯС АН СССР, 1929, т. 2, кн. 2, с. 742—744.

ских языков»[35]; Д. П. Джуровича «К вопросу о происхождении имен славянских народов»[36]; Н. С. Державина «Болгарские колонии в России. Т. 2. Язык. 1. Обзор говоров. 2. Общие итоги, выводы и наблюдения. 3. Тексты. С приложением диалектной карты»[37]; А. Мазона «Значение видов глагола в русском языке»[38]; С. М. Кульбакина «Сербский язык. 1. Фонетика и морфология сербского языка»[39] и других славистов.

Характерными чертами написанных Е. Ф. Карским отзывов на славистические труды отечественных и зарубежных ученых являются лаконизм в изложении сущности решаемых учеными задач и точность в определении новизны их вклада в мировую филологию. Это заключение можно проиллюстрировать выдержкой из рецензии Е. Ф. Карского на исследование Ф. Лорентца «История померанского (кашубского) языка» (Берлин — Лейпциг, 1925). Проинформировав читателей о содержании всех частей книги, рецензент следующим образом характеризует заслуги исследователя: «Автор рассматриваемого труда, д-р Лорентц, в настоящее время является большим знатоком языка вымирающих поморских славян, особенно словинцев и кашубов. Вся его многолетняя филологическая деятельность была сосредоточена либо на подготовке к изучению их языка, либо на самом изучении и обнародовании цен-

---

[35] РФВ, 1911, т. 55, № 1-2, с. 482—483.
[36] РФВ, 1913, т. 69, № 1-2, с. 249.
[37] РФВ, 1915, т. 74, № 3, с. 199.
[38] РФВ, 1914, т. 71, № 2, с. 632.
[39] РФВ, 1915, т. 73, № 1, с. 184.

нейших данных, являющихся результатом этого изучения. <...> Завершением всех его трудов по языку поморских славян является разбираемый нами его труд. Естественно, что в рассматриваемой книге автор дает богатый, строго проверенный материал по народному языку данной местности. Везде фактическое изложение; фантазии представляется мало места. Взгляды автора в общем отличаются научностью.

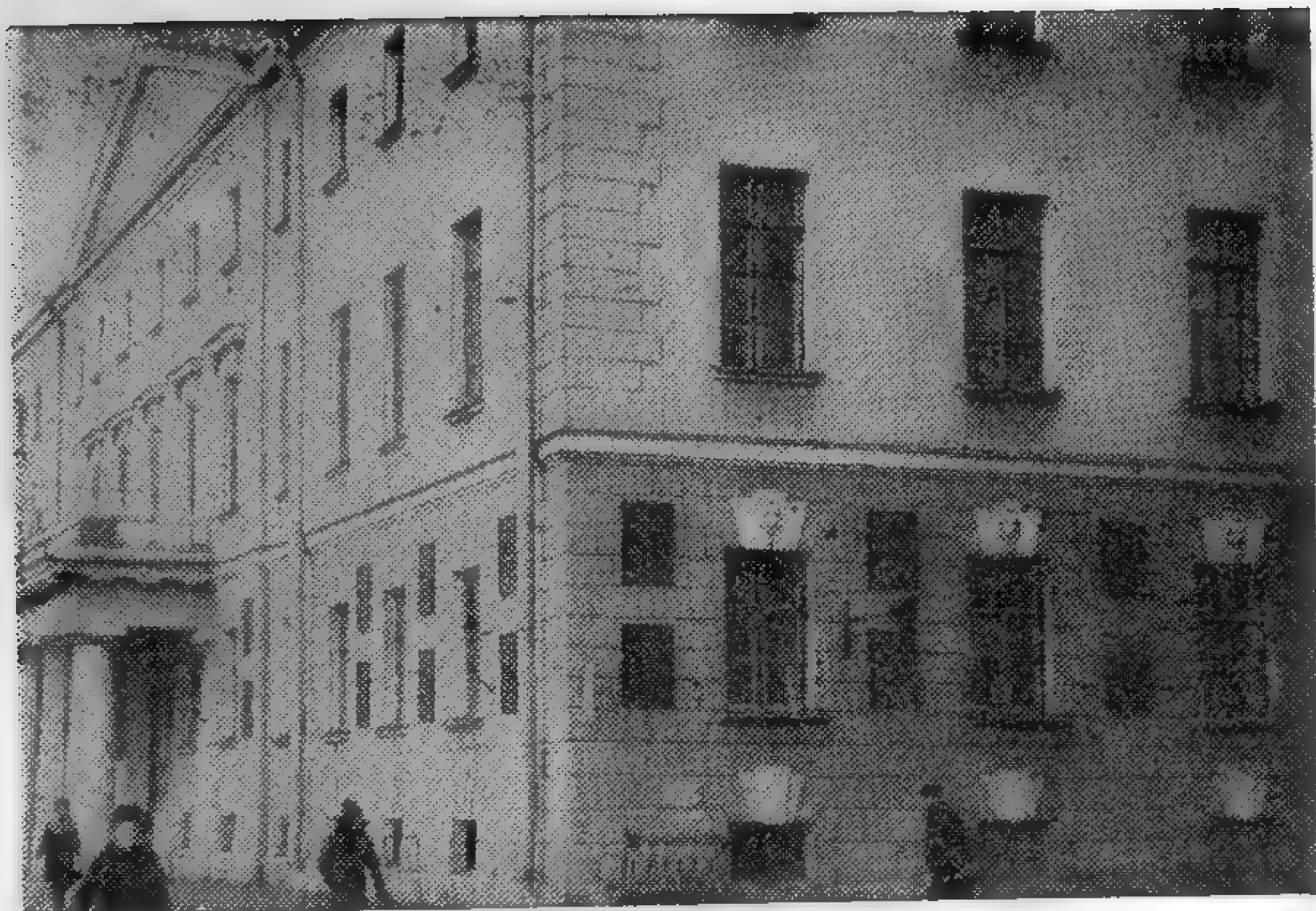
Рассматриваемая языковая область ближе всего к польскому языку и относится она к северо-западной группе славянских языков. Она дает много интересных данных для решения вопросов о первоначальной группировке и взаимоотношениях славянских племен; для суждения о праславянском языке... Но и для специально русского языковеда она дает много такого, на что нельзя не обратить внимания и над чем приходится иногда задуматься»[40].

Уже будучи человеком преклонного возраста, Е. Ф. Карский внимательно ознакомился с поступившей в редакцию «Известий по русскому языку и словесности» АН СССР книгой С. Младенова «История болгарского языка», вышедшей в свет на немецком языке (Берлин — Лейпциг, 1929). В небольшой заметке об этой книге Е. Ф. Карский говорит сначала о личности исследователя, затем о содержании его книги, которая «дает историю болгарского языка, основанную на новейших данных изучения этого языка силами лучших славистов»[41],

---

[40] *Карский Е. Ф.* Труды по белорусскому и другим славянским языкам. М., 1962, с. 616—618.

[41] Там же, с. 619.

Дом на 7-й линии Васильевского острова (Ленинград), в котором с 1916 по 1930 год жил Е. Ф. Карский

и, наконец, о важности проанализированных автором исторических явлений для решения общеславистических проблем языкознания. Внимание рецензента привлекли, в частности, факты, которые могут определенным образом указывать на древнейшие связи южнославянских и восточнославянских народов. Так, после рассмотрения фонетической части книги, Е. Ф. Карский останавливается на вопросе о характере болгарской редукции гласных и находит, что это явление имеет сходство с соответствующим явлением в восточнославянских говорах. Он пишет: «Русскому исследователю бросается в глаза сходство болгарской редукции гласных с южновеликорусской и белорусской. Становится ясным, что одни и те же

явления происходят в обоих языках при сходном положении. Что касается, в частности, белорусских говоров, то естественно припоминается одно сопоставление, на которое в свое время обратил мое внимание М. С. Дринов: именно, что одно из основных племен, вошедших в состав белорусов,— дреговичи — должно быть родственно племени δραγουβῖται, жившему у Солуни, где была родина Константина и Мефодия, положивших местное наречие в основу литературного древнеболгарского языка. Вообще исследователь истории русского и белорусского языков в соответствующих местах труда проф. Младенова найдет много интересных параллелей»[42]. К числу таких параллелей Е. Ф. Карский относит случаи полногласия в болгарском (для белорусского языка полногласие вообще норма), отвердение *р*, пропуска *ў* между гласными, пропуска *ж* в такой же позиции и другие звуковые черты.

Рецензент особо подчеркивает значение акцентологических наблюдений С. Младенова, которые могут привести к важным выводам относительно взаимодействия фонетических систем древнеболгарского и древнерусского языков: «Очень ценный отдел, на который обыкновенно мало обращали внимания в истории языка, составляет Die Akzentverhältnisse (155—181), где вкратце рассмотрены разные вопросы, связанные с праславянским, древнеболгарским и современным болгарским ударением. Для изучающего историю русского ударения здесь можно найти много интересных

---

[42] *Карский Е. Ф.* Труды по белорусскому и другим славянским языкам, с. 620.

параллелей и указаний. Древнерусские памятники, имеющие на себе знаки ударений, часто повторяют именно староболгарские оригиналы, хотя иногда отражают и черты разных диалектов и наречий русского языка. Это особенно следует иметь в виду при изучении белорусских и украинских памятников XV—XVIII вв.»[43].

Таким образом, из приведенных примеров можно видеть, что каждая книга, которую приходилось Е. Ф. Карскому изучать или рецензировать, рассматривалась им как с точки зрения узких лингвистических задач, так и с точки зрения широких проблем, возникавших перед исследователями-славяноведами. С огромной заботой Е. Ф. Карский вводил в международный научный славистический оборот факты и явления родного ему белорусского языка, продолжительное время не получавшего должного освещения и правильной интерпретации в трудах не только зарубежных, но и отечественных славистов. Титанический труд, затраченный Е. Ф. Карским для всестороннего изучения истории и современного состояния белорусского языка, имеет огромное значение для понимания исторических судеб белорусского народа как неотъемлемой части всего славянства. Ведь на самом деле: со времени опубликования главных исследований Е. Ф. Карского коренным образом стали изменяться взгляды славистов на состав славянской семьи языков и на историю взаимоотношений между ними в разные периоды жизни славянских народов.

---

[43] *Карский Е. Ф.* Труды по белорусскому и другим славянским языкам, с. 620—621.

В этом вопросе стали совершенно очевидными ошибки ряда исследователей (А. А. Потебни, Ф. Миклошича и др.), считавших белорусский язык наречием (или даже поднаречием) какого-либо иного славянского языка — русского, украинского, польского. Капитальные труды Е. Ф. Карского открыли новую отрасль славяноведения, которая и в наше время продолжает успешно развиваться на базе ценнейших фактов белорусско-инославянских языковых, литературных, фольклорных и этнографических взаимосвязей.

На примере тщательного изучения всех известных науке старобелорусских письменных памятников, современного живого белорусского языка в его народно-диалектной и литературной форме Е. Ф. Карский убедительно показал, какие новые аспекты исследования открываются перед славистами благодаря расширению исследовательской базы за счет огромного белорусского материала и к каким сторонам славяноведения необходимо привлечь внимание ученых нынешнего поколения.

Может показаться, что изучение Е. Ф. Карским старобелорусских переводов памятников церковно-религиозного содержания решало лишь частные задачи определения процесса становления системы белорусского языка в XV—XVII вв. Но очень важно помнить и то, как преломлялись старокнижные традиции в ходе формирования белорусского языка, как влияла древнеславянская письменность на зарождавшиеся стили белорусской письменно-литературной и разговорной речи. Не меньший интерес представляет исследование обратного процесса — воздействия живой белорусской

речи на традиционные книжнославянские стили. Уже в ранней своей монографии «Западнорусские переводы псалтыри в XV—XVII веках» (Варшава, 1896) Е. Ф. Карский блестяще раскрыл диалектику взаимоотношений между историческим наследием книжнославянского языка и идущей из народных глубин белорусской речью. Вот почему мы вправе говорить, что научно-исследовательская работа Карского в этой области филологии имела чрезвычайно широкое общеславистическое значение.

В славяноведческой деятельности Е. Ф. Карского следует выделить еще один момент, показывающий отношение ученого к прошлым этапам в истории филологии. Е. Ф. Карский с глубочайшим уважением относился к своим предшественникам — исследователям древних и современных славянских языков. Постоянно занимаясь исследованием разнообразных славистических проблем, он обращался и к трудам тех, кто прокладывал магистральные пути этой отрасли науки, чьи идеи плодотворно воздействовали на дальнейший ход развития славянской филологии.

30 декабря 1922 г. Е. Ф. Карский выступил с докладом на заседании Исследовательского института имени А. Н. Веселовского, посвященным столетию со дня выхода знаменитой «Грамматики языка славянского по древнему наречию...» (Вена, 1822) Иосифа Добровского, который по праву считается основоположником славянской филологии. Докладчик отмечал, что «Добровский положил доброе начало научному исследованию старославянского языка; через сто лет наука далеко ушла вперед, однако все успехи, достигнутые в этой области, далеко не

таковы, чтобы заслуги ее основателя совершенно поблекли, стушевались. Приглядевшись внимательнее к современным достижениям, мы очень часто корни их открываем уже в мыслях Добровского»[44]. Подробно проанализировав книгу И. Добровского и показав научность суждений автора по вопросам происхождения старославянского языка, письменных источников, составления первых пособий по данной дисциплине (главным образом восточнославянских), характер звукового и грамматического строя, а также особенностей словарного состава и словообразования, Е. Ф. Карский подчеркивает наличие у автора стройности научной системы и глубокого понимания им разных частных явлений. Заключительные слова доклада очень точно определяют значение этого выдающегося исследования в истории славистики: «Влияние его работы в общем и в частностях на последующие труды других ученых по этому предмету несомненно. Их исследования показали, сколько у Добровского было прозорливости и ученого такта. Если у него попадаются и нередкие промахи, то, помня общее состояние сто лет тому назад языковедения, не станем осуждать его за них, следуя в этом случае известному афоризму, высказанному еще в X в. черноризцем Храбром: оудобѣє бо єсть послѣже потворити, нєже прьвоє створити (по списку 1348 г.)»[45].

В 1924 г. в «Известиях ОРЯС» Российской

---

[44] *Карский Е. Ф.* Труды по белорусскому и другим славянским языкам, с. 607.

[45] Там же, с. 615.

академии наук Е. Ф. Карский опубликовал статью «Заслуги И. В. Ягича в изучении старославянского и русского языков», в которой дана развернутая характеристика основных трудов ученого по славянской проблематике. В самом начале статьи говорится о широте лингвистических интересов И. В. Ягича и значении его деятельности прежде всего для славяноведения.

После разбора главных трудов ученого Е. Ф. Карский выясняет причины, побудившие И. В. Ягича посвятить свою деятельность преимущественно старославянскому (церковнославянскому) языку: «Изучение церковнославянского языка, этого «санскрита» славянской филологии, по его мнению, является основой всего славянского языкознания не только в высшей, но и в средней школе, чем глубже изучается этот древнейший представитель семьи славянских языков, тем яснее и содержательнее представляется понимание явлений своего живого родного славянского языка, как литературного, так и народного. В отношении языка Ягич желал стоять на реальной почве: действительные факты древнейшего представителя славянских языков он предпочитал всяким теоретически построенным образованиям, представляющим из себя гипотезы, легко уступающие место другим, подобным домыслам часто даже одного и того же ученого»[46].

Здесь же речь идет о том, что И. В. Ягич отрицал возможность существования в дописьменный период общеславянского (праславян-

[46] *Карский Е. Ф.* Труды по белорусскому и другим славянским языкам, с. 665.

ского) языка и признавал наличие лишь простонародных говоров, из которых затем образовались наречия, а последние могли стать основой книжных языков. По-видимому, так именно и представлял себе И. В. Ягич возникновение книжного старославянского (церковнославянского) языка, хотя и у него мы найдем немало фактов, свидетельствующих о лингвистической общности славян в дописьменный период их истории.

По мнению Е. Ф. Карского, не только крупные труды И. В. Ягича, но и его работы, основанные на частных наблюдениях, привнесли много нового в славяноведение и «вызвали интерес у читателя, заставив его передумать существующие теории»[47] относительно истории славянских языков.

Анализ славистической деятельности ученого Е. Ф. Карский заканчивает рассмотрением единственной в своем роде историографической работы И. В. Ягича «Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке» (1895). Нам известны многочисленные указания в трудах славистов на то, что уже в древности образованных людей интересовали вопросы происхождения славянских языков, их письменность, словарный состав, звуковой и грамматический строй. Еще до образования славянских национальных языков, т. е. до XVII—XVIII вв., появилось немало грамматических и орфографических трактатов, элементарных учебных пособий по старославянскому языку, в которых были изложены

---

[47] *Карский Е. Ф.* Труды по белорусскому и другим славянским языкам, с. 667.

основные правила письма, произношения и употребления грамматических форм и категорий. Но полного свода подобного рода лингвистических трудов донационального периода у нас не было, что значительно затрудняло изучение славяноведческого наследия. Этот пробел был устранен названной книгой И. В. Ягича, получившей весьма высокую оценку в статье Е. Ф. Карского.

Много ценного по славистической историографии можно найти также в статьях Е. Ф. Карского о деятельности В. Вондрака, М. А. Колосова, И. И. Срезневского, А. А. Шахматова, А. И. Соболевского. Так, например, характеризуя заслуги М. А. Колосова в разработке старославянской и праславянской фонетики, Е. Ф. Карский отметил, что ряд его положений сохраняет свое научное значение до настоящего времени. «К таким положениям,— писал Е. Ф. Карский,— относятся суждения о тех явлениях, которые развились на славянской почве, например, изменение гласных *о, ъ, ѣ, ы* под влиянием *j* и предшествующих смягченных согласных; изменение *ъ* и *ь* под влиянием следующего *j*, объяснение форм, вроде *любліахоути и, проводихомы и,* как «явлений того же рода, что *добрыи* вм. *добръи, вышьнии* вм. *вышньи*» («Заметки», 5): все это у Колосова определено очень точно, и новейшее языкознание внесло лишь некоторые поправки в мелочах...»[48].

При рассмотрении славистических работ М. А. Колосова обращено внимание на то, что

---

[48] *Карский Е. Ф.* Труды по белорусскому и другим славянским языкам, с. 626.

он был составителем программы по грамматике старославянского языка, которая вместе с программой по русскому языку была напечатана в «Варшавских университетских известиях» в 1872 г. Е. Ф. Карский считал эту программу одной из наиболее полных и научных, поэтому счел нужным воспроизвести ее в своей статье о деятельности М. А. Колосова[49].

В 1913 г. в «Русском филологическом вестнике» (т. 69, с. 224—228) Е. Ф. Карский опубликовал статью «Два юбилея: И. И. Срезневский и Я. К. Грот», в которой о первом из них сказано следующее: «Разносторонняя научная его деятельность обнимала славяноведение в разных его областях: народную поэзию и этнографию, археологию, язык и литературу, палеографию. По всем этим областям он оставил заметные следы. Особенно замечательна его палеографическая деятельность, давшая ему возможность подготовить много ценных материалов по изучению древнецерковнославянского и древнерусского языков. Эта его деятельность, несомненно, выше деятельности ученого языковеда, хотя та и другая находится в тесной связи между собой, с перевесом в пользу археологии»[50]. Среди славистических трудов Срезневского Е. Ф. Карский выделяет книгу «Древние славянские памятники юсового письма» (1868), содержащую наряду с палео-

---

[49] Статья была напечатана в «Русском филологическом вестнике», 1903, т. 50; отд. оттиск. Варшава, 1903; статья перепечатана также в кн.: *Карский Е. Ф.* Труды по белорусскому и другим славянским языкам, с. 622—648 (Программа грамматики старославянского языка, с. 642—644).

[50] Там же, с. 650.

графическим описанием рукописей важные лингвистические наблюдения. Отмечено также, что для славистики большую ценность представляет лексикографический труд И. И. Срезневского «Материалы для словаря древнерусского языка» (1890—1911), в котором зарегистрировано значительное количество и старославянской лексики, но недостатком этого словаря является то, что в нем «часто церковнославянские и древнерусские слова не различаются»[51].

Е. Ф. Карский сжато охарактеризовал заслуги перед славяноведением А. А. Шахматова, одного из крупнейших русских языковедов конца XIX — первой четверти XX в. Ему была посвящена статья-некролог в «Известиях ОРЯС» Российской академии наук (т. 25, 1922), где говорится главным образом о капитальных трудах ученого в области истории русского языка, но при этом выясняются и его славистические взгляды, а также его методы восстановления праязыковых явлений. Е. Ф. Карский пишет: «Прежде чем приступить к возведению здания истории русского языка, А. А-ч произвел подготовительные работы еще и в другом направлении: он занялся изучением славянских языков, чтобы представить себе более ясно праславянскую эпоху, к которой возводятся зародыши и общерусских черт»[52].

Действительно, во многих работах А. А. Шахматова мы найдем самостоятельную интерпретацию различных фактов из всех славянских языков, среди которых внимание исследова-

---

[51] *Карский Е. Ф.* Труды по белорусскому и другим славянским языкам, с. 651.

[52] Там же, с. 658.

телей привлекают акцентологические явления в трактовке ученого. На эту черту славистической работы А. А. Шахматова указывает и Е. Ф. Карский: «Особенно много места и времени уделял А. А-ч изучению ударения в славянских языках, преимущественно в сербохорватском, так как характером ударения объясняются и праславянском и многие фонетические явления, особенно в группах из гласных в соединении с сонорными согласными»[53]. После Е. Ф. Карского заслуги А. А. Шахматова в области славянской акцентологии были детально выяснены Л. А. Булаховским[54], а также другими советскими лингвистами.

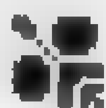
Заканчивая рассмотрение деятельности Е. Ф. Карского в области славянской лингвистической историографии, следует еще напомнить, что ценные суждения по этому вопросу содержатся также в его «Очерке научной разработки русского языка в пределах СССР» (Л., 1926), хотя здесь, конечно, основное внимание было сосредоточено на русистике.

---

[53] *Карский Е. Ф.* Труды по белорусскому и другим славянским языкам, с. 659.

[54] *Булаховский Л. А.* Акцентологический закон А. А. Шахматова.— В кн.: А. А. Шахматов. 1864—1920. Под ред. С. П. Обнорского. М.— Л., 1947, с. 399—434.

Е. Ф. КАРСКИЙ КАК СЛАВИСТ-ПАЛЕОГРАФ

В нашей стране разработка вопросов славянской, собственно старославянской, палеографии началась еще в первой четверти XIX в. в связи с общим оживлением интереса к славянским древностям. Открытие письменных памятников, необходимость установления их датировки, места написания, характера самого письма и языка вынуждали исследователей обратиться прежде всего к палеографической стороне древних рукописей. Однако на первых порах явно преобладал эмпирический сбор фактов по отдельным письменным памятникам. Среди русских палеографов, которые вели подобную работу, были П. М. Строев (1796—1876), К. Ф. Калайдович (1792—1832), П. И. Кеппен (1793—1864), В. И. Григорович (1815—1876), Е. А. Болховитинов (1767—1837) и др. Но, пожалуй, самым крупным палеографом в начальный период развития данной отрасли исторической и филологической науки был А. Х. Востоков (1781—1864), опубликовавший знаменитое «Рассуждение о славянском языке...» (1820), отрывки из Супрасльской рукописи XI в. (датировка была установлена им благодаря тщательному лингво-палеографическому анализу), статью о

творениях Григория Богослова XI в., Фрейзингенские отрывки (совместно с П. И. Кеппеном, 1827), «Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума» (1842), Остромирово евангелие (1843) и другие ценные исследования.

Занимались изучением вопросов происхождения славянской письменности и описанием древнейших памятников О. М. Бодянский (1808—1877), опубликовавший ряд памятников литографированным способом; П. С. Билярский (1817—1867), автор обширного исследования «Судьбы церковного языка» (1847—1848), в котором говорится о лингво-палеографических особенностях кирилловской части Реймского евангелия[1]; Ф. И. Буслаев (1818—1897), издавший «Палеографические и филологические материалы для истории письмен славянских, собранных из XV-ти рукописей Московской синодальной библиотеки... С приложением 22-х снимков, литографированных И. Шелковниковым» (1855), проводивший палеографические наблюдения над памятниками в связи с изданием «Исторической хрестоматии церковнославянского и древнерусского языка» (1861) и других работ.

И. И. Срезневскому (1812—1880) принадлежит ряд исследований и статей о глаголических и кирилловских памятниках. Среди них заслуживают особого внимания работы «Обзор материалов для изучения славяно-русской палеографии» (1867), «Древние славянские

---

[1] По поводу этого памятника писал также А. И. Соболевский.— РФВ, 1887, № 3, с. 143—150; то же отд. отт. Варшава, 1887, 1—8 с.

памятники юсового письма с описанием их и с замечаниями об особенностях их правописания и языка» (1868). В 1885 г. были опубликованы лекции Срезневского «Славяно-русская палеография XI—XIV вв.», которые он читал в Петербургском университете в 1865—1880 гг.

В создании основ палеографической науки несомненны заслуги А. И. Соболевского (1856—1929), который попытался проследить исторические изменения в палеографических чертах памятников, относящихся к разным эпохам истории письменности. В 1893 г. вышел его литографированный курс палеографии, который был переиздан в 1896 г. под названием «Славяно-русская палеография. Лекции, читанные в Археологическом институте».

В несколько усовершенствованном и расширенном виде эти лекции в 1901—1902 гг. были переизданы в Петербурге типографским способом, но на правах рукописи под названием «Славяно-русская палеография. Курс первый. С шестью таблицами» (1901, 53 с.), «Славяно-русская палеография. Курс второй» (1902, 63 с.). В этом издании автор рассматривает характерные черты южнославянского письма древнейшего периода, а затем историю русского письма в XI—XIV, XIV—XV, XV—XVI, XVII вв. и русский орнамент XIII—XV вв.; анализируются также различные виды книг, грамот, азбук, переводы и их язык, летосчисление и другие вопросы палеографии.

Под редакцией А. И. Соболевского Петербургским археологическим институтом в 1901 г. были изданы «Палеографические сним-

ки с русских рукописей XII—XVII веков», а в 1906 г. «Новый сборник палеографических снимков с русских рукописей XI—XVIII веков». В обоих изданиях отсутствуют какие-либо палеографические и лингвистические объяснения, но имеются составленные А. И. Соболевским предисловия, из которых видно, что книги эти предназначались для учебных целей. Для развития славянской палеографии большое значение имела деятельность И. В. Ягича (1838—1923), который издал и исследовал многие памятники древнеславянской письменности: Ассеманиево евангелие (1865, совместно с Ф. Рачким), Зографское евангелие (1879), Мариинское четвероевангелие (1883), Добромирово евангелие (1896), Болонскую псалтырь (1907, с дополнением в 1917).

Во второй половине XIX—начале XX в. в России появились и другие палеографические работы, в частности «Палеографический изборник. Материалы по истории южнорусского письма в XV—XVIII в.» И. М. Каманина (Киев, 1899), «Русская палеография» И. А. Шляпкина (1913), «Югославянская палеография» П. А. Лаврова (1904), «Русская палеография» Н. С. Тихонравова (1889), «Лекции по славяно-русской палеографии» Р. Ф. Брандта (1909), «Памятники скорописи» под ред. В. В. Майкова, «Практический курс изучения древней русской скорописи» И. С. Беляева (1907).

Несмотря на обилие палеографических опытов, появившихся в XIX — начале XX в., полного изложения истории славянской палеографии в дореволюционной России, а так-

же систематического описания всех известных древнеславянских памятников письменности не существовало. Это обстоятельство заставляет нас по-особому отнестись к оценке того огромного вклада, который был сделан Е. Ф. Карским в данную отрасль славяноведения. Исследованиями в этой области ученый занимался на протяжении всего творческого пути, т. е. с 90-х годов XIX в. до конца 20-х годов нашего века.

Е. Ф. Карский занимался палеографией не только в связи с необходимостью решения частных вопросов этой науки, но и в связи с общими проблемами развития славянской письменности, истории славянских языков и литератур. Обращаясь к старославянским, древнерусским, старобелорусским, старопольским и иным памятникам, он сталкивался с вопросами соотношения живой и письменной речи, изменения всего строя речи на протяжении веков. Чисто лингвистическое освещение этих вопросов не всегда давало окончательный ответ. И в таких случаях ученый с большим успехом пользовался услугами палеографической науки.

Е. Ф. Карский постоянно следил за ходом развития палеографических исследований и регулярно знакомился с выходившими в свет работами, помещая на них библиографические обзоры и краткие отзывы или рецензии в журналах. Нам известны его отзывы на работы Г. А. Ильинского «К истории славянских азбук» (1904) [2], П. А. Лаврова «Палеографические снимки с югославянских рукописей

---

[2] РФВ, 1905, т. 53, № 1-2, с. 164.

болгарского и сербского письма. Вып. 1. XI—XIV вв.» (1905) [3], И. С. Беляева «Практический курс изучения древней русской скорописи для чтения рукописей XV—XVIII столетий...» (1907) [4], П. А. Лаврова «Югославянская палеография» (1904) [5], Н. П. Лихачева «Палеографическое значение бумажных водяных знаков» (1899—1900) [6], Р. Ф. Брандта «Лекции по славяно-русской палеографии» (1910) [7], Е. М. Витошинского «Указатель именной и предметный к труду А. В. Горского и К. И. Невоструева «Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки». М., 1855—1869 [8], «Работы по палеографии» (1917—1927) [9], «Труды А. И. Соболевского по палеографии и диалектологии»[10].

О тщательности рецензирования Е. Ф. Карским подобного рода работ можно судить хотя бы по рецензии на книгу Я. И. Трусевича «Изборник 1905 года» (Спб., 1907), в которой помещено 260 образцов кириллицы из южнославянских и русских рукописей X—XVIII вв. Книга предназначалась как пособие к методике определения времени написания древних рукописей и по курсам славяно-русской палеографии. Об этом оригинальном

---

[3] РФВ, 1906, т. 55, № 1-2, с. 357—358.
[4] РФВ, 1907, т. 58, № 3-4, с. 421—422.
[5] РФВ, 1905, т. 53, № 1-2, с. 167.
[6] РФВ, 1900, т. 43, № 1-2, с. 262—269.
[7] РФВ, 1911, т. 65, № 1-2, с. 269.
[8] РФВ, 1915, т. 73, № 1-2, с. 180—181.
[9] Академия наук СССР за десять лет. 1917—1927. Л., 1927, с. 96—100.
[10] Изв. АН СССР. Сер. 7. Отд. гуманитарных наук. Л., 1930, № 1, с. 45—48.

сборнике Е. Ф. Карский сделал следующее заключение: «Изборник 1905 г.» не лишен недостатков, иногда довольно заметных. Автор в большинстве случаев предвидит возражения, которые ему могут сделать, и старается... привести соображения, хотя и не всегда убедительные, оправдывающие его методы и приемы.

При всем том рассматриваемое издание имеет и свои достоинства. Оно является первой попыткой дать компактный свод азбук кирилловского письма всех его видов с X по XVIII в., с которым, несомненно, придется иметь дело как при практическом ознакомлении с рукописным материалом, так и отчасти при преподавании палеографии. Свод азбук обнимает памятники не только русского письма, как это делалось раньше, но и югославянского, притом из большого количества разнообразных рукописей. Не довольствуясь одними азбуками, автор дает и небольшие образцы письма. Обладая опытностью в черчении и рисовании и значительной подготовкой в области палеографии, г. Трусевич очень точно передает как азбуки, так и образцы. Если его альбом еще не является окончательным выполнением завета А. Шлёцера[11], то во всяком случае он значительно облегчает дальнейшие попытки в этом отношении, служа необходимым этапом науки в подобном движении, давая в то же время богатый наглядный ма-

[11] Имеется в виду высказывание работавшего в России с 1760 по 1765 г. немецкого историка Августа-Людвига Шлёцера (1735—1809) о необходимости создания славянской палеографии.

териал для обобщающих выводов»[12]. Оценив в целом этот труд положительно, Е. Ф. Карский рекомендовал наградить его автора почетной медалью им. Д. А. Толстого.

В середине 90-х гг. прошлого века Е. Ф. Карский начинает самостоятельное чтение курса палеографии студентам Варшавского университета[13]. По частям этот новый курс ученый публиковал в журнале «Русский филологический вестник» начиная с 1896 г. (тома 35—37; дополнения и поправки — в 38 томе за 1897 г.). Под названием «Из лекций по славяно-русской палеографии» курс был напечатан в 1897 г. в Варшаве также отдельной книгой (IV, 173, 24 с.).

Е. Ф. Карский задачей палеографии считал изучение происхождения, видоизменения и распространение письмен и всего, что к ним относится, т. е. материала, на котором писали, способа письма, писцов и т. д. Из этого видно, что Е. Ф. Карский, как и А. И. Соболевский, подходил к объектам палеографического изучения с точки зрения их эволюции, развития на протяжении веков.

Дальнейшая исследовательская работа Е. Ф. Карского в области палеографии привела его к идее создания монографии, в которой важнейшие вопросы развития славянской письменности были бы освещены со всеми подробностями и еще более основательно. Эта

---

[12] Сб. ОРЯС АН, 1907, т. 82, с. 23—24 (Из Отчета о присуждении премий им. Д. А. Толстого в 1906 г.).

[13] В. И. Борковский указывает, что вообще начало палеографических занятий Е. Ф. Карского следует относить к 1892—1893 гг.— *Карский Е. Ф.* Труды по белорусскому и другим славянским языкам, с. 698.

идея нашла воплощение в новой книге ученого «Очерк славянской кирилловской палеографии» (Варшава, 1901, XIV, 518 с.; по частям она печаталась в «Варшавских университетских известиях» начиная с 1899 г. (№ 7—9) и кончая 1901 г. (№ 1—3). Позже, в 1913 и 1915 гг. книга была переиздана без изменений.

В предисловии к «Очерку славянской кирилловской палеографии» (1901) автор отмечал, что в основе его лежат прежние лекции по той же дисциплине, однако «настоящий «Очерк» существенно отличается от «Лекций» как по своему объему (издание более чем утроилось), так и главным образом тем, что он составлен преимущественно на основании первоисточников, самих рукописей...» (с. III). Действительно, после научной командировки 1898 г. в Москву, Троице-Сергиеву лавру и Слуцк Е. Ф. Карский уточнил ряд моментов палеографического и лингвистического характера и внес соответствующие коррективы в издаваемую книгу, которая должна была быть руководством «приступающему к занятиям старинными рукописями с целями или чисто археологическими и лингвистическими, или историко-литературными» (с. III).

Таким образом, автор ставил перед собой не только учебную, но и научную цель, что в известной степени определило и круг освещаемых вопросов. Здесь дается подробная характеристика предмета палеографии и ее методов, глубокий анализ источников (т. е. письменных памятников, печатных книг), пособий по данной дисциплине. Подробно рассматриваются вопросы, касающиеся материала для письма, формата и переплета рукописей, при-

надлежностей письма, орнамента, истории славянского кирилловского письма, криптографии (тайнописи), писцов, начального этапа славянского книгопечатания кирилловским алфавитом, изводов (редакций) рукописей в зависимости от места написания и орфографии.

Ценным в этой книге представляется и приложение, в котором даны образцы глаголической азбуки, пермских письмен, снимки с рукописей, дополнения и поправки к напечатанному тексту, а также указатели личных имен, рукописей, грамот, актов, надписей и старопечатных книг. Как видим, по полноте изложения «Очерк славянской кирилловской палеографии» превосходит все ранее вышедшие пособия и научные труды по палеографическим проблемам.

В это же время Е. Ф. Карский выпустил в свет «Образцы славянского кирилловского письма с X по XVIII в.» (Варшава, 1901, VIII, 80 с.; изд. 2-е. Варшава, 1902, VI, 82 с.; изд. 3-е. Варшава, 1912, VII, 89 с.).

Эта работа представляет большой интерес для филологов и историков, а также для широкого круга любителей книжного искусства. В книге фототипическим способом воспроизведены целиком или в отрывках многие драгоценные памятники древнеславянской и древнерусской письменности вплоть до XVIII в., в частности: греческая Порфирьевская псалтырь 862 г., греческое евангелие IX в. (М., Син., л. 238б), греческое евангелие эскуриал, греческое евангелие 980 г., надпись Самуила 993 г., евангельские листки Ундольского XI в. (л. 1а, 1б), Супрасльская рукопись XI в.,

Хиландарские листки XI в., Саввина книга XI в., Житие Кондрата XI в., Остромирово евангелие 1057 г., Изборник Святослава 1073 г. (л. 51, 10б, 61а), Изборник Святослава 1076 г., Минея 1095 г., Минея 1096 г., Реймское евангелие XI в., Стихирарь (Публ. б-ки) XI—XII вв., Кондакарь (Типогр. б-ки) XI—XII вв., Евангелие Добромира XII в., Слепченский апостол XII в. (л. 15), Галицкое евангелие 1144 г., Стихирарь 1157 г., Мстиславово евангелие XII в., Молканово евангелие XII в., Вирославово евангелие XII в., Боянское евангелие XII—XIII вв., Пролог XIII в. (в собрании В. И. Григоровича), Евангелие XIII в. (в собрании В. И. Григоровича), Копитарова триодь XIII в., Апостол толковый 1220 г., Болонская псалтырь, 1230—1245 гг., Рязанская кормчая 1284 г., Псалтырь 1296 г., Псалтырь В. И. Григоровича XIII в. (л. 40б, 73б), Минея В. И. Григоровича XIII в., Афонский служебник XIII—XIV вв., Кормчая 1305 г., Манойлово Мостарское евангелие начала XIV в., Житие св. Симеона Сербского XIV в., Летопись К. Манассии 1345 г., Святостефанский хрисовул 1318 г., Сборник XIV в. (в собрании А. И. Яцимирского) и другие памятники XIV—XVIII вв. Среди них составитель помещает и ряд старобелорусских текстов, имеющих важное значение для истории славянской письменности (летопись Авраамки, грамота 1516 г. и др.).

Некоторые памятники в этой книге были в отрывках представлены впервые (например: Охридский апостол XII в., Болонская псалтырь 1186—1196 гг., Мирославово евангелие XII в., Минея В. И. Григоровича, Житие Си-

меона Сербского XIV в., Служебник 1400 г., Лествица 1446 г.).

Рассматриваемая книга явилась ценным дополнением к «Очерку славянской кирилловской палеографии», о чем автор писал в предисловии к 3-му изданию (1912): «Имея в виду, что успешное преподавание палеографии возможно только при условии, если в руках слушателей будут в достаточном количестве снимки с разных рукописей, я решился для указанной цели выпустить настоящий альбом, воспользовавшись готовыми клише, оставшимися от издания «Очерка славянской кирилловской палеографии», вышедшего в свет в 1901 г.» (с. VII).

Обе рассмотренные книги Е. Ф. Карского открывали широкие перспективы для дальнейшего исследования различных языковедческих и историко-археологических проблем. В связи с представлением этих книг на соискание Ломоносовской премии официальным рецензентом был назначен известный специалист по славянским древностям П. К. Симони, который пришел к заключению, что эти труды Е. Ф. Карского имеют «неотъемлемые научные достоинства» и «заслуживают полного внимания всякого образованного человека, дорожащего судьбами отечественного просвещения вообще и памятников искусства и древности в частности»[14]. На основании положительного отзыва и учитывая большое научное значение «Очерка славянской кирилловской

[14] Отчет ОРЯС АН академика А. И. Соболевского за 1901 г. о присуждении Ломоносовских премий за филологические и исторические труды, с. 13.

палеографии», Российская академия наук на заседании 29 октября 1901 г. присудила Е. Ф. Карскому малую Ломоносовскую премию.

«Очерк славянской кирилловской палеографии», содержащий массу свежих материалов по древнеславянской и русской письменности, отличающийся строгой научной аргументацией, по справедливому утверждению В. И. Борковского, «стал не только незаменимым пособием для студентов-словесников, но настольной книгой для каждого палеографа, историка славянских языков» [15].

Вскоре Карский печатает статью «К вопросу об издании снимков с древнейших русских грамот» [16], отзыв на работу С. И. Маслова «Обзор рукописей библиотеки имп. Университета св. Владимира» (Киев, 1910, 45 с.) [17], позже публикует обзорную статью «Die Kyrillische Paläographie in den Iahren 1913—1926» [18], а также новым изданием, в доработанном виде, выпускает в свет свой главный палеографический труд, получивший название «Славянская кирилловская палеография» (Л., 1928, XIII, 494 с.).

О причинах, побудивших Е. Ф. Карского вновь обратиться к подготовке переиздания названной работы, подробно сказано в предисловии: «Настоящая книга,— пишет автор,—

---

[15] *Борковский В. И.* Труды академика Е. Ф. Карского по славянским языкам.— В кн.: *Карский Е. Ф.* Труды по белорусскому и другим славянским языкам, с. 699.

[16] Варшавские унив. изв., 1904, № 4.

[17] РФВ, 1910, т. 63, № 1-2, с. 421.

[18] Zeitschrift für slavische Philologue, 1926, Band III, S. 447—452.

находится в тесной связи с курсами по славянской кирилловской палеографии, читанными автором, начиная с 1895 г., в высших учебных заведениях Варшавы и Ленинграда. <...>

Конец XIX и первая четверть XX ст. дала немало ценных научных вкладов в области славянской кирилловской палеографии по части изучения разного рода старинных рукописей и всего относящегося к ним, а также вообще по исследованию древних памятников, содержащих на себе письмена. Такие исследования появились у нас и за границей, особенно у югославян, как это удалось наблюсти автору во время его заграничной командировки в славянские земли в 1926 г. Привлечение этих материалов и исследований содействовало значительному пополнению и уточнению, а во многих местах и совершенной переработке прежних чтений. Наиболее переделок выпало на вводные статьи, так как после мировой войны и революции у нас и за границей произошли разные изменения в книгохранилищах и отчасти в составе самих рукописей. Явилась необходимость в исследовании малодоступных или даже неизвестных в прежнее время ученым рукописных книг и документов; оказалось нужным описать научным образом вновь возникшие книгохранилища и архивы; обнаружились неизученные или малоизученные археографические, археологические и лингвистические материалы» (с. XI—XII).

Из приведенной цитаты можно видеть, что Е. Ф. Карский всегда стремился отражать в своих палеографических работах новейшие научные данные о славянской письменности,

чтобы эти данные соответствовали ее реальному состоянию вплоть до нашего времени.

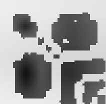
С момента выхода в свет «Славянской кирилловской палеографии» прошло более полстолетия, но ее научное значение в полной мере сохранилось и сейчас, потому что это фундаментальное исследование подытожило все, что было сделано к концу 20-х годов XX в. по изучению славянской письменности в мировой славистике. Учитывая большой спрос на книгу, Отделение литературы и языка Академии наук СССР предприняло переиздание «Славянской кирилловской палеографии» офсетным способом (М., 1979, тираж 2700 экз.). Ответственным редактором этого издания является академик В. И. Борковский, поместивший в нем вступительную статью «От редактора» и сделавший дополнения и поправки в соответствии с пометками на страницах авторского экземпляра книги.

Несомненно, это издание «Славянской кирилловской палеографии», осуществленное накануне очередного международного съезда славистов, будет способствовать дальнейшему развитию славяноведения как в области истории славянской письменности, так и в других смежных отраслях, особенно в языкознании.

При оценке общего вклада, внесенного Е. Ф. Карским в славянскую палеографию, следует учитывать также его обширную деятельность по изучению старобелорусской письменности.

6 Зак. 1278

ИССЛЕДОВАНИЯ Е. Ф. КАРСКОГО ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ

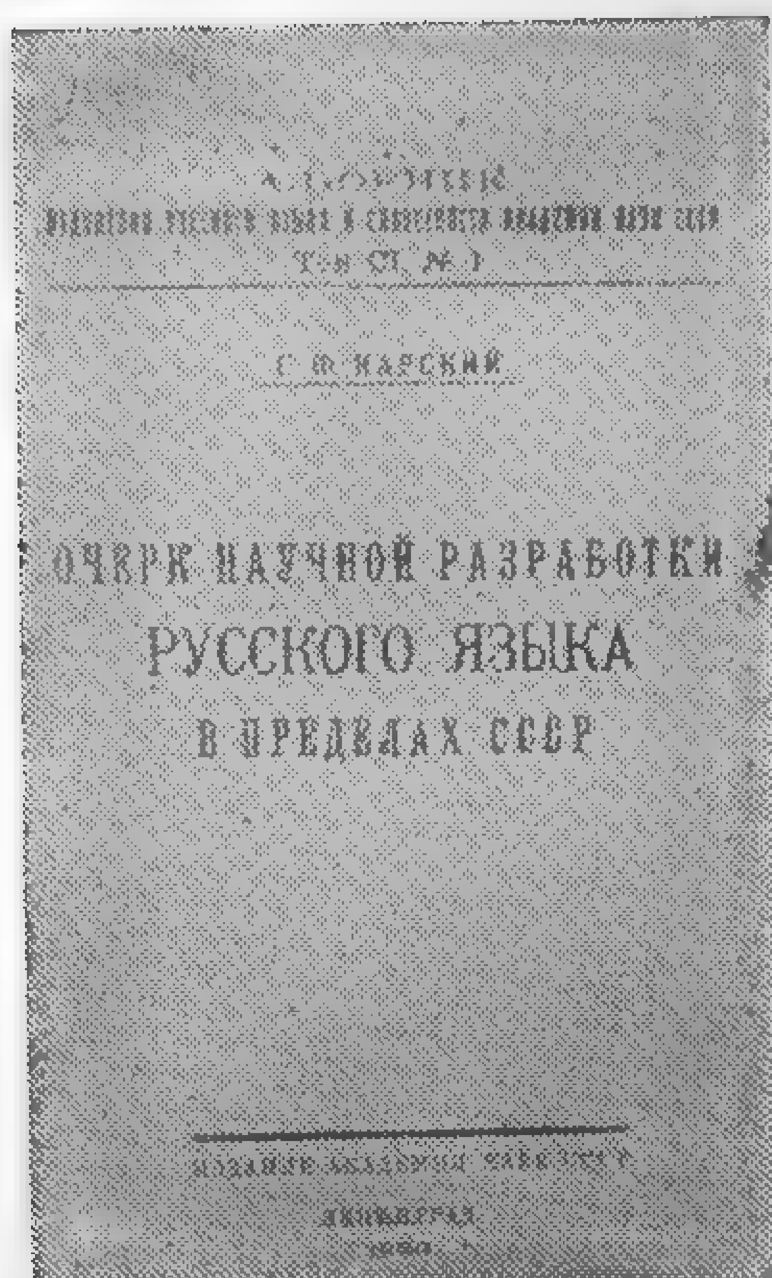
Русский язык для Е. Ф. Карского был не только предметом преподавания в гимназии и высших учебных заведениях (Варшавском и Петербургском — Ленинградском университетах), но и предметом всестороннего научного изучения. Воспитанный на традициях сравнительно-исторического языкознания, Е. Ф. Карский чаще обращался к грамматическим и лексикологическим проблемам древнерусского языка, отраженного в различных письменных памятниках. Исследование древнерусского языка важно было как само по себе, так и в связи с вопросами функционирования на Руси книжнославянского языка. Это необходимо было ученому также для освещения начальных истоков трех восточнославянских языков XIV—XVII вв.

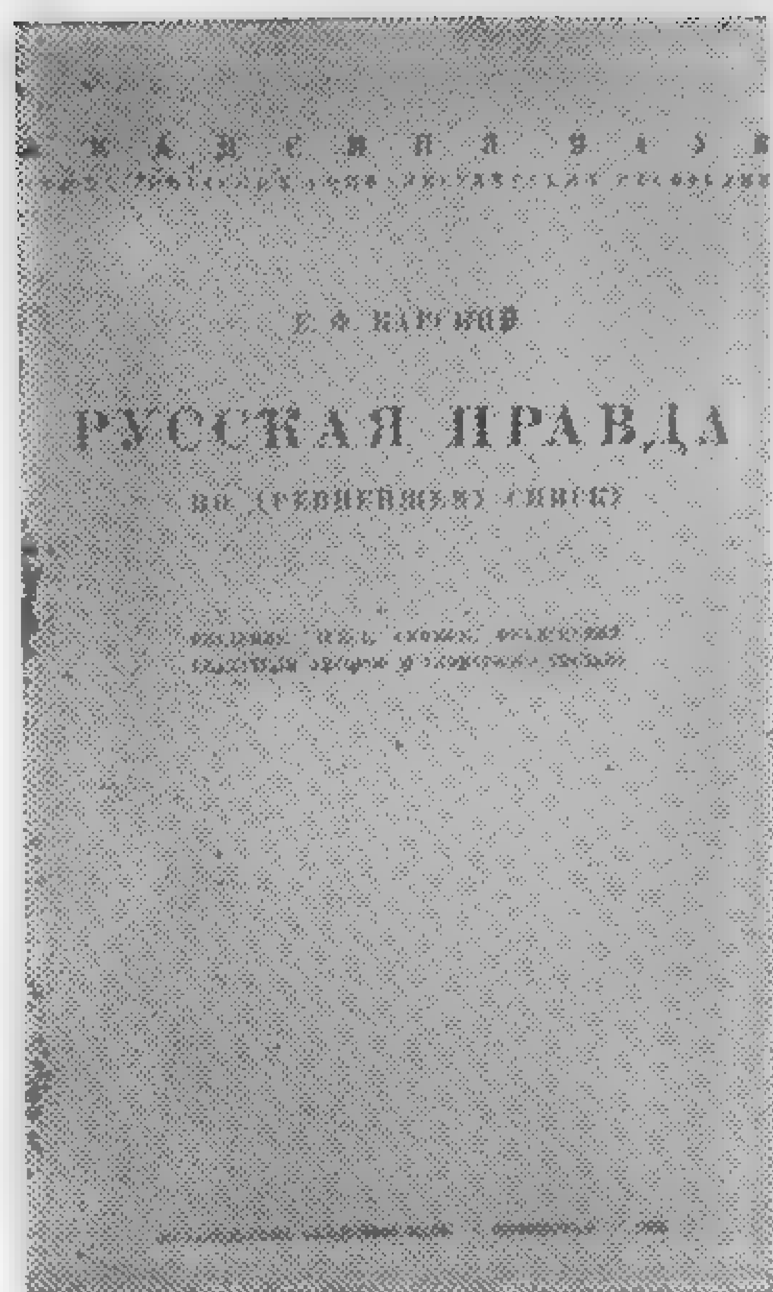
К числу первых лингвистических работ, посвященных историческому анализу явлений морфологии и словообразования русского языка, относится статья Е. Ф. Карского «О суффиксах в русских словах типа *теленок, Васенька, рученька, беленький*» [1], которая была написана

---

[1] РФВ, 1889, т. 22, с. 179—183. Ниже все цитаты приводятся по изданию: *Карский Е. Ф.* Труды по белорусскому и другим славянским языкам. М., 1962.

им в августе 1889 г. в Вильно. Автор устанавливает отличие русских существительных на *-енок* от соответствующих образований в других славянских языках, в том или ином виде сохранивших древнюю, восходящую к праславянскому периоду, основу на *-ę, -ęт*. Известно, что на определенном этапе развития в русском языке появились новообразования типа *теленок, ягненок, поросенок,* имеющие иную основу, чем их более древние соответствия. Путем глубокого анализа морфологических и фонетических процессов древнейшей эпохи Е. Ф. Карский обосновывает вывод, что причиной подобных новообразований была внутренняя перестройка системы склонения имен, вызванная тенденцией к унификации прежних различий в падежных формах существительных, относившихся к разным типам старых основ. По этому поводу он пишет: «Едва ли чем другим следует объяснять это явление, как не тем, что слова вроде *теля — теляти* стояли совершенно особняком: им. п. на *я* ударяемое, при других падежах с наращением *ят*, выходил из ряда обыкновенных явлений в склонении имен существительных, в которых он отличается от косвенных падежей только флексией, а не основой; кроме того, в этих именах не было также и обычных показателей среднего рода *о — е*. Не могли оказать им поддержки и такие слова, как *имя —имени, племя — племени* и т. д., потому что *я,* стоящее у них в окончании им. п., будучи без ударения, обыкновенно произносится, как *е*, следовательно, сходно с окончанием всех вообще слов среднего рода; да и наращаемое *н* находит для себя аналогию в словах, как *камень, корень* и т. п. Поэтому при постоянном

Книга Е. Ф. Карского «Очерк научной разработки русского языка в пределах СССР» (Ленинград, 1926)

Книга Е. Ф. Карского «Русская правда по древнейшему списку» (Ленинград, 1930)

стремлении языка к единообразию как в формах, так и основах необычные слова среднего рода с именительным на *я́*, при других падежах на *я́т*, заменились другими образованиями, дающими то же самое представление о предмете и имеющими притом самое обыкновенное окончание. Старинное окончание мн. ч. *-ята*, *-ят* и т. д. не представляло таких затруднений, как ед. ч., почему и удержалось в прежнем виде, хотя новые основы ед. ч. также стали заходить во мн. ч.» (с. 7—8).

Предложенное Е. Ф. Карским объяснение следует признать вполне приемлемым прежде всего с морфологической точки зрения, причем в нашей лингвистике оно является едва ли не первым, так как в прежних исторических исследованиях в лучшем случае содержалась лишь констатация данного факта без каких-либо попыток выяснить причину этого своеобразного явления русского языка[2].

Нельзя найти положительного истолкования существительных русского языка на *-онок*, *-енок* и в работах, вышедших после опубликования статьи Е. Ф. Карского. Так, А. А. Шахматов в «Исторической морфологии русского языка» (этот курс читался им впервые в 1910/11 уч. году) при рассмотрении морфологических явлений, характерных для всех восточнославянских наречий, отмечает лишь факты влияния на старые основы с суффиксом *-ат* основ на *-і* и случаи образования форм с про-

---

[2] Ср., напр., у Ф. И. Буслаева: «Древнейшие формы на *-я* (собственно на *-ѧ*, с суффиксом *-ент*), как не подходящие под общий порядок правильных существительных, русский язык стал заменять позднейшими с новым суффиксом *-окъ*; напр., *тел-ен-окъ*; *щен-окъ* и др. вм. *теля, щеня*; но формы мн. числа: *тел-ят-а, щен-ят-а* и проч. происходят от древнейших *теля, щеня*; как *письмена* от древнейшего *письмѧ*...» (Историч. грамматика русского языка. М., 1959, с. 210). Как известно, этот труд Ф. И. Буслаева впервые был напечатан в 1858 г.; 5-е изд. М., 1881г.

А. И. Соболевский в своих «Лекциях по истории русского языка» (1-е изд., Киев, 1888; 4-е изд. М., 1907) указанные новообразования вообще не рассматривает, ограничившись замечанием относительно того, что слова типа *Ваня, Коля, Катя, Васеня, братеня, батя* «первоначально были словами среднего рода, имели основу на *т* и склонялись как *телѧ*» (4-е изд., с. 184).

пуском этого суффикса[3]. При анализе склонения в великорусском языке А. А. Шахматов снова комментирует изменения в существительных на *-ат*, лишь указывая, что в единственном числе склонения основ среднего рода на *-ат* (в им. п. на *-а*) произошла утрата падежных форм старого типа и замена их падежными формами от новой основы на *-онок* (*-ёнок*). Но почему эта замена произошла, автор ничего не говорит. Правда, здесь высказывается предположение, что новые существительные мужского рода на *-онок* могли образоваться путем прибавления суффикса (по его терминологии, «окончания») *-ок* к основе с возможным в древности суффиксом *-ен-я*. Поскольку это вопрос принципиальный, приведем его мнение: «По-видимому,— пишет А. А. Шахматов,— издавна при *-а* существовали уменьшительные на *-еня:* при *порося* — **поросеня*. Эти уменьшительные получили окончание *-ок*, свойственное вообще уменьшительным, и вытеснили старые формы на *-а*. Таким образом, в единственном числе находим в великорусском: *телёнок, жеребёнок, поросёнок, ребёнок, козлёнок* и т. д., причем во множественном сохраняются старые образования от основы *телят-* и т. д.: *телята, козлята, щурята* (молодые щуки) ...»[4].

Иную точку зрения по поводу происхождения суффикса *-енок* обосновывал Е. Ф. Карский. Он не считал убедительным мнение Ф. И. Буслаева и Я. К. Грота, которые видели

---

[3] *Шахматов А. А.* Историческая морфология русского языка. М., 1957, с. 295—296.
[4] *Шахматов А. А.* Указ. соч., с. 348.

в *-ен-* разложение старого носового *ę* (на письме ѧ), а *-ок* (из старого *-ъкъ*) определяли как уменьшительный суффикс, присоединявшийся к этому фонетическому элементу (*-ен-*) старой основы на согласный. Поскольку в русском языке исторического времени носовых уже не было, Е. Ф. Карский ставит вопрос: «Нельзя ли в этом *-енок* видеть основу * *ьнък*, т. е. суффикс прилагательного *-ьн* в соединении с суффиксом существительных уменьшительных *ъкъ*?» И далее: «Если на *-ен-* смотреть, как на суффикс прилагательных, тогда переходной ступенью к слову, например, *теленок* будет прилагательное * *тельнъ*, образованное притом не от основы имени, а прямо от корня, как от *агн-*, *тел-* и т. п.— *агнец, телец* и т. д.

Подобным же образом следует объяснить *ен* и в именах уменьшительных и ласкательных: *Васенька, Сашенька, тетенька* и т. п. И в них *-ьк-* прибавлено не прямо к им. п. *Вася, тетя* и т. д., а к корню, соединенному с суффиксом *-ен-*»[5]. Несмотря на то, что этот сложный этимологический вопрос и доныне не получил однозначного решения, гипотеза тогда еще молодого исследователя Е. Ф. Карского свидетельствует о его стремлении найти более достоверные аргументы в ходе лингвистического анализа этого на первый взгляд простого явления.

В июне 1894 г. Е. Ф. Карский написал очень содержательную статью «Русские наречия *домой, долой*»[6], в которой пересматривает вопрос об этимологии этих слов, другими исследова-

---

[5] *Карский Е. Ф.* Указ. соч., с. 9.

[6] Изв. Историко-филологического института кн. Безбородко в Нежине. Нежин, 1895, т. 15, № 11, с. 4—12.

телями (П. А. Лавровским, Ф. И. Буслаевым, Е. Огоновским, П. И. Житецким, И. В. Ягичем) интерпретируемых как фонетическое видоизменение старой формы дательного падежа на *-ови* от основ на *-ў* (*-й*) через ступень *домовь, доловь*. В результате подробного рассмотрения относящихся к данному вопросу материалов почти из всех славянских языков Е. Ф. Карский пришел к важному для исторического языкознания выводу, что «все рассматриваемые формы: *домой — долой, домовь — доловь, домови — долови* не находятся ни в какой генетической связи между собою; сближаются они в синтаксическом отношении, так как и те, и другие, и третьи употребляются при глаголах движения, для обозначения цели, на вопрос *куда*?; причем при дательном на *-ови* иногда бывает еще предлог...» [7].

При формулировании этого вывода Е. Ф. Карский исходил из того, что указанные формы по происхождению являются разными падежами существительных *долъ, домъ*, относившихся в древности к основам на *-ў* (*-й*). К сожалению, составители этимологических словарей, выясняя историю образования *долой, домой* почему-то не учитывают приводимых Е. Ф. Карским аргументов. Например, М. Фасмер придерживается старой точки зрения и выводит *долой, домой* из древнего дательного падежа *долови, домови* на основе редукционной теории [8]. Такое же толкование данных наречий

---

[7] *Карский Е. Ф.* Труды по белорусскому и другим славянским языкам, с. 31.

[8] *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Перев. с нем. М., 1964, т. 1, с 525, 528.

находим в «Кратком этимологическом словаре русского языка» [9].

В 1895 г. Е. Ф. Карский публикует оригинальное исследование «Особенности письма и языка Мстиславова евангелия» [10]. Этот памятник начала XII в. (до 1117 г.), названный по имени заказчика — новгородского князя Мстислава Владимировича, принадлежит к числу наиболее выдающихся рукописей древнерусской письменности. Долгое время он был недоступен для исследователей (хранился в Московском Архангельском соборе). К. И. Невоструев, П. С. Билярский, И. И. Срезневский, Ф. И. Буслаев описывали его главным образом с палеографической точки зрения, правда, первый из них проанализировал лексику памятника, но его труд не был в свое время напечатан.

Е. Ф. Карский познакомился с памятником в оригинале (с 1904 г. рукопись уже находилась на хранении в Патриаршей ризнице) и представил результаты палеографического и языковедческого анализа. Автор останавливается на вопросах употребления в рукописи начертаний гласных и согласных, строчных и надстрочных знаков, лигатур, украшений и т. д. Специально выясняется соответствие буквенных начертаний определенным звуковым единицам, например юсов носовым гласным, *ь, ъ*

---

[9] *Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В.* Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1961, с. 95. Аналогичное толкование находим также в «Этимологическом словаре русского языка» (Под ред. Н. М. Шанского. М., 1973, т. 3, вып. 5, с. 164, 168).

[10] РФВ, 1895, т. 34, с. 169—192; то же отд. отт. Варшава, 1895.

кратким гласным или же *е, о,* буквы *ѣ* гласным *е, и,* |-*а,* замена старославянских сочетаний *жд, шт* древнерусскими согласными *ж, ч,* употребление гласных *е, ю* после щипящих и *ц,* смягчение согласных (по второй палатализации), уподобление согласных, пропуск и вставка согласных и другие фонетические явления.

В области морфологии отмечены формы звательного падежа, формы на *-у* (*-оу*) от существительных со старой основой на *-ŭ* (*-й*), формы двойственного числа, а также другие особенности склонения существительных, числительных, прилагательных, местоимений. Как на живое явление указывается на проникновение в сложное склонение прилагательных форм местоименного типа. Среди глагольных форм отмечены формы нетематических глаголов с твердым согласным *м* (*имамъ*), случаи смешения форм 1-го лица ед. ч. с формами 1-го лица мн. ч., архаические формы простых прошедших времен — аориста и имперфекта, причастий, замена в одном примере старого супина формой инфинитива при глаголе движения (*придохъ възвръщи*).

Автор исследования обратил также внимание на ряд синтаксических явлений: употребление местоимений *свои, твои, иже, яже, еже,* нарушение в согласовании (*оученикъ идоша*), превращение кратких форм причастий в «деепричастия». В конце приводится список наиболее интересных слов и выражений (*близь, больми, бытьныи* 'насущный', *вкоупь, вьноутрь, гълкъ* 'сосуд из глины', *дир* ѧ, *наоколы* 'кругом', *отъкоудѣ, отъсюдѣ, многашьды, седмишды, тришьды, чьртожьникъ* 'жених' и др.), а также отрывок из текста евангелия с

соблюдением палеографических особенностей.

Хотя эта работа Е. Ф. Карского и не является исчерпывающим исследованием данного памятника, рассмотренные им черты дают основание утверждать, что в древнекиевскую эпоху книжнославянский язык, каким написано и Мстиславово евангелие начала XII в., подвергался у восточных славян воздействию со стороны живой речи писцов как в фонетическом, так и в грамматическом отношении. Следовательно, работа Е. Ф. Карского имеет большую ценность прежде всего для понимания тех сложных процессов, которые были порождены взаимодействием книжного и народного типов древнерусского литературного языка. Живые черты речи восточных славян, контрастно выступающие на фоне книжнославянского языка, дают возможность судить о типологических различиях между этими языками в древнейшую эпоху истории славян, что представляет интерес и для сравнительно-исторического языкознания.

В начале XX в. Е. Ф. Карский поместил несколько рецензий и отзывов на работы о древнерусском языке. Так, в 1904 г. был опубликован его отзыв на «Словарь древнерусских личных собственных имен» (Спб., 1903) Н. М. Тупикова[11]. Выход в свет этого словаря Е. Ф. Карский рассматривает как важную часть той огромной работы, которую необходимо выполнить в связи с подготовкой исторического словаря русского языка и разработкой ряда других исторических проблем. Он писал: «Появление словаря древнерусских личных

[11] РФВ, 1904, т. 51, с. 313—322.

собственных имен важно не только как вспомогательной работы, для составления исторического словаря русского языка, но и в других отношениях: чисто лингвистических, археологических, бытовых, исторических и др. <...>

Исследования во всех указанных отношениях станут на более твердую почву и будут отличаться еще большим богатством содержания, когда в основании своем будут иметь полный словарь древнерусских личных собственных имен»[12].

Рецензируя этот словарь еще в рукописи в связи с представлением его на соискание Ломоносовской премии и после его опубликования, Е. Ф. Карский обращал внимание прежде всего на значение данного труда для истории русского языка. Здесь естественно возникают вопросы о соотношении собственно славянских (языческих) и заимствованных (преимущественно из греческого языка) христианских имен. Рецензент указывает, что составителю словаря не следовало совершенно устранять христианские имена, так как «некоторые из них, вследствие народной этимологии, значительно приноровились к русским корням, и часто, особенно в виде ласкательных и уменьшительных, стали неузнаваемыми»[13].

Отмечается пропуск ряда собственных имен, также заимствованных из неславянских языков в древнекиевскую эпоху, но относящихся к категории нехристианских (*Аскольд* и

---

[12] *Карский Е. Ф.* Труды по белорусскому и другим славянским языкам, с. 36.

[13] Там же, с. 37.

др.). По мнению Е. Ф. Карского, в словаре неудачно распределены имена по форме и функции (имена, отчества, прозвища, фамилии), не везде правильно соотнесены слова по словопроизводственному признаку (например, *Вешняк — Вишняк, Бричка — Бречка, Крик — Кгрик — Крыка* и др.). Подобного рода недостатки объясняются тем, что «словарь Тупикова... построен не на лингвистической подкладке, а на исторической»[14]. Тем не менее этот оригинальный труд по исторической ономастике русского языка получил в рецензии очень высокую оценку. Е. Ф. Карский писал, что «введение в словарь представляет очень обстоятельное исследование исторического развития древнерусских личных собственных имен, а самый словарь дает массу материала для разных наблюдений и выводов — лингвистических, литературных, исторических и др.»[15].

Из приведенных высказываний видно, что Е. Ф. Карский был весьма компетентен в области исторической ономастики русского языка, причем ряд моментов, на которые указывал он в данном отзыве, в частности на образование ласкательных и уменьшительных форм от заимствованных христианских имен, вновь стали предметом исследования в наше время[16].

---

[14] *Карский Е. Ф.* Труды по белорусскому и другим славянским языкам, с. 39.

[15] Там же, с. 41.

[16] *Толкачев А. И.* К истории словообразования форм со значением субъективной оценки (квалитативов) личных собственных имен греческого происхождения в древнерусском языке XI—XV вв. — В кн.: Историческая ономастика. М., 1977, с. 72—130.

Прекрасным знатоком древнерусского языка проявил себя Е. Ф. Карский в отзыве на «Исследование о двинских грамотах XV в.» (Спб., 1903) А. А. Шахматова [17]. Дав положительную оценку этому труду, он указал и на ряд дискуссионных моментов в рассуждениях А. А. Шахматова по поводу характера звуков *о, е, ѣ, в, г,* сочетаний *ой, эй (слепой, слепэй)*. Относительно последних рецензент заметил: «Формы *купечкеи, сочкеи, свьискеи* для своего объяснения не нуждаются в предположении прарусского *öi͡*: они развились из «купечкой», «сочкой», «свьиской» после того, как в них *к* смягчилось после предшествующего им мягкого согласного *ч* (из *ц*) и *й;* необычное сочетание *-к'ой* и передается здесь посредством *-кей*» [18]. С таким объяснением Е. Ф. Карского можно вполне согласиться, учитывая ассимиляцию соседних согласных по мягкости, наблюдаемую и в современных великорусских говорах, притом не только северной зоны.

В подробном отзыве Е. Ф. Карского на издание Архангельского евангелия 1092 г., осуществленное Румянцевским музеем в 1912 г. [19], дан критический разбор прежних исследований памятника и указаны некоторые недостатки, допущенные при воспроизведении текста издателями, а именно то, что «в фотомеханическом воспроизведении на сетку возможны произвольные поправки корректора, желающего представить более ясным места, которые часто

---

17 РФВ, 1904, т. 51, с. 322—324.

18 *Карский Е. Ф.* Труды по белорусскому и другим славянским языкам, с. 43.

19 РФВ, 1913, т. 69, с. 467—477.

противоречат оригиналу» [20]. Обращается внимание на то, что «Архангельское евангелие в обеих своих крупных частях (л. 1—175) представляет замечательно выдержанными особенности древнерусской орфографии и языка...» [21].

В числе таких особенностей памятника Е. Ф. Карский отмечает употребление *оу* и *ю* вместо юса большого (последний встречается обычно только в конце строк), дифтонгических сочетаний *ър, ьр, ъл, ьл,* в отдельных случаях полногласных сочетаний *(оумерети, жеребіа, веремꙗ),* начального *о* при старославянском *ѥ (одинъ, одиного), ж* (реже *ч*) на месте прежних сочетаний *dj, тj (дажь, жажю, хочю), оу* вместо *ю* в начале некоторых слов *(оунъ, оуноша, оуга* 'юга'), сохранение мягкости шипящих и *ц*. Рецензент остановился и на других орфографических, фонетических и грамматических явлениях, отраженных в этом памятнике, причем подчеркнул, что «в морфологии рядом с массой форм, отражающих на себе глубокую старославянскую древность ...встречаем и типичные древнерусские образования...» [22]. Это наблюдение Е. Ф. Карского представляет большой интерес для истории русского языка и сравнительно-исторического славянского языкознания.

Данный отзыв Е. Ф. Карского содержит достаточно продуманную гипотезу об истории Архангельского евангелия. Вот что по этому поводу сказано: «После рассмотрения главней-

[20] *Карский Е. Ф.* Труды по белорусскому и другим славянским языкам, с. 46.
[21] Там же, с. 46.
[22] Там же, с. 49.

ших особенностей орфографии и языка памятника можно видеть, что обе главные его части (лл. 1—175) возникли в одной языковой древнерусской области и, по всей вероятности, в одно и то же время. Однако трудно более точно определить эту область. Везде встречаются особенности все общерусские. К местным можно отнести разве несколько похожих на описки случаев смешения *ѣ* и *и;* может быть, к местным чертам принадлежит *и* и *ы* в 3 л. на месте *ь* и *ъ* перед *j*, употребление *скьрбь*; по совокупности этих черт памятник можно бы считать киевским; но такому утверждению как бы противоречит довольно частое употребление є на месте ѣ, что древнейшим южнорусским памятникам почти не свойственно. Придется предположить, что югославянский оригинал, происходящий, вероятно, из восточной Болгарии, был сначала переписан на юге Руси, например, в Киеве; эта последняя копия была переписана где-либо в средней Руси; средне-русская копия послужила оригиналом для писцов Архангельского евангелия» [23].

На основании лингвистических и палеографических черт Е. Ф. Карский подтверждает мнение о датировке этого памятника — 1092 г., хотя есть ряд неясностей в определении хронологических рамок приписки к тексту евангелия.

В 1913 г. Е. Ф. Карский опубликовал два отзыва на работы Е. Р. Романова «К археологии северо-западного края России» (Вильна, 1911) [24], «Борисов камень в с. Высоком Город-

---

[23] *Карский Е. Ф.* Труды по белорусскому и другим славянским языкам, с. 50—51.

[24] РФВ, 1913, т. 69, с. 255—256.

це Сенненского у. Мог. губ.» (Вильна, 1912) [25]. В них дана дополнительная расшифровка древних надписей на камнях, обнаруженных у д. Каменки Вилейского уезда Виленской губернии и в с. Высокий Городец Сенненского уезда Могилевской губернии. Предложив новое чтение надписи на первом камне, Е. Ф. Карский отметил, что она очень древняя (XI—XII вв.) и притом русская, поскольку имеется полногласная форма *воротиши*. Надпись на другом камне, относящаяся ко времени до 1128 г., также ценна как источник для изучения истории и языка древнерусского периода.

Будучи профессором Варшавского университета, Е. Ф. Карский читал на славяно-русском отделении исторического факультета курс исторической фонетики и грамматики русского языка. Обобщением его педагогического опыта в этой области языкознания была книга «История русского языка. Лекции, читанные в 1912/13 акад. году студентам имп. Варшавского университета...» (Варшава, 1913, 288, 5 с., изд. литогр.). После «Опыта исторической грамматики русского языка» (1858; последующие издания под назв. «Историческая грамматика русского языка») Ф. И. Буслаева, «Лекций по истории русского языка» (1888, изд. 4-е, 1907) А. И. Соболевского, «Курса истории русского языка» (1908—1911) А. А. Шахматова эта книга Е. Ф. Карского была наиболее систематизированным изложением исторической фонетики и грамматики русского языка.

Для исторической отрасли русского языко-

---

[25] РФВ, 1913, т. 69, с. 256.

знания большое значение имеют работы Е. Ф. Карского, написанные в последние годы его жизни, когда он занимался главным образом изданием и филологическим изучением летописных и юридических текстов древнерусского периода. Одна из таких работ — статья «Из синтаксических наблюдений над языком Лаврентьевского списка летописи»[26], в которой автор анализирует ряд характерных для древнерусского языка построений, в частности безличные конструкции с винительным количественным (*погорѣ половину Подольꙗ*), предложения с подлежащим, выраженным звательной формой имени (*ѡхъ тот мꙗ врaже оулови*), разные сочетания с беспредложным управлением (*иде Ноугороду, внида Черниговъ, поꙗша Ростислава кнꙗжитъ, посади Туровѣ, ꙗго ѡтступилисꙗ* и др.), сочетания с творительным падежом числительных (*въ третии межю десꙗ [тьма]*), с творительным орудийным (*крьстомъ пособить*), предложения с именным сказуемым и связкой настоящего времени *ꙗсть—суть* или без нее (*всꙗ землꙗ наша велика и ѡбильна*), употребление кратких форм причастий в сказуемостной функции (*єго же оумѣючи того не забываите доброго · а єгоже не оумѣючи а тому сꙗ оучите*), сложные предложения с внешне схожими, но различными по функции союзами *ато, ати, атъ*.

В развитие положений рассмотренной статьи Е. Ф. Карский пишет более обширную работу «Наблюдения в области синтаксиса Лаврентье-

---

[26] Сб. ОРЯС АН СССР, Л., 1928, т. 101, № 3. (Сб. статей в честь акад. А. И. Соболевского), с. 39—42.

евского списка летописи»[27]. Обстоятельства, побудившие обратиться к исследованию синтаксиса этого памятника, так охарактеризованы автором: «Лаврентьевский список летописи 1377 г. является одним из памятников, наилучше отражающих особенности древнерусского языка. Это произведение не переводное; в нем обыкновенно приходилось излагать события простым языком. Правда, этот язык был литературный своего времени и во многом подражал языку священных текстов, переписанных с югославянских оригиналов, особенно, если приходилось вводить рассуждения на религиозные темы или слагать похвалу какому-либо лицу; но и стихия русская народная здесь очень заметно сказывается. По чистоте народного языка летопись превосходят только грамоты, но в лексическом отношении они уступают летописям. Нельзя, конечно, думать, чтобы летописец особенно старался выдерживать народную речь. Воспитанный на чтении церковных и святоотеческих книг, он старался подражать их языку; однако не всегда он мог это сделать: часто описываемый материал требовал особого выражения, для которого можно было найти соответствующие запасы только в народной речи. Несомненно, более заметно живое народное влияние сказывается в синтаксисе. Менять формы склонений и спряжений, встречающиеся на каждой странице книг св. писания и богослужебных, к которым уже привыкли читатели и слушатели, было менее ес-

[27] Изв. ОРЯС АН СССР, Л., 1929, т. 2, кн. 1, с. 1—75; то же отд. отт. Л., 1929, 75 с.

тественно. То же отчасти следует сказать и относительно фонетики.

Однако и к синтаксическим фактам следует относиться в большей или меньшей степени также с осторожностью. Следует иметь в виду, что перед нами сложный памятник. «Повесть временных лет» уже была готова в самом начале XII в., а продолжение делалось постепенно до XIV в. «Лаврентий мних» переписал (или под его руководством другое лицо) и начальную летопись, возникшую на юге, может быть, в другой лингвистической обстановке, и продолжение ее на северо-востоке, в Суздальской области. Теперь трудно решить, какие факты синтаксиса следует отнести к древнейшей эпохе, а какие к XIV в. Сопоставление их показывает, что они очень сходны и наводят на мысль, что уже в начале XII в. они так же существовали, как живое явление, как и в XIV в. Мог конечно составитель летописного свода, переписывавший начало его, подражать в своем стиле приемам древнейшего летописца, а мог и древний текст несколько поправлять применительно к своей речи» [28].

Мы умышленно привели эту пространную цитату, чтобы показать, что здесь ученый не только мотивирует свое намерение исследовать синтаксические явления определенного летописного памятника, что на том этапе развития исторического языкознания, да еще и в настоящее время является вполне правомерным, но и намечает задачи дальнейшего исследования синтаксиса летописей, представляющих собой

---

[28] *Карский Е. Ф.* Труды по белорусскому и другим славянским языкам, с. 58—59.

хронологически и содержательно чрезвычайно сложный литературный жанр, не говоря уже о территориальном разнообразии летописных вариантов текста. На эти моменты Е. Ф. Карский указывает гораздо раньше, чем, скажем, Б. А. Ларин[29], который весьма придирчиво отнесся к приведенным высказываниям Е. Ф. Карского, в частности к тезису о хронологических наслоениях в синтаксисе летописей, но сам не дал положительного решения данного вопроса на материале всех русских летописей, так как подобного исследования еще не существует. Ведь само собой разумеется, что для того, чтобы реконструировать праславянский синтаксис, характеризующий строй языка дописьменной эпохи, надо во всех деталях знать синтаксис славянских языков после X в. вплоть до наших дней, причем как по показаниям письменности, так и по свидетельствам живой разговорной и диалектной речи на всей территории распространения этих языков. Это проблема настолько колоссальная, что вряд ли кто-либо даже в наше время примет на себя смелость провести строгую хронологическую градацию всех синтаксических явлений от древнейшего периода до современности. Указывая лишь на отдельные, чаще разрозненные, факты хронологической неоднородности явлений синтаксиса, наши исследователи (Ф. И. Буслаев, А. А. Потебня, А. В. Попов, А. А. Шахматов, Ф. Е. Корш, П. А. Лавровский, А. Никольский, С. П. Обнорский, Е. С. Истрина и др.) стремились сначала точно описать синтаксис конкрет-

---

[29] *Ларин Б. А.* Лекции по истории русского литературного языка (X — середина XVIII в.). М., 1975, с. 208—215.

ных памятников и на этой основе строить затем исторические обобщения, прибегая, конечно, и к современному языку. Такого принципа в изучении истории синтаксического строя придерживался, собственно, и Е. Ф. Карский, который даже специально оговаривался, что «разные теоретические вопросы здесь не рассматриваются, а дается только материал для суждения о них, так как правильное заключение можно сделать лишь по изучении синтаксиса и других древнерусских памятников»[30]. Естественно, такая осторожность в определении исторических тенденций развития синтаксического строя русского языка вполне оправдана общим подходом Е. Ф. Карского к языку — всегда опираться на достоверные факты, извлекаемые из языковой действительности, а не на вымышленные построения. Как работал Е. Ф. Карский, приступая к выполнению поставленной задачи, видно из следующей фразы: «Редактируя и издавая 1 т. «Полного собрания русских летописей» (Ленинград, 1926 и 1927 гг.), заключающий в себе Лаврентьевский список летописи полностью, я имел возможность непосредственно из оригинала извлечь синтаксические явления этого списка и в настоящей работе хочу поделиться своими наблюдениями с читателями»[31]. Итак, ему необходим был полный список летописи, притом оригинал этого списка, чтобы дать объективную картину соотношения хронологически разных явлений синтаксиса. Автор последовательно раскрывает осо-

---

[30] *Карский Е. Ф.* Труды по белорусскому и другим славянским языкам, с. 59.

[31] Там же.

бенности употребления форм рода, числа, бессубъектных предложений, способы выражения главных членов предложения, синтаксические функции времен, залогов, наклонений, видов глагола, роль различных падежей (в том числе так называемых двойных падежей), структуру двучленных предложений, порядок следования частей предложения, прямую речь, построение сложных конструкций, оборота «дательный самостоятельный» и др.

Таким образом, описанные Е. Ф. Карским синтаксические явления Лаврентьевского списка летописи дают возможность судить в определенной мере и о синтаксисе других русских летописей древней поры. Он значительно дополнил и уточнил те сведения о древнерусском синтаксисе, которые были в свое время получены П. А. Лавровским в работах «О языке северных русских летописей» (1852), «Исследование о летописи Якимовской» (1855, 1856), А. Никольским в работе «О языке Ипатской летописи» (1899), Е. С. Истриной в работе «Синтаксические явления Синодального списка I Новгородской летописи» (1923).

Славную традицию изучения летописного синтаксиса продолжил ученик Е. Ф. Карского В. И. Борковский, одним из первых трудов которого была работа «О языке Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку» (1931). Разрабатывая исторический синтаксис также на материале деловой письменности, живых говоров и фольклора, В. И. Борковский[32] под-

[32] См. труды В. И. Борковского «Синтаксис древнерусских грамот. Простое предложение» (Львов, 1949); «Синтаксис древнерусских грамот. Сложное предложение» (М., 1958); раздел «Синтаксис» в кн.: *Борков-*

твердил правильность наблюдений и выводов своего учителя.

Результаты изучения Е. Ф. Карским синтаксиса древнерусских памятников широко используются и современными исследователями как истории русского синтаксиса так и сравнительного исторического синтаксиса восточнославянских языков [33]. И это вполне закономерно, так как Е. Ф. Карский дал развернутую картину исторического развития синтаксиса также на материале белорусской письменности XIV—XVII вв., живых белорусских говоров и произведений белорусского фольклора.

Среди трудов Е. Ф. Карского по древнерусскому языку важное место занимает исследование «Русская Правда по древнейшему списку. Введение, текст, снимки, объяснения, указатели авторов и словарного состава» (Л., 1930, IV, 114 с.).

ский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. Изд. 2. М., 1965; «Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков. Типы простого предложения» (М., 1968); «Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков. Бессоюзные сложные предложения, сопоставляемые со сложноподчиненными» (М., 1972) и другие менее обширные его работы.

[33] См. обобщающие исследования в указанных областях, выполненные коллективом авторов Института русского языка АН СССР под руководством академика В. И. Борковского в 60—70-е годы и изданные под его же редакцией: «Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков. Члены предложения» (М., 1968); «Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков. Сложноподчиненные предложения» (М., 1973); «Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Простое предложение» (М., 1978); «Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Сложное предложение» (М., 1979).

Этот юридический памятник ученый относит к числу тех рукописей, в которых «преобладают черты живого русского языка с еле заметным церковнославянским налетом»[34].

Известно, что впервые Русская Правда вместе с Судебником 1550 г. была опубликована в 1767 г. после открытия ее историком В. Н. Татищевым. С того времени исследователи неоднократно подвергали этот древнейший свод гражданских законов на Руси анализу палеографическому, историческому и филологическому. Тем не менее оставались неизученными многие вопросы, касающиеся содержания, времени написания, территории, на которой он создавался, литературной и лингвистической сторон памятника. Учитывая это обстоятельство, Е. Ф. Карский принялся за нелегкое дело обобщения всех научных данных о Русской Правде и выяснения тех моментов, которые еще не получили удовлетворительного освещения. Автор сначала дает общий обзор памятника, затрагивая вопросы о древнейших нормах права у восточных славян, о связи этих норм с правовыми законами у северо-западных германцев, о первых сведениях, указывающих на существование юридических правил при Ярославе Владимировиче, о дальнейшей их переработке на Руси, о сохранении основных положений Русской Правды в древнерусских Кормчих, Мерилах праведных и других сборниках. Далее ученый говорит о полных и кратких текстах памятника, о древнейшей рукописи и необычности расположения

[34] *Карский Е. Ф.* Труды по белорусскому и другим славянским языкам, с. 113.

в ней статей, об отражении Русской Правды в летописных текстах XV в.

Непосредственным предметом рассмотрения является список Русской Правды, находившийся в составе новгородской Кормчей 1282 г. Автор бегло характеризует издания и фотолитографические воспроизведения этого списка, осуществленные в XIX в. Калайдовичем, Мрочек-Дроздовским и другими археографами. Основной же целью своего исследования Карский считал описание важнейших языковых черт памятника, так как «язык его дает возможность довольно точно определить время возникновения памятника, место его написания и даже народность лица, закрепившего письмом этот сборник»[35].

Какие же явления привлекли внимание исследователя в Русской Правде по списку 1282 г.? Из орфографических особенностей он отмечает «сохранение ъ и ь в тех местах в середине слов, где они стоят в самых древних русских и старославянских памятниках»[36], в фонетике — смешение ѣ и *е*, начальное *ло-*, полногласие, начальное *о* при старославянском *э—ѥ*, *ж*, *ч* на месте старославянских *жд*, *шт* — *щ*, смешение *ц* и *ч* (как новгородскую черту); в морфологии — древнерусское и народное окончание *-ко* у существительных мужского рода (*Късн ѧчько*), проникновение окончания родительного падежа множественного числа из основ на *-ў* (*-й*) в основы на -о

---

[35] *Карский Е. Ф.* Труды по белорусскому и другим славянским языкам, с. 113.

[36] Там же, с. 122.

хлѣбовъ, послоуховъ), влияние местоименного склонения на формы сложных прилагательных (*бѣлгородьского)*, употребление суффикса *-ыва-* в глаголах для обозначения многократности действия (*прикладываієть, складывати)*, появление инфинитивов на *-ть* (*воротить, держать, платить*) наряду с формами на *-ти;* сохранение мягкости конечного *т* в формах глаголов 3-го лица настоящего и простого будущего времени (*оубьѥть, възложить*), редкую древнюю форму от глагола *вѣдати* (*вѣдѣ*) — 3 л. ед. ч. перфекта; чисто русские формы плюсквамперфекта (*былъ оуставилъ*), русские причастия настоящего времени (*река, бѣжа*) наряду с более древними (*дадоуче, въземъши, шедъши*); сохранение супина (*идеть искатъ*). Из синтаксических явлений автором рассмотрено употребление в роли подлежащего формы звательного падежа (*придеть кръвавъ моуже на дворъ*), инфинитивных предложений (*ити по своѣ коуны*), безглагольных предложений (*слово противоу слова*), предложений с наречным сказуемым (*послоуси ѥмоу не надобѣ*), предложений с причастным сказуемым (*не боудеть кто іего мьстѧ*), словосочетаний с дательным принадлежности (*мт҃и имъ поидеть замоужь*), с именительным женского рода на *-а* при инфинитиве (*взѧти грвна кунъ за соромъ*), с творительным причины (*кто пакощами порежеть конь*); сложных конструкций с относительными местоимениями в роли союзов, с целевым союзом оть, с условными союзами *аче, аже, оже, будеть ли*, или *не боудеть*. Автором отмечены в памятнике и другие, более мелкие явления, характеризующие грам-

матический строй древнерусского письменного и разговорного языка.

В заключение лингвистического анализа Е. Ф. Карский приводит список наиболее интересных для историка языка слов (общеупотребительных в древней Руси и правовых терминов): *аже, ажь, аче, бологo, вѣкъ* 'увечье' *вѧ зебною, головникъ* 'убийца', *головничьство, гостиньць, гостьба* 'торговля', *двоици (-чи), добытокъ, , домашныи, досочитисѧ , дължьбитъ, дължьбити, дѣчькыи, жеравь, желѣзо* 'испытание каленым железом', *жито, задница (-ца)* 'наследство', *истьчь (-ьць), крьноути, коурѧ , лебедь, лодьіа, локъть, лоньщина, любо* 'либо', *наиметъ, нельзѣ, ѡбѣль, ѡбьль, ѡбѣльныи, ѡлекъ, ѡтарица, ѡтгрѣноути, ѡтсочити, ѡтьцимъ (ѡтьчимъ), перевѣсъ, переимъ, переима, письчь (-ць), поклажаи, полоть, полъть, поросѧ, пъртъ, продажа* 'пеня, штраф', *прокъ* 'остаток', *пропитисѧ, проторъ, ремьствьникъ, рота* и др.

На основе точной характеристики главных особенностей орфографии, грамматики и словарного состава Е. Ф. Карский делает общее заключение о языке Русской Правды по списку 1282 г. и его отношении к древнерусскому литературному языку в целом: «Письменность на Руси появилась с принятием христианства, что произошло в конце X в.; богослужебные книги, пришедшие к нам от югославян, дали образцы литературного языка, который и господствовал у нас до начала XVIII в. Если с этой точки зрения рассмотрим наш памятник, то окажется, что в своем содержании он не отражает христианских элементов, вследствие чего возможно предположить, что основа Рус-

ской Правды происхождения еще дохристианского. Что касается ее языка, то явные церковнославянизмы в древнейшем списке вообще редки (один только раз «аще» 617, «чрево» 621 об., «свободьнааго» 621, «обаче» 622); есть слова, выражения и формы, которые в древнейшую пору русского языка могли быть общими ему с церковнославянским, а затем лишь утратились в литературном языке (например, род. п. прилагательных на *-аго*, повелительное со смягчением задненебных — *рьци* и под.). Вообще же говоря, наш памятник производит впечатление произведения, написанного на чисто народном русском языке» [37].

По поводу своего заключения о языке Русской Правды Е. Ф. Карский замечает, что он в этом отношении вполне согласен со взглядом А. А. Шахматова, высказанным в частном письме к проф. Гетцу в 1912 г.

К основным положениям, содержащимся в приведенной выше цитате, Е. Ф. Карский добавляет еще некоторые моменты, а именно, что «характер языка нашего списка самый архаичный и наиболее близкий к языку основного текста времени Владимира Мономаха», что «наша рукопись, как заключающая в себе явные новгородские черты в языке, несомненно переписана уроженцем северной новгородской Руси» [38].

Примерно такого же взгляда на язык Русской Правды придерживался С. П. Обнорский, который вначале проводил мысль, что список

---

[37] *Карский Е. Ф.* Труды по белорусскому и другим славянским языкам, с. 128.

[38] Там же, с. 129.

1282 г. является исключительно цельным и строго выдержанным в языковом отношении памятником, поскольку в нем почти нет следов старославянского влияния [39], а позже несколько изменил свою точку зрения [40], но вообще он считал, что язык данного памятника представляет собой древнейший тип русского литературного языка на народной восточнославянской основе. Данную точку зрения поддерживал в дальнейшем А. И. Ефимов [41].

Науке в настоящее время известны десятки списков Русской Правды, и конечно не все вопросы, касающиеся языка этого памятника, решены окончательно. Филологи вели и ведут спор не только по поводу состава языковых средств дошедших до нас разновременных списков памятника, но и в связи с более широкими проблемами происхождения литературного языка восточных славян древнекиевской эпохи, а также его взаимодействия с книжнославянским языком. Еще во второй половине 30-х годов нашего века А. М. Селищев написал статью дискуссионного порядка

---

[39] См. его статью «Русская Правда, как памятник русского литературного языка». — Изв. АН СССР, ООН, 1934, № 10, с. 749—776; то же в кн.: *Обнорский С. П.* Избранные работы по русскому языку. М., 1960, с. 120—144.

[40] См. соответствующий раздел в его книге «Очерки по истории русского литературного языка старшего периода» (М.—Л., 1946), а также статью «Происхождение русского литературного языка старейшей поры». — В кн.: Юбил. сб., посвященный тридцатилетию Великой Октябрьской социалистической революции. М.—Л., 1946, ч. 2. с. 789—793.

[41] *Ефимов А. И.* История русского литературного языка. 3-е изд. М., 1971, с. 33—35.

«О языке «Русской Правды» в связи с вопросом о древнейшем типе русского литературного языка» [42], в которой была высказана иная точка зрения на указанные вопросы.

В недавнее время к лингвистической проблематике, связанной с изучением Русской Правды, обратился Б. А. Ларин [43]. Он указал на ряд новых лингвистических задач, вытекающих из того, что уже было сделано его предшественниками, в частности на то, «чтобы извлечь из «Краткой правды», где их больше, и из «Пространной правды», где их меньше, остатки древнейшего текста. Выделив эту древнейшую часть, «Краткую правду» можно изучать как памятник XI в. <...> «Пространная правда» дает богатейший материал для характеристики русского языка в жанре законодательства XII—начала XIII в.» [44]. Б. А. Ларин был против приурочения Русской Правды к определенной территории древней Руси и к определенному году, считая ее памятником с длительной и сложной историей, содержащим «многообразные языковые наслоения», памятником, общим для всех восточных славян [45].

Указанными положениями Б. А. Ларина, конечно, не снимается заслуга в изучении

[42] Статья была опубликована уже после смерти автора.— Вопросы языкознания. М., 1957, № 4, с. 57—63; то же в кн.: *Селищев А. М.* Избр. труды. М., 1968, с. 129—140. По поводу этой статьи см.: *Василевская Е. А.* Профессор Селищев как лингвист и его статья о языке «Русской правды». — Учен. зап. МГПИ им. В. И. Ленина, 1958, т. 132, вып. 8.

[43] Лекции по истории русского литературного языка (X — середина XVIII в.). М., 1975, с. 52—94.

[44] Там же, с. 93.

[45] Там же, с. 94.

лингвистической стороны Русской Правды ни А. И. Соболевского, ни А. А. Шахматова, ни Е. Ф. Карского, ни С. П. Обнорского, так как каждый из них разрабатывал определенный аспект истории древнерусского языка, что давало импульс для дальнейших исследований в данной отрасли русского языкознания.

В различных трудах Е. Ф. Карского мы находим довольно много лексикологических наблюдений. Помимо тех словарных материалов, которые он изучал при рассмотрении языковых особенностей отдельных древнерусских памятников, в его работах содержится анализ ряда древнейших лексических заимствований, в частности таких, как *олтарь, пост, букы, пѣнязь, коляда, князь, вира, тиун, гридень* и др.[46]

Ценные сведения по истории русской лексики имеются в работах Е. Ф. Карского «Слово «человек» в производствах» (отзыв на книгу Н. Н. Бодрова)[47], «Заметка на «Ответ рецензенту» Н. Бодрова»[48], «О так называемых барбаризмах в русском языке»[49], «К вопросу об употреблении иностранных слов в русском языке»[50] и др.

Следует отметить многочисленные критико-библиографические статьи и заметки Е. Ф. Карского, в которых анализируются исследования по истории русской лексики, а также историче-

---

[46] *Карский Е. Ф.* Белорусы. М., 1916, т. 3, вып. 1, с. 102, 178.

[47] РФВ, 1883, т. 10, № 3.

[48] РФВ, 1884, т. 11, № 2.

[49] Краткий отчет о состоянии Виленской 2-й гимназии за 1885/86 учебный год. Вильна, 1886.

[50] *Карский Е. Ф.* К вопросу об употреблении иностранных слов в русском языке. Варшава, 1910.

ские и этимологические словари, в частности «Этимологический словарь русского языка» А. Преображенского[51], «Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» И. И. Срезневского[52], «Из истории заимствованных слов и переводных повестей» А. И. Соболевского[53], «К вопросу о финско-кельтских и финско-славянских отношениях», «Славяно-балтийские этюды» И. Эндзелина[54], «Греко-славянские этюды» М. Р. Фасмера[55], «Название озера Селигер в связи с вопросом о праславянской родине» А. И. Соболевского[56].

Е. Ф. Карский хорошо знал и ценил предшествовавшие ему труды по этимологии русской лексики, тем не менее он считал, что эта отрасль языкознания требует дальнейшей, более глубокой разработки. В связи с этим он писал: «В числе задач научного изучения русского языка всегда было составление этимологического словаря этого языка. Мы видели, как неудачны были прежние попытки этимологизации русских слов и что было причиной этого явления. Однако со временем постепенно накоплялись научные материалы по этому предмету как со стороны русских, так и иностранных ученых...»[57]

---

[51] РФВ, 1910, т. 13, № 1-2; 1913, т. 19, № 1-2; 1914, т. 21, № 2; 1914, т. 22, № 3-4; 1915, т. 23, № 1; 1916, т. 26, № 3.

[52] РФВ, 1912, т. 18, № 3-4.

[53] РФВ, 1905, т. 3, № 1-2.

[54] РФВ, 1912, т. 17, № 1-2; 1911, т. 16, № 3-4.

[55] РФВ, 1907, т. 7, № 1-2; 1907, т. 8, № 3-4; 1909, т. 11, № 1-2.

[56] РФВ, 1905, т. 3, № 1-2.

[57] *Карский Е. Ф.* Очерк научной разработки русского языка в пределах СССР. Л., 1926, с. 95.

Лингвистическая и педагогическая деятельность Е. Ф. Карского в значительной степени коснулась также истории русского литературного языка, которой он стал заниматься еще в начале 90-х годов прошлого века. Показательна в этом отношении его лекция «Главнейшие течения в русском литературном языке» [58], прочитанная в Варшавском университете 27 февраля 1893 г. В первую очередь лектор останавливается на вопросе о происхождении русского литературного языка, указывая на его древнейший источник — старославянский язык, который стал применяться восточными славянами с момента принятия на Руси христианства. Е. Ф. Карский отмечает, что «зарождение нашей письменности находится в непосредственной связи с появлением христианства. Будучи принято по греческому обряду, христианство стало распространяться у нас на языке, понятном народу; но нельзя сказать, чтобы язык первых проповедников христианства, а также принесенных ими богослужебных книг был народный русский. Дело в том, что принятие христианства русскими произошло тогда, когда южные славяне, особенно болгары, имели уже сделанный св. Кириллом и Мефодием на местном языке перевод библии и богослужебных книг. К 988 г. в Болгарии этот язык уже окреп в литературе: на нем появилась масса переводных и даже оригинальных произведений. Он же с первыми священниками и богослужебными книгами перешел и к нам, на Русь. Это первый иноземный элемент (хотя и близкородственный), легший в основу

---

[58] Варшавские унив. изв., 1893, № 4, с. 1—12.

русского литературного языка уже при самом его возникновении. Вдобавок язык тогдашних духовных книг был переполнен еще множеством заимствований из греческого, которые оказались необходимыми, ввиду появления многих отвлеченных понятий и религиозных предметов, не имевших никакой связи с прежней жизнью и культом»[59].

Таким образом, Е. Ф. Карский считал, что в основе древнерусского литературного языка первоначально находился старославянский, или древнеболгарский, письменный язык, содержавший как прямые заимствования из греческого, так и структурные образцы слов и синтаксических построений, характерные для греческого языка. По мнению ученого, несмотря на проникновение в древнерусский литературный язык начального периода его существования также элементов из других языков, в частности скандинавизмов (*вира, гридень, тиоунъ*), старославянский язык играл важнейшую роль во всем строе письменной речи восточных славян. «Принятие богослужебных книг и библии на языке южных славян и затем постоянное литературное общение с югом были, таким образом, причиной того, что церковнославянская стихия явилась преобладающей в зарождающемся русском литературном языке»[60].

Уже с самого начала старославянский язык на Руси испытывал влияние со стороны живой восточнославянской речи, вследствие

[59] *Карский Е. Ф.* Труды по белорусскому и другим славянским языкам, с. 131.
[60] Там же, с. 132.

чего постепенно возникал русский извод письменного языка, более или менее отличавшегося от своего прототипа. Е. Ф. Карский пишет, что «первые памятники письменности, явившейся на Руси (списки и оригинальные), особенностями своего языка сразу выделяются от югославянских. Сначала эти особенности улавливаются лишь при крайне напряженном внимании, а затем выступают все рельефнее: сказываются они в чисто русских словах, а также синтаксическом построении речи и особенно в формах и звуках. Последние особенности выдают русский извод уже в таких памятниках, которые несомненно списаны с югославянского оригинала и являются в то же время лучшими памятниками древнего церковнославянского языка (разумею, например, Остромирово евангелие)»[61].

По наблюдениям Е. Ф. Карского, в ранние письменные тексты с книжнославянской основой языка проникали не только общерусские (точнее, общевосточнославянские) черты, но и диалектизмы, свойственные тем или иным древнерусским говорам. Ярче всего прослеживаются диалектные черты новгородского, псковского, полоцко-смоленского и галицко-волынского говоров[62]. Но вообще диалектные особенности, по словам Е. Ф. Карского, «совершенно ничтожны в сравнении с... особенностями, характеризующими общерусский язык»[63]. К числу общерусских фонетических черт он относил в первую очередь полногла-

[61] *Карский Е. Ф.* Труды по белорусскому и другим славянским языкам, с. 132.

[62] Там же, с. 132—133.

[63] Там же, с. 133.

сие, свойственное всем древнерусским говорам без исключения.

В первый период своего развития древнерусский литературный язык впитал также некоторые тюркские языковые элементы, нашедшие отражение в «Слове о полку Игореве» и в героическом эпосе восточных славян. Основным источником этих ранних тюркизмов был язык кочевых племен, но в период татаро-монгольского ига в русский литературный язык попадали отдельные слова и выражения также другими путями. «Татарское иго,— пишет Е. Ф. Карский,— в истории литературного языка оставило еще заметные следы и в том отношении, что в нем сказался сильный поворот к архаистическому письму и форме выражения. Этот поворот достиг своего высшего развития в XV в.» [64]

Ученый имеет в виду так называемое «второе южнославянское влияние» на русский литературный язык, обусловленное, кстати, не только массовым бегством в пустынные места и монастыри русского духовенства, спасавшегося от татаро-монгольского нашествия, но и эмиграцией многих деятелей южнославянской культуры в восточнославянские земли вследствие порабощения Болгарии и Сербии турецкими захватчиками. В этот период «литературный язык древнерусской письменности был оторван от слишком близкого общения с народной средой и вместо простых оборотов народной речи привил себе пышную византийскую витиеватость, а своим формам сообщил

---

[64] *Карский Е. Ф.* Труды по белорусскому и другим славянским языкам, с. 133.

подчас ложную архаичность»[65]. Так в общих чертах Е. Ф. Карский характеризует самый древний и следующий за ним период XIII—XV вв. в истории русского литературного языка.

Современная филология, конечно, пошла значительно дальше в исследовании проблемы происхождения русского литературного языка. В этом отношении особенно большое значение приобрели труды В. В. Виноградова[66], выдвинувшего новую теорию о двух основных типах древнерусского литературного языка — книжнославянском и народно-литературном. Однако следует иметь в виду, что в начале 90-х годов прошлого века, когда на этом поприще Е. Ф. Карский выступил впервые, история русского литературного языка вообще не выделилась в особую отрасль языкознания, хотя отдельные высказывания о происхождении древнерусского письменного языка уже имелись в курсах истории славянских и русской литератур, а также в некоторых лингвистических работах.

В рассматриваемой лекции Е. Ф. Карского бегло охарактеризованы и последующие этапы истории русского литературного языка, когда формируется «литературный язык Московской Руси», «западнорусский литературный язык», а с конца XVII в. «снова появляется один общерусский литературный язык», вследствие «естественной гибели западнорусского

---

[65] *Карский Е. Ф.* Труды по белорусскому и другим славянским языкам, с. 133.

[66] *Виноградов В. В.* Избр. труды. История русского литературного языка. М., 1978.

[письменного] языка». Анализируя состояние русского литературного языка XVIII—XIX вв., Е. Ф. Карский выясняет ряд вопросов, связанных с деятельностью Петра I, Феофана Прокоповича, М. В. Ломоносова, Н. М. Карамзина, И. А. Крылова, А. С. Грибоедова, В. И. Даля, А. С. Пушкина; по мнению ученого, для этого периода характерна широкая демократизация строя русского литературного языка, определившая собой и дальнейшие пути развития его стилей, особенно стиля художественной литературы.

Лекция еще молодого в конце прошлого столетия ученого преследовала цель показать не только поступательный ход развития русского литературного языка от древности до конца XIX в., но и охарактеризовать его главные достоинства. Так, он говорит о «сильном, благозвучном языке московской литературы» второй половины XVII—начала XVIII в. С большим восторгом отзывается о богатстве современного ему русского языка: «В настоящее время русский литературный язык до того силен, что с успехом служит... науке, общению людей между собой, будучи способен к выражению не только самых возвышенных идей, но и нежнейших чувств и тончайших изгибов сердца»[67].

Для становления новой научной дисциплины — истории русского литературного языка большое значение имела речь Е. Ф. Карского «О влиянии поэтической деятельности А. С. Пушкина на развитие русского литера-

---

[67] *Карский Е. Ф.* Труды по белорусскому и другим славянским языкам, с. 137.

турного языка», которая была произнесена на торжественном собрании Варшавского университета 26 мая 1899 г.[68] в связи со столетием со дня рождения великого поэта.

Некоторые моменты этой речи являются развитием тех положений, которые были сформулированы в сжатом виде в рассмотренной выше вступительной лекции Е. Ф. Карского. Так, стремясь нарисовать картину исторического движения главных явлений русского литературного языка, Е. Ф. Карский снова обращается к проблеме происхождения русской письменной речи и подчеркивает исключительно большую роль в этом процессе книжного старославянского языка; затем он бегло останавливается на развитии литературного языка в период возвышения Московского государства в XVIII и начале XIX в. Автор раскрывает сущность борьбы, которая развернулась вокруг вопроса о старом и новом слоге, а точнее, о перспективах развития литературной речи. Чрезвычайно тонкое понимание исторических процессов, которые обусловили создание русского национального языка, дало возможность Е. Ф. Карскому точно определить место А. С. Пушкина среди виднейших писателей первой половины XIX в., так или иначе влиявших своим творчеством на стили русского литературного языка в период окончательного закрепления национально-языковых норм.

По справедливому заключению Е. Ф. Карского, никому из предшественников и современников А. С. Пушкина не удалось привести

---

[68] РФВ, 1899, т. 42, с. 195—230.

в правильное соотношение те элементы и средства, которые были свойственны русской литературной речи в конце XVIII — начале XIX в. Эту историческую роль выполнил А. С. Пушкин. «В поэтическом слове Пушкина пришли в надлежащее равновесие все стихии литературной речи, сделав анохронизмом всякий спор о стиле. Как истинный поэт-художник, не только создающий прекрасные образы, но и отливающий их в изящные формы, Пушкин и на язык взглянул с глубоко эстетической точки зрения. Он не допускал, как это полагали прежде, что те или другие слова и обороты усугубляют или уменьшают важность материи. Если ум поэта был поражен мыслями, открытыми при изучении предмета или явления, если чувство его было возбуждено истиною и красотою, тогда и содержание, добытое при исследовании, будучи великим, находило для себя соответственное выражение. Поэт сам создавал этот язык, пользуясь всеми его стихиями, возникшими во все предшествовавшее развитие. Никто лучше Пушкина не постигал его духа и средств; поэт разгадывал, так сказать, тайны языка, вполне овладев его индивидуальностью»[69].

Под индивидуальностью языка Е. Ф. Карский понимал то специфическое в семантике, экспрессии, сочетаемости, употреблении разных средств, которое свойственно только данному языку и находится в нем как бы в скры-

---

[69] *Карский Е. Ф.* Труды по белорусскому и другим славянским языкам, с. 144—145.

том виде, ожидая своей реализации в подходящих речевых обстоятельствах [70].

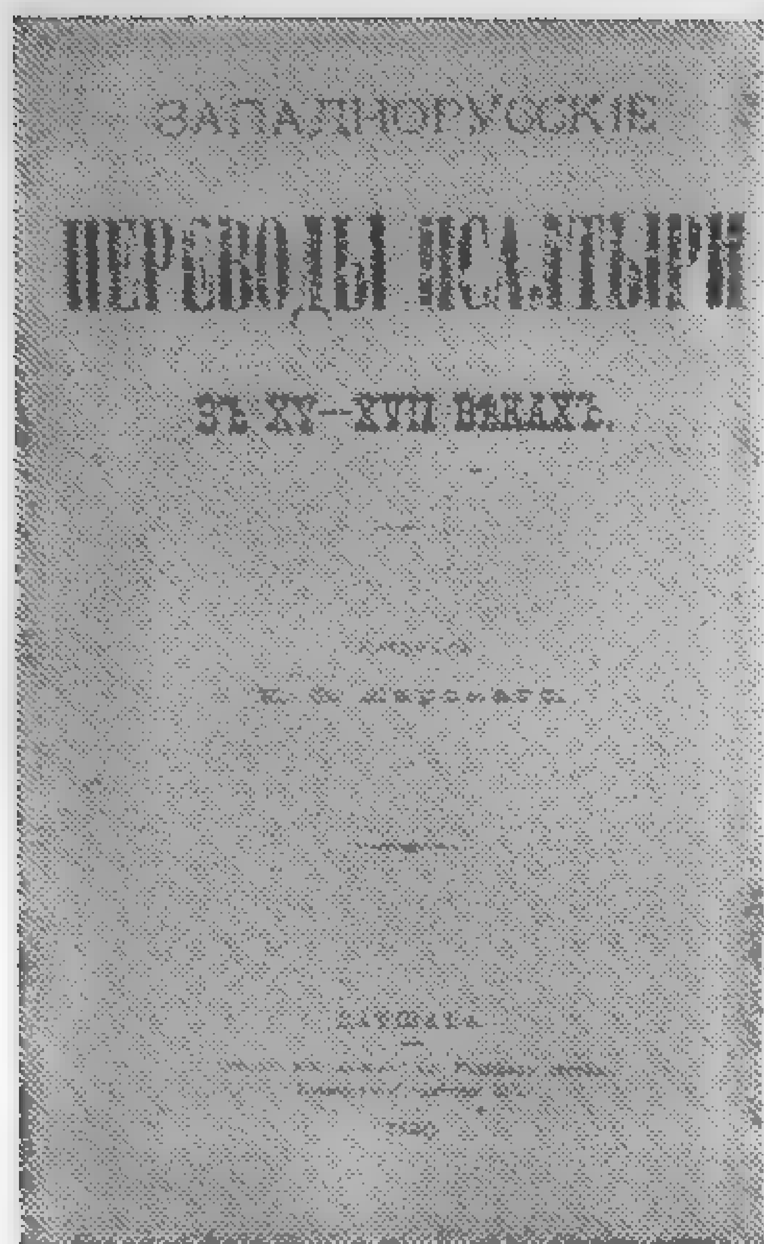
Языковое и стилистическое мастерство А. С. Пушкина, по справедливому утверждению Е. Ф. Карского, и проявляется в замечательном умении пользоваться речевой ситуацией, в его художественной чуткости к слову, благодаря которой читателю открываются тончайшие эстетические оттенки слова, «мелкие и едва заметные сочетания», содержащие в себе яркие поэтические краски и образы.

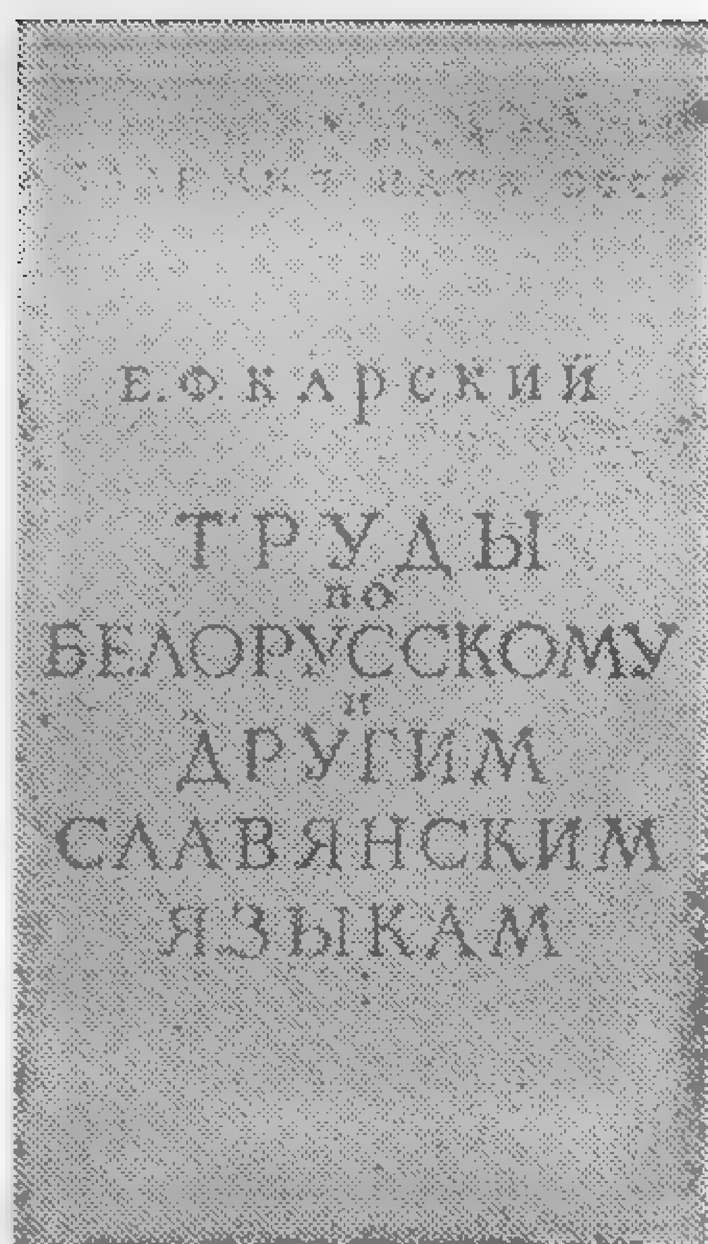
В литературных произведениях А. С. Пушкина исследователь находит необычайное многообразие речевых средств, служащих для правдивого изображения действительности: «Пушкин одинаково пользовался и архаизмами, и неологизмами, и наследием церковного языка, и живым потоком народной речи; не брезгал он даже словами иностранными, когда находил, что все эти стихии лучше всего и в возможно приятной форме выражают именно то, что хотел сказать поэт» [71].

Естественно, в речевой практике А. С. Пушкина нельзя видеть какого-либо произвола и беспорядочности. Выбор речевых средств у него всегда был обусловлен определенными художественными задачами, но вместе с этим «Пушкин был врагом всякой условности в

[70] По этому поводу он так говорит: «Каждое слово в языке, кроме своего общего значения, по которому оно совпадает с теми или другими речениями родственных языков, есть еще нечто индивидуальное, имеющее свою историю и хранящее в себе следы разных положений, в которых ему случалось находиться». *Карский Е. Ф.* Труды по белорусскому и другим славянским языкам, с. 145.

[71] Там же.

Книга Е. Ф. Карского «Западнорусские переводы псалтыри в XV—XVII веках» (Варшава, 1896)

Книга Е. Ф. Карского «Труды по белорусскому и другим славянским языкам» (Москва, 1962)

языке, всякого ига теорий, вносящих в его формы утомительное однообразие. Он требовал побольше свободы для языка»[72]. Здесь Е. Ф. Карский подчеркивает мысль, что А. С. Пушкин очень хорошо ощущал нежизненность строгих стилистических предписаний, механически воспринимавшихся некоторыми писателями на основе ломоносовской теории закрепления речевых средств за определенными жанрами литературы.

[72] *Карский Е. Ф.* Труды по белорусскому и другим славянским языкам, с. 145.

Ученый дает подробный анализ употребления поэтом унаследованных средств старославянского языка, живых элементов народного русского языка, а также иноязычных слов и выражений. Е. Ф. Карский указывает, что в писательской практике Пушкина эти языковые источники занимают неравноценное положение, так как «все симпатии его были на стороне народного языка, как живого хранителя русского духа», причем «народные слова Пушкин употреблял не случайно, равным образом не по указанию какой-либо теории, вроде ломоносовской, а исключительно руководясь врожденным ему чувством красоты и стремлением к точности и ясности выражения»[73].

Исследовательский талант Е. Ф. Карского позволил ему подойти к решению таких задач пушкиноведения, которые в XIX в. еще всерьез никем не ставились, хотя, конечно, лингвистическая сторона произведений поэта в некоторых работах уже затрагивалась[74]. Е. Ф. Карский указывает на большие заслуги Пушкина не только в развитии русской поэтической речи, но и в разработке новых принципов построения прозаической речи. Это положение исследователь формулирует очень четко: «Пушкин в отношении прозы и поэзии принес нашему литературному языку неоценимую услугу. И здесь прежде всего сказался мастер слова, обративший все свое внимание на сообщение выражению художественного изя-

---

[73] *Карский Е. Ф.* Труды по белорусскому и другим славянским языкам, с. 148—149.

[74] Там же, с. 142, сноска.

щества при сохранении простоты и естественности»[75].

Но если поэтическая речь уже до Пушкина имела значительные достоинства, то художественная проза нуждалась в очень серьезной речевой обработке, на что неоднократно обращал внимание и сам поэт. По мнению Е. Ф. Карского, прозаическая речь всех наиболее известных нам повестей и рассказов Пушкина, в частности таких, как «Пугачевский бунт», «Путешествие в Арзрум», «Арап Петра Великого», «Капитанская дочка», «Повести Белкина», отличается естественностью и художественной простотой, отсутствием всякой вычурности и напыщенности. При разборе поэтических и прозаических произведений А. С. Пушкина Е. Ф. Карский устанавливает характерные языковые отличия между ними, находя в первых «художественную смелость выражения» и одновременно с этим «приятность, простоту и естественность». Исследователь убедительно аргументирует положение, что в стихах А. С. Пушкина «нигде нет ничего вычурного, неестественного, бьющего на внешность. Изображение в них реально-правдиво, полно жизни, движения, грации. Некоторые роды стихотворений, например лирика, по языку своему отличаются даже замечательной простотой, приближающей их к прозе»[76]. Указанная особенность стихотворной речи, по справедливому замечанию Е. Ф. Карского, обусловлена единством содержания и

---

[75] *Карский Е. Ф.* Труды по белорусскому и другим славянским языкам, с. 154.

[76] Там же, с. 161.

формы пушкинской поэзии: «Как и самое чувство поэта изливалось просто, естественно и свободно, таково было и внешнее его выражение. Его летучий стих мгновенно схватывал самые живые черты в предмете, умел оттенить всякое, даже мимолетное чувство»[77].

Помимо всех других качеств, Е. Ф. Карский находит у Пушкина «необычайную гармоничность и грациозность русского стиха»[78], создаваемую мастерским использованием разнообразных речевых средств.

Е. Ф. Карский указывает, что те разновидности («стихии») русского языка, которые определил еще М. В. Ломоносов, но не смог их практически уравновесить и правильно соотнести в своем творчестве, А. С. Пушкин «привел в гармоническое соотношение, дал блестящие образцы прозы и поэзии во всех их родах и видах, вследствие чего русский язык получил возможность выступить во всем своем величии»[79]. Иными словами, А. С. Пушкин в своем творчестве окончательно утвердил национальные нормы русского языка и стилистические принципы употребления лексико-фразеологических, фонетических и грамматических средств, нормы, которые были подготовлены всем предшествующим ходом исторического развития русской литературной речи.

Таким образом, еще задолго до появления у нас крупных монографических исследований

---

[77] *Карский Е. Ф.* Труды по белорусскому и другим славянским языкам, с. 161.

[78] Там же, с. 163.

[79] Там же.

о языке и стиле произведений А. С. Пушкина[80] в рассмотренной речи Е. Ф. Карского были правильно определены как главные заслуги великого поэта в развитии русского литературного языка, так и задачи лингвистического изучения его литературного наследства.

Через десять лет после речи об А. С. Пушкине, 20 марта 1909 г., Е. Ф. Карский на торжественном заседании совета Варшавского университета и Общества истории, филологии и права произнес не менее содержательную речь «Значение Н. В. Гоголя в истории русского литературного языка», которая была посвящена столетию со дня рождения одного из самых талантливых продолжателей пушкинских литературных традиций[81].

Путем сопоставления творчества этих выдающихся русских писателей Е. Ф. Карский пришел к заключению, что «не только в содержании своих произведений оба поэта являются великими реалистами; стремлением

---

[80] Имеются в виду прежде всего фундаментальные исследования В. В. Виноградова «Язык Пушкина. Пушкин в истории русского литературного языка» (М. — Л., 1935), «Стиль Пушкина» (М., 1941) и серия его статей «О стиле Пушкина» (Лит. наследство. М., 1934, т. 16—18, «Стиль «Пиковой дамы» (в кн.: Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. М. — Л., 1936), «Основоположник русского литературного языка» (М., 1937), «Пушкин и русский язык» (Вестник АН СССР, 1937, № 2-3), «Пушкин и русский литературный язык XIX в.» (в кн.: Пушкин — родоначальник новой русской литературы. Сб. научно-исследовательских работ. М. — Л., 1941), «Пушкин — основоположник русского литературного языка» (М., 1949), «К изучению языка и стиля пушкинской прозы...» (РЯШ, 1949, № 3).

[81] РФВ, 1909, т. 61, с. 205—222.

как можно полнее и ближе отразить живую действительность отличается и их язык. Оба они стремятся приблизить его к разговорной речи»[82]. Но при этом исследователь подчеркивает, что Н. В. Гоголь, еще в юности пытавшийся писать стихами, в дальнейшем полностью перешел на прозу и достиг в ней замечательных успехов: «И не только по внешней форме, но и по самому своему составу и строению речь Гоголя еще более отражает разговорную русскую речь, чем речь его великого учителя (т. е. А. С. Пушкина.— *М. Б.*)»[83].

Какие же черты отличают произведения Н. В. Гоголя в лингвистическом плане? Е. Ф. Карский пишет, что «Гоголь, получивший воспитание в старосветской помещичьей среде, бывшей в самом тесном общении с простым народом, еще более сознавал важность изучения народного языка и при всяком удобном случае старался это делать»[84]. Это подтверждается как тем, что в записных книжках Н. В. Гоголя были зарегистрированы многие характерные для русской народной речи слова, выражения, фразеологизмы, пословицы, поговорки, афоризмы и т. д., так и тем, что писатель широко и умело использовал их в своих произведениях для реалистического описания персонажей — выходцев из разных социальных слоев общества. «В произведениях Гоголя,— отмечал Е. Ф. Карский,— не найдете почти ни одной страницы, где бы не

---

[82] *Карский Е. Ф.* Труды по белорусскому и другим славянским языкам, с. 165.
[83] Там же.
[84] Там же, с. 166.

встретились выражения, которые — скажем его же словами — «вышибаются» из нутра художника совершенно в русском народном духе»[85].

По наблюдениям исследователя, Гоголь наряду с использованием готовых народных средств языка часто сам создавал по их образцам слова и выражения, чтобы ярче описать то или иное явление общественной жизни. Важным источником выразительных средств у Гоголя является и устное народное творчество, что легко прослеживается на употреблении тавтологических оборотов, сравнений (в частности таких, как *дымом дымится, окурил куревом),* постоянных эпитетов (*снежная белизна, темная пасть, густое слово, трепетные вершины осин*).

В литературной деятельности Н. В. Гоголя ученый подметил очень важный момент, который характеризует всю идейно-эстетическую концепцию писателя в связи с проблемой взаимоотношения книжной и народной речи: «Гоголь ясно сознавал, что литературным языком может быть только язык народа, отличающийся постоянною свежестью своих питательных соков; если по каким-либо историческим причинам литературный язык отдалился от народного, то главная цель образцовых писателей сблизить их»[86].

В своей речи Е. Ф. Карский ссылается на высказывания самого Гоголя о том, что русский язык могуч и выразителен благодаря

---

[85] *Карский Е. Ф.* Труды по белорусскому и другим славянским языкам, с. 167.
[86] Там же.

своей способности ежеминутно обогащаться за счет средств народного языка, включая сюда и диалекты, и просторечие, и профессиональные говоры. Причем из всех авторов XIX в. ученый выделяет Н. В. Гоголя как писателя, который необыкновенно тонко соединял в художественных целях элементы двух родственных языков — русского и украинского. «Знание малорусского языка, народных верований и поэзии дает Гоголю обильный материал для содержания его творчества; но не обходится это знакомство без влияния и на язык его произведений»[87]. Но дело не в том, что в его произведениях довольно много украинизмов, введенных с определенной целью, а в том, насколько Н. В. Гоголь своим творчеством способствовал взаимообогащению двух языков. Эту проблему Е. Ф. Карский подчеркивает особо, говоря, что «нас интересуют те элементы, которые, благодаря Гоголю, вошли из малорусской речи в русский литературный язык»[88]. К числу таких элементов ученый относит местоимение *оно* (украинское *воно*) в роли логического подлежащего, начинающего предложение, глаголы с приставкой *по* совершенного вида (*повлезали, пораспивалось, поподымались*), выражение *не можно*.

На ряде примеров из произведений Н. В. Гоголя показывается, как писатель искусно варьировал речь своих персонажей, прибегая к выразительным средствам то русского, то украинского языка. Е. Ф. Карский

---

[87] *Карский Е. Ф.* Труды по белорусскому и другим славянским языкам, с. 170.

[88] Там же, с. 171.

тонко подметил, что писатель использовал украинизмы при описании быта простых крестьян-украинцев, казаков, а также «в целях юмористического изображения предметов и состояний»[89]. По наблюдениям исследователя, «самый способ выражения» зависел у Н. В. Гоголя от того, что являлось предметом описания или рассуждения: «Когда нужно представить нежность и глубину чувства, задушевность или юмористически осветить предмет, тогда Гоголь дает как бы перевод с малорусского на [русскую] литературную речь, мысля и чувствуя на своем природном [украинском] языке, и наоборот — когда ему нужно дать пластическое описание природы, развить какую-нибудь философскую мысль, коснуться вообще важного предмета, тогда он выражается исключительно по-русски, притом так, что его речь не может быть даже передана по-малорусски»[90].

В подобной дифференциации речевых средств нельзя не видеть и того, что функциональные стили русского и украинского языков развивались в XIX в. далеко неодинаково. Хотя об этом Е. Ф. Карский прямо и не говорит, но из приведенной цитаты видно, что, например, «философскую мысль» Н. В. Гоголь выражал по-русски, так как, вероятно, не находил в украинском языке необходимых средств, особенно отвлеченной научной терминологии, сформировавшейся в последнем несколько позднее, притом не без влияния русского ли-

---

[89] *Карский Е. Ф.* Труды по белорусскому и другим славянским языкам, с. 172.

[90] Там же.

тературного языка. Следовательно, замечание Е. Ф. Карского по этому поводу имеет важное значение для историков как русского, так и украинского литературных языков.

При анализе особенностей языка художественных произведений Н. В. Гоголя исследователь затронул также вопрос о старославянизмах и заимствованиях из западноевропейских языков. В отношении первых Е. Ф. Карский замечает, что их почти нет у Гоголя «даже там, где они были бы у места». Причину «решительного уклонения от церковно-славянского языка», наблюдаемого в творчестве Н. В. Гоголя, Е. Ф. Карский видит в том, что, во-первых, писатель предпочитал местные особенности речи, а во-вторых, в том, что он мало был знаком с церковнославянским языком в молодости[91]. Правда, Е. Ф. Карский не отрицает наличия старославянизмов в произведениях Н. В. Гоголя, созданных в зрелый период его творчества. Иными словами, здесь Е. Ф. Карский ставит вопрос об известной эволюции взглядов Н. В. Гоголя на роль старославянских элементов лексики в русской художественной речи.

Очень правильно оценена позиция Н. В. Гоголя также в отношении к иностран-

---

[91] Данный аргумент Е. Ф. Карского вряд ли стоит принимать безоговорочно, поскольку Н. В. Гоголь получил образование в Нежинской гимназии высших наук, где старославянский (церковнославянский) язык был одним из учебных предметов. Позже эта гимназия, как известно, была преобразована в историко-филологический институт, где учился и сам. Е. Ф. Карский, получивший прекрасное знание старославянского языка.

ным словам: «Желая побольше сблизить свою речь с народной, Гоголь избегает и иностранных слов, находя, что они с успехом могут быть заменены русскими»[92]. Вместе с этим Е. Ф. Карский показывает, как искусно Н. В. Гоголь привлекал элементы иностранной речи в сатирических и юмористических целях, т. е. для высмеивания представителей дворянства и чиновничества, засорявших русский язык галлицизмами, характерными для салонного жаргона.

Е. Ф. Карский дает сжатую характеристику синтаксического строя гоголевских произведений с учетом их жанра и содержания. «Гоголь решил бесповоротно еще один вопрос литературного языка: какою речью предпочтительнее следует писать — периодической или отрывистой. Пушкин предпочитал речь отрывистую; у Гоголя та и другая речь представлена в прекрасных образцах, причем употребление быстрой отрывистой речи и главных изящных периодов зависит от изображаемых предметов. В характеристиках, которые отличаются точностью и подробностями, свойственными гомеровским поэмам, преобладают периоды; в описаниях и лирических отступлениях речь краткая, хотя возможны здесь и периоды. Речь драматических произведений вполне разговорная, неподражаемая по своей простоте, живописи и полному соответствию характерам и положению тех лиц, которые выводятся на сцену»[93].

---

[92] *Карский Е. Ф.* Труды по белорусскому и другим славянским языкам, с. 174.

[93] Там же, с. 173.

Как видно из этого высказывания, Е. Ф. Карский наметил главные линии, по которым должно проводиться исследование грамматических и стилистических особенностей синтаксиса произведений Н. В. Гоголя. К сожалению, у нас и до настоящего времени нет работ, в которых бы данный аспект творчества писателя был достаточно полно изучен. А сравнительное исследование синтаксиса литературных произведений Н. В. Гоголя и А. С. Пушкина вообще не стало предметом изучения в нашей лингвистике и литературоведении. Между тем такой подход мог бы приблизить решение многих сложных проблем как языка, так и стиля художественной речи писателей, принадлежавших к одному и тому же творческому направлению или занимавших совершенно разные эстетические позиции.

Таким образом, в данной речи Е. Ф. Карский продемонстрировал прекрасное умение концентрировать внимание на самых существенных чертах языка, свойственных литературным произведениям Н. В. Гоголя.

Цикл торжественных речей, посвященных выдающимся русским писателям и деятелям науки, завершается у Е. Ф. Карского речью «Значение М. В. Ломоносова в развитии русского литературного языка»[94], которую он произнес в Варшавском университете 13 ноября 1911 г. в связи с празднованием двухсотлетия со дня рождения гениального русского писателя и ученого.

Для того, чтобы ярче оттенить заслуги М. В. Ломоносова, Е. Ф. Карский сначала

---

[94] РФВ, 1912, т. 67, с. 65—80.

характеризует состояние русского литературного языка в предшествующие периоды — от эпохи Киевской Руси до середины XVIII в., причем справедливо указывает на общую неупорядоченность средств литературной речи и нечеткость взглядов на пути дальнейшего развития функциональных стилей. Ученый подчеркивает, что «при такой неустойчивости и неясности взглядов на состав литературной русской речи даже со стороны лучших ее знатоков письменный язык не мог развиваться нормально. Ясно сознавалась необходимость решительной реформы, которая поставила бы русскую речь в русло естественной эволюции. Эта реформа и сделана была Ломоносовым. Он определил словарный состав русского литературного языка, установил его грамматические формы и своими многочисленными произведениями во всех, можно сказать, родах прозы и поэзии доказал жизненность произведенной реформы. Дальнейшим писателям осталось лишь охранять ее от уклонений в стороны с намеченного пути, довершать и совершенствовать» [95].

Эта общая характеристика вклада М. В. Ломоносова в науку о русском литературном языке дополняется весьма основательным разбором филологических трудов и литературно-художественных произведений писателя, точно определяющим его теоретические взгляды и их практическое претворение во всей деятельности ученого.

Одним из центральных вопросов, которые

---

[95] *Карский Е. Ф.* Труды по белорусскому и другим славянским языкам, с. 180—181.

стояли в то время перед писателями и филологами, был вопрос о месте старославянских элементов речи в системе формировавшегося литературного языка на широкой национальной основе. Е. Ф. Карский убедительно показывает, что М. В. Ломоносов сделал смелый шаг вперед, освобождая русский литературный язык от старославянских архаических форм, слов и выражений. Вместе с этим раскрываются и противоречия, свойственные ломоносовской теории трех стилей, а также его грамматическому учению о строе русской речи.

Как отмечает Е. Ф. Карский, М. В. Ломоносов после ряда неудачных попыток некоторых русских ученых и писателей впервые упорядочил употребление словарного состава, привел в систему грамматические формы, произношение, правописание, опираясь на живой русский язык и в то же время учитывая книжно-литературную традицию предшествующих эпох. Исключительно большой заслугой М. В. Ломоносова было то, что «он дал нам первую грамматику русского языка и установил существующую до сих пор грамматическую терминологию»[96]. По верному заключению Е. Ф. Карского, значение «Российской грамматики» М. В. Ломоносова заключается именно в том, что это была нормативная грамматика собственно русского, а не старославянского языка. Очень краткие справочные и учебные пособия по русскому языку, составленные В. Е. Адодуровым и Н. С. Горлицким

[96] *Карский Е. Ф.* Труды по белорусскому и другим славянским языкам, с. 183.

в 30-е годы XVIII в., еще слабо отражали специфику звукового и грамматического строя русского языка, поэтому они и не могли сыграть большой роли в становлении литературных норм XVIII в. Поэтому огромная работа, проведенная М. В. Ломоносовым, действительно явилась началом подлинно научного исследования русского языка.

Юбилейные речи Е. Ф. Карского о деятельности А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя и М. В. Ломоносова являются образцом популярного изложения чрезвычайно сложных и во многом до настоящего времени малоосвещенных проблем истории русского литературного языка и русской филологии. Вместе с этим они представляют собой глубоко научные исследования важнейших моментов, характеризующих состояние русского литературного языка в XVIII—XIX вв., степень его филологической разработки и роль выдающихся русских писателей и ученых в общем процессе становления национальных норм. Взаимосвязанные по содержанию, эти речи освещают малоизученные вопросы формирования лингвистической мысли в России и стилей русской художественной литературы. Поэтому их можно считать своеобразными разделами еще не созданного в конце XIX — начале XX в. курса истории русского литературного языка. Надо помнить и то обстоятельство, что Е. Ф. Карский готовил эти речи, не имея перед собой сколько-нибудь серьезных научных исследований в этой области. За редкими исключениями, все принципиальные вопросы истории русского литературного языка ему приходилось решать самостоятельно, только

на основе непосредственного знакомства с литературно-художественными текстами этих писателей и их лингвистическими наблюдениями. Правда, мы знаем, что параллельно с Е. Ф. Карским в те же годы различные вопросы истории русского языка вообще и вопросы, специально относящиеся к истории русского литературного языка, разрабатывал А. А. Шахматов, но итоги исследований последнего тоже появились в печати одновременно с работами Е. Ф. Карского. Так что ни тот, ни другой ученый не могли воспользоваться предварительно какими-либо научными результатами.

Оригинальные работы Е. Ф. Карского о языке и стиле А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, о филологической деятельности М. В. Ломоносова свидетельствуют, что он был блестящим знатоком и исследователем вопросов истории русского литературного языка XVIII—XIX вв.

При рассмотрении работ Е. Ф. Карского, посвященных новому этапу развития русского литературного языка, отдельно следует назвать статьи «Русский литературный язык» и «К вопросу о реформе русской орфографии».

В научной деятельности Е. Ф. Карского всегда большое место занимали вопросы диалектного членения русского языка и взаимоотношения русских говоров с соседними белорусскими и украинскими говорами. Наиболее крупным трудом Е. Ф. Карского в этой области является книга «Русская диалектология. Очерк литературного русского произношения и народной речи великорусской (южновеликорусских и северновеликорусских говоров), белорусской и малорусской (украин-

ского языка)» (Л., 1924, 172 с.). В этой книге рассматриваются главным образом вопросы фонетики, причем автор на основе собственных материалов, собранных во время этнографических поездок в некоторые западные зоны распространения русского языка (Великолукская, Тверская, Смоленская, Брянская губернии), а также материалов, опубликованных другими диалектологами, стремится показать главные диалектные отличия в произношении гласных и согласных звуков сравнительно с орфоэпическими нормами литературного языка. Эту проблему Е. Ф. Карский разрабатывал параллельно с В. А. Богородицким, который занимался экспериментальной фонетикой и сопоставлял русское литературное произношение с фонетическими особенностями русских говоров, находящихся в окружении татарских говоров.

Много различных вопросов русской диалектологии затронуто в статьях Е. Ф. Карского «К вопросу о народном говоре Брянского уезда Орловской губернии» (1905), «К вопросу о разграничении русских наречий» (1905), а также в рецензии на известную работу А. И. Соболевского «Опыт русской диалектологии. Вып. 1. Наречия великорусское и белорусское» (1897) и в некрологе А. И. Соболевского. В указанных статьях Е. Ф. Карского интересовали прежде всего те диалектные зоны, в которых наблюдается взаимопроникновение великорусских и белорусских черт. По поводу статуса этих зон всегда шли споры между учеными, и Е. Ф. Карский стремился на основе достоверных фактов представить объективную картину распростране-

ния определенных языковых явлений. Среди русских ученых, занимавшихся исторической и описательной диалектологией, были А. И. Соболевский, А. А. Шахматов, Е. Ф. Будде, Н. Н. Дурново и др. Оценку их заслуг в области русской диалектологии мы найдем в трудах Е. Ф. Карского, написанных главным образом в последний период его научной деятельности. Можно, в частности, отметить разбор диалектологических работ Н. Н. Дурново[97] в связи с выдвижением его кандидатуры для избрания в члены-корреспонденты Академии наук СССР.

Об исследованиях А. И. Соболевского по русской диалектологии Е. Ф. Карский пишет, что они «в сильной степени заинтересовали исследователей русского языка явлениями живой речи и побудили их заняться более внимательным наблюдением над народным языком и собиранием, а также объяснением его особенностей»[98]. В заслугу А. И. Соболевскому он ставит также разработку проблем диалектологии в историческом аспекте, позволяющем установить связь между современными говорами и древним состоянием языка.

В 1926 г. Карский опубликовал «Очерк научной разработки русского языка в пределах СССР»[99].

---

[97] Изв. РАН, Л., 1924, т. 18. Сер. 6, № 12—18, ч. 2, с. 515—516 (совместно с В. Н. Перетцем, В. М. Истриным, Б. М. Ляпуновым).

[98] Изв. АН СССР. Сер. 7. Отд. гуманитарных наук, Л., 1930, № 1, с. 47.

[99] Сб. ОРЯС АН СССР, Л., 1926, т. 101, № 1-2, с. 1—103.

Содержание этой книги значительно шире ее названия, так как автор излагает историю русистики от ее древнего периода до конца первой четверти XX в., что выгодно отличает «Очерк» Е. Ф. Карского от «Очерка истории языкознания в России» С. К. Булича, доведенный только до 1825 г. Ведь следующее столетие (1826—1926) как раз было периодом, когда сформировалась наука о русском языке и четко определились ее основные линии развития. На этих вопросах Е. Ф. Карский и сосредоточил свое внимание.

Первые три главы книги посвящены обзору древнейшего периода в истории русистики, т. е. до XVII в. включительно, затем периода, охватывающего весь XVIII и начало XIX в. Последующие главы содержат анализ важнейших научных достижений, связанных с деятельностью Российской академии наук, русских университетов и научных обществ. Здесь последовательно охарактеризованы труды выдающихся ученых-русистов А. Х. Востокова, Г. П. Павского, М. А. Максимовича, П. С. Билярского, Ф. И. Буслаева, И. И. Срезневского, В. И. Даля, А. А. Потебни, А. И. Соболевского, И. В. Ягича, И. А. Бодуэна де Куртенэ, Я. К. Грота, Л. В. Щербы и многих других исследователей проблем русского языка. Глубокое освещение получил и новейший период в истории русистики (после 1917 г.), когда научная деятельность некоторых наших лингвистов уже закончилась или заканчивалась (А. А. Шахматова, Р. Ф. Брандта, Е. Ф. Будде и др.), а на лингвистическом поприще становились все более известными имена других талантливых исследователей русского

языка (С. П. Обнорского, В. В. Виноградова, А. М. Пешковского, Е. С. Истриной, Д. Н. Ушакова и др.).

Наряду с анализом работ по русскому языку в последних главах книги Е. Ф. Карский дает ценные сведения также по истории изучения украинского и белорусского языков (труды Б. Д. Гринченко, Е. К. Тимченко, А. Е. Крымского, Е. Б. Курило, П. А. Бузука, П. А. Расторгуева, И. В. Волка-Леоновича, С. М. Некрашевича и др.).

В конце «Очерка» помещено заключение, в котором ученый сформулировал основные задачи изучения грамматического строя, фонетики и словарного состава русского языка. Среди этих задач были указаны и такие, которые направлялись на продолжение исторического и сравнительно-исторического исследования русского и других близкородственных языков. Предусматривалось изучение словарного состава русского языка в этимологическом плане, составление новых словарей, грамматик, орфографических сводов и т. д. Е. Ф. Карский глубоко понимал необходимость приближения научных знаний о русском языке к задачам реорганизации школы и высшего образования в Советской стране.

Следует добавить, что деятельность ученых-русистов освещалась не только в рассмотренном выше «Очерке». Е. Ф. Карский неоднократно выступал в печати с характеристикой выходивших трудов по русскому языку (см. его многочисленные критико-библиографические обзоры), участвовал в обсуждении деятельности лингвистов на академических собраниях и заседаниях. В этом отношении

показательна составленная им совместно с Н. А. Котляревским, В. М. Истриным, Б. М. Ляпуновым, П. А. Лавровым «Записка об ученых трудах Л. В. Щербы»[100], в которой дана обстоятельная оценка всех языковедческих работ ученого, в том числе и его блестящих исследований по русскому языку. Здесь подчеркивается, в частности, что «его исследование о русских гласных в качественном и количественном отношениях дало самостоятельные, часто новые решения основных вопросов русского вокализма, например, об оттенках фонем русской литературной речи, о качественной и количественной редукции русских гласных, о количестве их в разном положении и т. п.»[101].

Таким образом, «Очерк научной разработки русского языка в пределах СССР» и другие работы Е. Ф. Карского о лингвистической деятельности ученых и научных коллективов явились очень важным этапом в истории науки о русском языке. Следует вспомнить, что после Е. Ф. Карского к этой актуальной проблеме вновь обратились исследователи много лет спустя[102] и только в наши дни она стала предметом пристального внимания[103],

---

[100] Изв. РАН, Л., 1924, т. 18. Сер. 6, № 12—18, ч. 2, с. 513.

[101] Там же.

[102] Среди них были, в частности, академики В. В. Виноградов и С. П. Обнорский, посвятившие истории русистики ряд ценных статей, обзоров и более крупных работ.

[103] См. недавно вышедшие из печати работы: Русское языкознание в Петербургском — Ленинградском университете. Л., 1971; Русские языковеды. Тамбов, 1975;

так как без основательного знания предшествующего научного опыта нельзя далее продуктивно изучать все стороны и явления русского языка — одного из богатейших языков мира.

Подводя итог сказанному о Е. Ф. Карском как русисте, необходимо подчеркнуть, что его многолетняя деятельность, направленная на изучение языка древнерусской письменности, русского литературного и народного языка нового времени, находилась в русле прогрессивных лингвистических идей и поэтому принесла такие обильные плоды отечественной науке. Эти идеи он развивал не только сам, но и способствовал их осуществлению, являясь ректором Варшавского университета, редактором «Русского филологического вестника», «Известий ОРЯС Академии наук», занимая другие важные должности в Академии наук СССР, бескорыстно помогая молодым исследователям и преподавателям-русистам.

Виноградов В. В. История русских лингвистических учений. М., 1978; *Булахов М. Г.* Восточнославянские языковеды. Биобиблиографический словарь. Минск, 1976—1978, т. 1—3; *Смирнов С. В.* Федор Иванович Буслаев. М., 1978; *Березин Ф. М.* История русского языкознания. М., 1979; *Кондрашов Н. А.* История лингвистических учений. М., 1979; *Он же.* Лингвистическое и методическое наследие И. И. Срезневского. М., 1979; Русский язык. Энциклопедия. М., 1979.

ВОПРОСЫ УКРАИНСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ В ТРУДАХ Е. Ф. КАРСКОГО

В общей лингвистической концепции Е. Ф. Карского вопросы украинистики занимают важное место наряду с вопросами, касающимися южно- и западнославянских, русского и белорусского языков. Его интересовали еще малоизученные письменные памятники, освещающие историю украинского языка, отдельные явления фонетики, грамматики и лексики украинских говоров, соседних с белорусскими и русскими говорами. Помимо этого, Е. Ф. Карский изучал украинский язык с целью выяснения исторического взаимодействия восточнославянских языков, а также взаимоотношения современных украинских, белорусских и русских диалектов, особенно в связи с проблемой географического распространения последних.

Истории украинского письменного языка посвящено исследование Е. Ф. Карского «Малорусский Луцидарий по рукописи XVII в. Текст, состав памятника и язык» [1]. Автор останавливается на вопросах происхождения данного памятника, характеризует важнейшие палеографические и языковые особенности и вос-

---

[1] Варшавские унив. изв., 1905, № 9, с. 1—57; то же отд. отт. Варшава, 1906, 57 с.

производит его текст по рукописи перевода, принадлежавшей профессору Варшавского университета А. И. Смирнову.

На основе тщательного изучения языка данной рукописи Е. Ф. Карский убедительно доказывает, что она «решительно одинока» среди других многочисленных списков переводов Луцидария с немецкого на славянские языки. Исследователь устанавливает, что «наша редакция примыкает не к немецкому оригиналу, а к чешскому»[2]. Более того, Е. Ф. Карский высказывает догадку, что эта рукопись не является непосредственным переводом с чешского языка, поскольку в ней сильно искажаются латинские названия и собственные имена. «Очевидно,— пишет Е. Ф. Карский,— перед нами одна из копий малорусского перевода с чешского, притом сделанная лицом, незнакомым с латинским языком. Отличия в собственных именах могут быть объясняемы и тем, что малорусский перевод мог быть сделан с такого чешского оригинала, который, хотя и был очень близок к тексту рукописи XV в., однако не совсем совпадал с ним»[3].

Установленный Е. Ф. Карским факт связи украинского списка Луцидария с чешским переводом этого сочинения приоткрывает новую страницу в истории литературных и языковых контактов между восточными и западными славянами XVI—XVII вв. К сожалению, в существующей филологической литературе этот факт не получил дальнейшего славистического

---

[2] *Карский Е. Ф.* Труды по белорусскому и другим славянским языкам, с. 520, 521.

[3] Там же, с. 522.

осмысления, хотя он четко указывает на продолжение скорининских традиций перевода и литературной обработки старочешских текстов представителями украинской и белорусской письменной культуры того времени [4].

Для языковедов памятник, исследованный Е. Ф. Карским, дает много ценного материала по истории межславянских языковых связей в XVI—XVII вв. Это чехизмы (богемизмы) и полонизмы: *барва, бляха, брама, жродло, зацный, кроть, муръ, мѣсце, поневажъ, посполите* 'обыкновенно', *посполу* 'вместе', *през, распадлина, рихло, руда* 'кровь', *рудый* 'кровавый', *скомлити* 'лаять', *спозрѣня* 'вследствие', *барзо* 'быстро', *каляцiя, южъ* и др.[5] Автор приводит также фонетические и грамматические западнославянизмы, интерпретируя их дифференцированно; если чехизмы могли быть перенесены в список перевода из чешского издания Луцидария 1498 г., то полонизмы [6] представляют собой результат довольно активного воздействия на «юго-западнорусский литературный язык» не только польской письменности, но и разговорной польской речи.

Анализ украинских языковых черт проведен в этом исследовании весьма тщательно. Из

---

[4] Автор считал, что украинский список Луцидария сделан был с белорусского перевода украинцем с северного Полесья. См. там же, с. 547—548.

[5] См. приведенные Е. Ф. Карским списки слов польского и чешского происхождения, с. 522, 556—557.

[6] Относительно полонизмов (лексических, фонетических и грамматических) Е. Ф. Карский заметил, что их «следует объяснять общими свойствами тогдашнего юго-западнорусского литературного языка» (с. 522), что «ими изобиловал юго-западнорусский литературный язык того времени» (с. 547).

фонетических явлений Е. Ф. Карский рассматривает употребление на месте орфографического *ѣ* звука *и*, совпадение в одном звуке старых *ы* и *и*, переход *о* закрытого в *у*, изменение *є* в закрытом слоге в гласный *ѣ* (*нѣжъ* 'нежели', *камѣнь, зовѣтъ*), замену гласного *ы* гласным *у* в глаголе *быти* и его производных и др. Среди грамматических явлений автор указывает частое употребление форм на *-у* в существительных мужского рода в родительном и предложном падежах единственного числа (*ωт початку, полна ωгню, на мору, о сотвореню*); форм на *-ови, -еви* в дательном падеже единственного числа (*адамови*); форм на *-ове, -еве* в именительном падеже множественного числа (*кролеве, гадове* и *смокове, вѣтрове*); форм сравнительной степени прилагательных и наречий на *-ше* (*вишше, ширше*); формы местоимения *що* вместо *что*; формы глаголов на *-мо* (*видимо, можемо, маемо, важимо*); остаточные формы перфекта и плюсквамперфекта (*есми повѣдалъ, оувошолъ билъ*) и др. В числе синтаксических явлений отмечается употребление безличных оборотов с причастием прошедшего времени (*едного звано воозъ, ерихона добито черезъ труби*); оборотов с родительным падежом во временном значении (*ωсмого року*) и других конструкций без предлогов или с предлогами, отражающих как белорусско-украинские, так и западнославянские синтаксические особенности.

По поводу украинских черт в языке данного памятника Е. Ф. Карский дважды подчеркивает, что «малорусские особенности проведены строго последовательно, насколько можно было выразить их при посредстве графики

XVII в.»[7]. Вместе с этим, по наблюдениям Е. Ф. Карского, «памятник имеет и некоторые особенности, свойственные белорусскому наречию (аканье — изредка) или последнему вместе с северномалорусскими говорами (твердость *р*). Следы белорусских особенностей заставляют предположить, что напечатанный текст не непосредственный перевод с чешского, а копия с белорусского перевода, сделанная малорусом, притом северным, быть может из Полесья»[8]. Этот вывод Е. Ф. Карского, имеющий очень важное значение для понимания белорусско-украинских литературных связей в XVI—XVII вв., должен привлечь внимание современных исследователей, прежде всего лингвистов, занимающихся вопросами истории восточнославянских литературных языков. Желательно было бы провести дополнительные поиски материалов, удостоверяющих личность переводчика (или переписчика) текста Луцидария, так как без этого невозможно точно определить языковую среду, в которой мог появиться данный памятник впервые, т. е. белорусскую или, наоборот, украинскую. От решения данного вопроса зависят и другие важные моменты, которые нуждаются в дальнейшем изучении с точки зрения белорусско-украинских языковых связей.

Таким образом, вопросы, освещаемые Е. Ф. Карским в названной работе, не утратили своего научного значения и в настоящее время. К сожалению, никто (насколько это нам

---

[7] *Карский Е. Ф.* Труды по белорусскому и другим славянским языкам, с. 519.
[8] Там же, с. 547—548.

известно) из последующих лингвистов не воспользовался ценными наблюдениями Е. Ф. Карского над текстом исследованного им памятника при освещении исторических процессов взаимодействия украинского и белорусского языков [9].

Вопрос о лексических взаимосвязях украинского языка с белорусским с XVI—XVII вв. ставился Е. Ф. Карским также в 4-й главе 1-го тома «Белорусов», где рассмотрены сначала общие черты, выработанные двумя языками в ходе их формирования после древнекиевской эпохи, а затем — причины заимствования украинских слов в белорусский язык: «...западнорусские племена жили вместе с южноруссами не только в эпоху, следовавшую непосредственно по распадении общерусского языка, но и после, можно сказать, все время. Литовское владычество очень рано с Белоруссии распространилось и на малорусский юг, вследствие чего не было никаких препятствий к взаимному общению этих двух народностей. Мы уже

---

[9] Данное замечание касается прежде всего авторов учебных пособий по курсам истории белорусского языка и истории украинского языка, в которых мы не находим указаний на факты, содержащиеся в исследовании Е. Ф. Карского. В специальных работах, посвященных украинско-белорусским языковым связям, этот памятник также почему-то не упоминается и не рассматривается как источник истории языка. См., например, § «Українсько-білоруські мовні зв'язки» в исследовании Л. А. Булаховского «Питання походження української мови» (Избр. тр. в 5-ти т. Украинский язык. Киев, 1977, т. 2, с. 154—166); или § «Украінскія спісы (выданні) з беларускіх помнікаў» в книге В. В. Аниченко «Беларуска-ўкраінскія пісьмова-моўныя сувязі» (Мінск, 1969, с. 133—152).

видели, что вследствие натиска с юга кочевых племен, особенно татар, малоруссы рано начали двигаться к Припяти и даже за Припять. Это движение продолжалось и после прекращения литовского господства. Следы этого движения можно проследить даже в XVI в. В тех местах, где теперь уже слышится малорусская речь, в XVI в. акты пишутся еще на чистом белорусском наречии. Сказанное относится, напр., к деловому языку Подляшья и южной части Гродненской губ. Постоянным общением с малоруссами следует объяснять и некоторые словарные заимствования белорусов у малоруссов, напр., *гультáй, джгаць, іодкúй, киндзю́к, клу́нки, кры́га, манту́лы, пантолы́к, човхúрка, шугáй* и др. слова. Некоторые из перечисленных слов могли, впрочем, развиться или быть заимствованы из одного и того же источника и самостоятельно в обоих наречиях»[10]. Как видно из этой цитаты, Е. Ф. Карский, указав главную причину проникновения украинизмов в белорусский язык, точнее, в южнобелорусские говоры и назвав некоторые заимствования (не все из них, по его же наблюдениям, могут быть интерпретированы как чистые украинизмы), оставил этот вопрос открытым для дальнейшего исследования на материале живой речи, старой и новой письменности.

Высказывания Е. Ф. Карского о чертах, общих для украинского и белорусского языков, а также об историческом взаимодействии этих двух языков, по словам Л. А. Булаховского, не лишены своего научного значения и в на-

---

[10] *Карский Е. Ф.* Белорусы. Введение к изучению языка и народной словесности. Вильна, 1904, с. 120—121.

стоящее время [11]. На основе данных, приводимых Е. Ф. Карским и полученных после его исследований, Л. А. Булаховский заключает, что «белорусско-украинскую» языковую общность древнего периода необходимо представлять не как прямое продолжение этнических отношений седой древности, а как сложный процесс исторического взаимодействия трех восточнославянских народностей — великорусской, украинской и белорусской в период от XIII—XIV до XVII—XVIII вв.[12] К этому следует добавить, что связи между украинским и белорусским языками еще более усилились в период формирования русской, украинской и белорусской наций. Одним из проявлений этих связей в конце XVIII — начале XIX в. была белорусская обработка известной украинской поэмы И. П. Котляревского «Энеида», на что обращает внимание Е. Ф. Карский при рассмотрении новой белорусской литературы на народном языке [13]. Правда, он специально не рассматривает вопрос об украинизмах в белорусской поэме [14].

К исторической проблематике украинского (и вместе с этим белорусского) языка Е. Ф. Карский обращается также в отзыве на первый выпуск «Історичного словника укра-

---

[11] *Булаховский Л. А.* Избр. тр. в 5-ти т. Украинский язык. Киев, 1977, т. 2, с. 165.

[12] Там же.

[13] *Карский Е. Ф.* Белорусы. Введение к изучению языка и народной словесности, с. 432—433.

[14] Данный вопрос позже затрагивался в работе: *Булахаў М. Г.* Развіццё беларускай літаратурнай мовы ў XIX—XX стст. ва ўзаемаадносінах з іншымі славянскімі мовамі. Мінск, 1958, с. 39—41.

їнського язика», составленный Е. К. Тимченко (Харьков — Киев, 1930) [15]. Здесь ученый останавливается, во-первых, на вопросе о принципах отбора лексического материала для исторического словаря собственно украинского языка; во-вторых, на периодизации восточнославянской письменности и отражении в памятниках черт украинской речи; в-третьих, на разграничении украинских и белорусских памятников XV—XVII вв.

Точка зрения Е. Ф. Карского на эти вопросы сохраняет научное значение и в наше время, поэтому целесообразно привести его рассуждения без существенных сокращений. Он пишет: «По плану, выработанному Комиссией Исторического словаря украинского языка, предположено исчерпать то словарное богатство, которое имеется в памятниках письменности начиная с древнейших времен до XIX в. Но в истории украинского языка было два особых момента: один — когда в Киеве и в Галицко-Волынской области писали на церковнославянском языке русской редакции, в который проникали в разных областях в той или другой степени и местные особые слова, а также фонетические и морфологические особенности. Лексический фонд этого времени (обозначим его примерно до XV в.) на общеславянской основе был древнерусский, перешедший из прарусской эпохи, с примесью и церковнославянских слов; специальных украинизмов в словаре, неизвестных в других русских областях, здесь было очень мало. Естественно, что слова

[15] Изв. по РЯС АН СССР, Л., 1930, т. 3, кн. 2, с. 636—637.

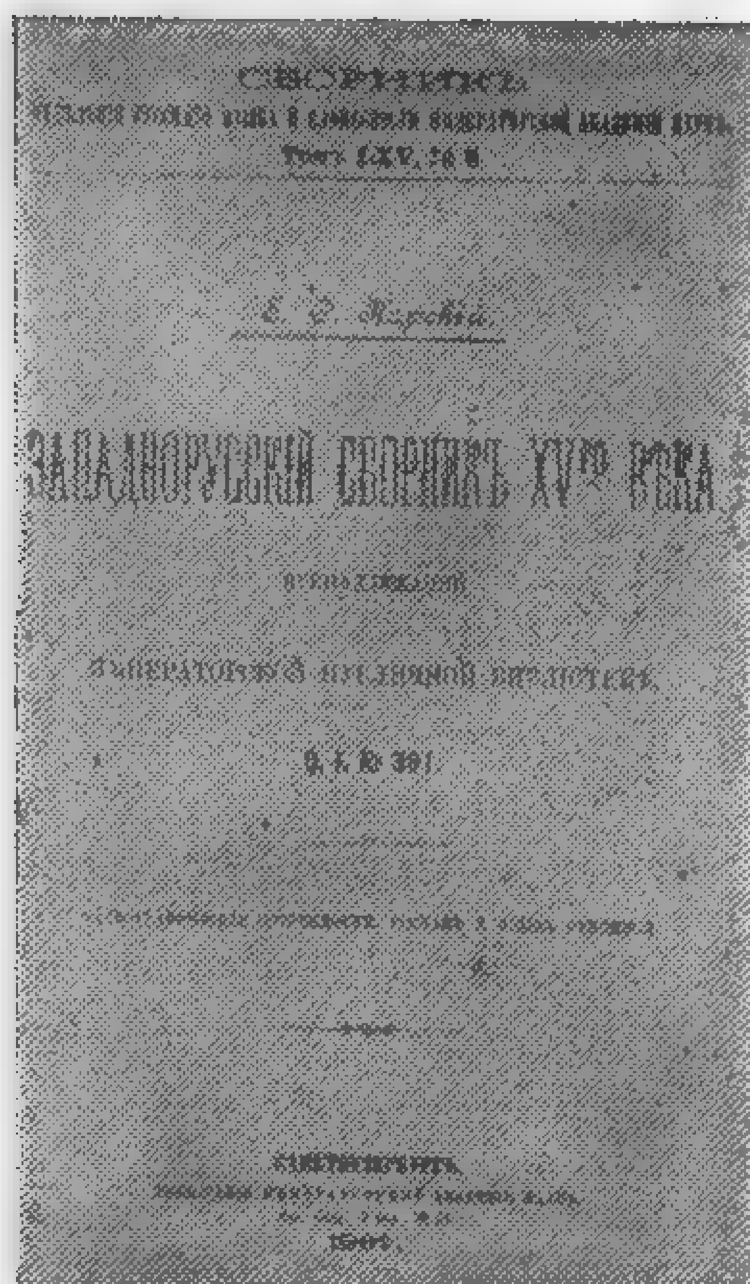
из памятников этого времени должны войти в общерусский словарь древнейшей эпохи, чему посвящены «Материалы» И. И. Срезневского, далеко, впрочем, не исчерпывающие лексического состава памятников эпохи XI—XV вв. Другой такой важный момент в истории украинского языка — это XV—XVII вв. Эпоха совместной жизни с белорусами под властью Литвы и Польши. В это время в правительственных канцеляриях Западной Руси выработался особый язык на местной народной основе, заключавший в себе немало иностранных слов, перешедших больше через Польшу. Этим языком писали свои произведения писатели и украинские и белорусские, причем чем дальше, тем больше проникали в этот язык и местные (больше фонетические) черты»[16].

В связи с последним моментом Е. Ф. Карский ставит вопрос о правомерности разграничения источников (письменных памятников) только по территориальному признаку. «Комиссия (Исторического словаря украинского языка) в этом случае руководствовалась территорией, на которой писались и печатались памятники; но тут могут встретиться разные недоразумения: часто природному белорусу приходилось жить и действовать на Украине и украинцу в Белоруссии; произведения одного и того же автора писались частью в Белоруссии, частью на Украине»[17]. Чтобы преодолеть подобные затруднения, Е. Ф. Карский предлагал украинским и белорусским ученым издать

---

[16] *Карский Е. Ф.* Труды по белорусскому и другим славянским языкам, с. 563.

[17] Там же.

ЗАПАДНОРУССКІЙ СБОРНИКЪ XV-го ВѢКА

Книга Е. Ф. Карского «Западнорусский сборник XV века» (Петербург, 1897)

один общий словарь, охватывающий лексику письменных памятников XV—XVII вв., или же выработать более строгие принципы разграничения украинских и белорусских памятников указанного периода и подготовить отдельные «Украинский исторический словарь» и «Белорусский исторический словарь».

Современные лексикографы пошли по второму пути, стремясь максимально отразить словарный состав как украинского, так и белорусского языков XIV—XVII вв., зарегистрированный многочисленными памятниками делового характера, светскими и религиозными произведениями. Так, в «Словнику староукраїнської мови XIV—XV ст.» (т. 1—2. Київ, 1977—1978) содержится 11 528 слов, извлеченных из 939 памятников раннего периода истории украинского языка, т. е. до конца XV в.,

когда обнаружились явные украинские черты в фонетике, грамматике и лексике. В отличие от составителей исторического словаря под редакцией Е. К. Тимченко, авторы нового словаря при выборе источников опирались прежде всего на языковые приметы памятника, но учитывали также территориальный и исторический факторы [18]. Этот подход, бесспорно, отвечает тем пожеланиям, которые были высказаны в названном отзыве Е. Ф. Карского.

Готовящийся к печати «Исторический словарь белорусского языка» также опирается на указанные лексикографические принципы, которые выработаны совместно украинскими и белорусскими языковедами в послевоенный период. Если эти принципы будут выдержаны более или менее последовательно, то словарных повторений в двух параллельных словарях (украинского и белорусского языков) окажется значительно меньше, чем при нескоординированном списке письменных источников, на что указывал в своем отзыве Е. Ф. Карский. С этим вопросом, конечно, нельзя смешивать вопрос о лексических совпадениях, вызванных исторической близостью украинского и белорусского языков. Общие для этих языков лексемы, несомненно, войдут на равных правах как в украинский, так и в белорусский исторические словари.

---

[18] Ср. с мнением Е. Ф. Карского следующие установки составителей словаря: «В основу відбору пам'яток для Словника староукраїнської мови XIV—XV ст. покладено мовний принцип. Таким чином разв'язано в Словнику складне питання розмежування староукраїнських і старобілоруських пам'яток писемності періоду XIV—XV ст.» — Словник староукраїнської мови XIV—XV ст. Київ, 1977, т. 1, с. 10—11.

Теоретические взгляды Е. Ф. Карского на проблемы истории украинского языка и истории украинского языкознания нашли отражение в его отзывах и рецензиях и на другие издания, в частности на работы: В. Гнатюк «Останки аориста в нашій мові»[19], М. Возняк «Галицькі граматикі української мови першої половини XIX ст.»[20], М. Возняк «Причинки до студій над писаннями Лаврентія Зизанія»[21], В. Щурат «Пісня про поход Ігоря Сьвятославича. Поема XII в.»[22], И. Свентицкий «Каталог книг церковнославянской печати»[23], S. Smal-Stockyj und T. Gartner «Grammatik der ruthenischen (ukrainischen) Sprache»[24].

Не имея возможности рассмотреть все указанные отзывы, остановимся лишь на последнем, поскольку в нем затрагиваются не только чисто лингвистические, но и методологические вопросы. При тщательном ознакомлении с книгой Смаль-Стоцкого и Гартнера рецензент выявил ряд частных ошибок и небрежностей в использовании древнеславянских фактов. Так, отмечается, что авторы делают ссылки не на письменные памятники, а на учебные пособия разного достоинства, в результате чего, например, формы древнецерковнославянского языка часто приводятся фиктивные, не встречающиеся ни в одном из памятников старых и даже позднейших.

---

[19] РФВ, 1905, т. 54, № 3-4, с. 234.
[20] РФВ, 1911, т. 65, № 1-2, с. 483.
[21] РФВ, 1908, т. 60, № 3-4, с. 230.
[22] РФВ, 1907, т. 58, № 3-4, с. 237.
[23] РФВ, 1908, т. 60, № 3-4, с. 233.
[24] РФВ, 1914, т. 71, с. 635—640.

Рецензент резко критикует авторов за тенденциозность в освещении истории украинского языка, например, за искажение ими общеизвестных фактов родства украинского языка с русским языком. «Сопоставив в таблицах особенности малорусского наречия с чертами других славянских языков, составители рассматриваемой книги пришли к заключению, что малорусское наречие не находится в связи с русским языком, и что выводить его звуки, формы и т. д. из прарусского языка бесполезно...»[25]

Это заключение Е. Ф. Карский приводит и в другом месте рецензии, подчеркивая несостоятельность принятых методов и приемов исследования, игнорирование в книге уже проверенных наукой данных истории и диалектологии восточнославянских языков, а также данных, которые объективно освещают взаимоотношения между родственными славянскими языками в древности и на современном этапе их развития. «Главный недостаток книги,— справедливо указывает Е. Ф. Карский,— заключается в употреблении неподходящих методов исследования и изложения. Наметив себе целью доказать полную самостоятельность малорусского наречия и отсутствие связи его вообще с русским языком — современным и древним, составители настоящей книги пренебрегли всеми установившимися приемами исследования языка», «исходным пунктом у них является литературный галицкий украинский язык; наречие северномалорусское, ко-

---

[25] *Карский Е. Ф.* Труды по белорусскому и другим славянским языкам, с. 558.

торое сохранило наиболее черт древности, роднящих его с белорусскими и великорусскими говорами, оставлено без внимания; в этом случае рассматриваемая книга представляет шаг назад даже в сравнении с работой Огоновского, не говоря уже о Житецком и Крымском»[26].

Каждый из названных здесь исследователей по-своему подходил к вопросам происхождения украинского языка, классификации его говоров и отношения последних к другим восточнославянским говорам как древней эпохи, так и нового периода, точнее, второй половины XIX в. По мнению Е. Ф. Карского, авторы рассматриваемой грамматики не смогли преодолеть недостатки своих предшественников — исследователей истории украинского языка и, более того, пользовались совершенно ненаучными приемами доказательства. Рецензент прав, упрекая авторов в том, что ими «не привлекаются показания русских наречий», что они, «будучи мало знакомы с историей русского языка и вообще с древнерусскими произведениями, не принимают во внимание данных истории языка», что «в ссылках на белорусское наречие, наиболее близкое и географически и исторически и по многим чертам к малорусскому» допускают немало всяких неточностей, что они «прямо возводят живые звуки галицко-литературной малорусской речи к праславянскому языку; а формы сопо-

---

[26] *Карский Е. Ф.* Труды по белорусскому и другим славянским языкам, с. 559—560.

ставляют почему-то с древнецерковнославянскими» [27].

Говоря о неправомерности прямого соотнесения диалектных галицких явлений с явлениями праславянского языка, Е. Ф. Карский самокритично оценивает и свою первую работу «Обзор звуков и форм белорусской речи», а затем излагает в общих чертах теорию образования всех славянских языков и те принципы, которые выработаны сравнительно-историческим языкознанием. Он пишет, что «в каждом славянском языке есть черты, а) свойственные всем славянским языкам, возникшие еще на почве праславянского языка—единого славянского языка. При сравнении славянских языков с целью установления близости их между собою о таких чертах говорить не следует; б) в науке установлено теперь, что в праславянском языке были диалекты, черты которых особенно ясно обнаружились перед распадением праславянского языка; эти диалекты легли в основу живых теперешних славянских языков, в жизни которых были разные эпохи. Современное разнообразие в звуках, формах, синтаксисе, словаре каждого из живых славянских языков вызвано многими условиями исторической жизни языка и народа и относится не к одному времени. Поэтому желая сравнивать особенности разных славянских языков между собой, необходимо прежде всего в каждом языке их обозреть исторически, возвести к тому виду, в каком они были в древнейшую эпоху языка... в) все теперешнее разнообразие

---

[27] *Карский Е. Ф.* Труды по белорусскому и другим славянским языкам, с. 560.

говоров русского языка — результат действия многих причин: некоторые из них заложены были еще в прарусском языке до распадения его на наречия, другие же развились отдельно в языке тех древнерусских племен, которые, с одной стороны, легли в основу малорусской народности (южная ветвь, знавшая продление гласного, а затем дифтонги на месте осн. сл. *о* и *е*, стоявших в закрытых слогах, ставших таковыми после утраты *ъ* и *ь*) и с другой — великорусской вместе с белорусской (средняя и северная ветвь, утратившая продление *о* и *е* в указанном положении). Со временем в каждой из отмеченных групп являлись новые особенности, развившиеся в отдельных наречиях и говорах. Если бы мы вздумали сравнивать их без исторической перспективы, то получили бы результаты только курьезные»[28].

Как видим, Е. Ф. Карский стоял за строго исторический подход ко всем явлениям языка. Нарушение этого принципа привело Смаль-Стоцкого и Гартнера к ненаучным выводам о происхождении не только галицких говоров, но и украинского языка в целом, они отрицали исконную связь украинского языка с близкородственными восточнославянскими языками или же понимали ее субъективно, вопреки историческим данным, вследствие чего, по их утверждению, украинский язык стоит ближе к сербскому, чем к русскому языку.

Антиисторическая позиция этих авторов была предметом критики и со стороны других отечественных языковедов. Так, Е. Ф. Карский

---

[28] *Карский Е. Ф.* Труды по белорусскому и другим славянским языкам, с. 560—562.

отмечает, что с основательным разбором их грамматики, опровергающим выставленные ими положения, выступил А. А. Шахматов[29], нам известно также, что позже ряд их утверждений критиковал Л. А. Булаховский[30].

Украинской исторической и диалектной фонетике посвящена содержательная статья Е. Ф. Карского «Из русской диалектологии. 1. К вопросу об отвердении (неумягчительности) звуков *е* и *и* в малорусском наречии». На основании сравнительно-исторических данных автор доказывает, что в общеславянскую эпоху гласные *е, и* были звуками переднего ряда, но они отличались по степени палатализующего воздействия на предшествующие согласные: «соединявшиеся с *е* согласные были на первых порах только полумягкими», правда, «склонность к умягчительности у праславянского *е* уже была, но не во всех языках-потомках развилась в одинаковом направлении: в одних она стала такою же, как и у *і*, а в других отступила от этого звука. Говоря другими словами, в одних славянских языках смягченные согласные были одинаковой палатальности перед *і* и перед *е*, причем гласные и предшествующие им согласные в этом отношении вполне ассимилировались одни другим; в других же языках характер исконного умягчения перед *е* (неполного) одержал верх: согласные были

---

[29] См. его статью «До питання про початок української мови» в журнале «Україна» (Київ, 1914, № 1).

[30] См. его работу: «Питання походження української мови». Вибр. праці в 5-ти т. Українська мова. Київ, 1977, т. 2, с. 64.

полумягки, вследствие чего и *і* стало приближаться к *ы*»[31].

Как и другие лингвисты-историки, Е. Ф. Карский считал, что в праславянском и первоначально в древнерусском языке звуки *і* и *ы* были разными по месту образования: первый относился к гласным переднего ряда верхнего подъема, второй — к гласным среднего ряда верхнего подъема. Вот что говорит ученый по этому поводу: «Звук *и* в праславянском действовал смягчающим образом на предыдущие согласные, однако не в такой степени, как *j*: зубные и губные перед *и* лишь несколько умягчались, но не подвергались полному смягчению, так как иначе на их месте явились бы звуки других органов речи. Вообще же все согласные в соединении с *и* палатализировались»[32].

Выясняя качество гласных *і* и *ы* в эпоху древнейших памятников русского языка, Е. Ф. Карский справедливо утверждал, что и тогда не наблюдалось смешения их, так как *і* был особым звуком[33].

Итак, по мнению Е. Ф. Карского, гласные *е* и *і* в древности, до образования трех самостоятельных восточнославянских языков, обладали свойством «умягчительности», но в ряде говоров, по крайней мере, тех, которые легли в основу украинского языка, это свойство не развилось окончательно, поэтому перед ними

---

[31] *Карский Е. Ф.* Труды по белорусскому и другим славянским языкам, с. 513.
[32] Там же, с. 512.
[33] Там же, с. 513.

не произошла палатализация согласных, более того, эти согласные, являвшиеся в такой позиции полумягкими во всех восточнославянских говорах древнейшего периода, отвердели (депалатализовались) в группе говоров, оказавшихся составной частью украинского языка. Изменение места образования *е* и *і* и депалатализация перед ними согласных рассматривались Е. Ф. Карским как взаимосвязанные исторические процессы: «отвердение в малорусском *е* и *и* произошло уже на глазах истории: они обнаружили тенденцию из переднего ряда перейти в средний. Став средненебными, они начали ассимилировать себе предшествовавшие им согласные, лишая их мягкости. Затем и сами гласные перестали сохранять хотя бы слабую степень умягчительности» [34].

По теории Е. Ф. Карского, депалатализация разных групп согласных перед гласными *е*, *и* происходила в украинском языке неодновременно. Основываясь на показаниях северноукраинских и южнобелорусских говоров, ученый приходит к убеждению, что раньше отвердели в такой позиции губные согласные, затем зубные, а потом уже остальные, причем «в малорусском утрата мягкости согласных сначала произошла перед *е*, затем уже отвердевшие согласные ассимилировали себе и звук *и*...» [35].

Положения, высказанные Е. Ф. Карским в рассматриваемой статье, касаются ряда самых дискуссионных вопросов украинского языкознания, обсуждавшихся в конце XIX—начале

---

[34] *Карский Е. Ф.* Труды по белорусскому и другим славянским языкам, с. 514.

[35] Там же, с. 515.

XX в. такими видными учеными, как В. А. Богородицкий, Е. К. Тимченко, А. Е. Крымский, А. А. Шахматов, Н. Н. Дурново, Н. С. Трубецкой и др.; позже указанные фонетические черты украинского языка (депалатализация согласных, находившихся перед гласными *е*, *и*, а также фонологические признаки тех и других) широко освещались в трудах Л. А. Булаховского, С. Ф. Бевзенко, М. Ф. Наконечного, А. М. Залесского и др. Современные исследования в области исторической фонетики украинского языка[36] показывают, что затронутые в статье Е. Ф. Карского некоторые вопросы депалатализации согласных перед гласными *е*, *и* принадлежат к числу фундаментальных проблем не только украинского, но и вообще славянского языкознания, поскольку без выяснения истории соответствующих явлений в других родственных языках многие моменты украинской фонетики останутся малопонятными.

Следует сказать, что в большинстве случаев Е. Ф. Карский привлекал факты украинского языка для освещения вопросов исторического взаимодействия его с языками белорусским и русским. Так, уже в 1-м томе «Белорусов» ученый рассматривает фонетические и морфологические черты, которые были выработаны белорусским языком совместно с украинским в период от XIV до XVII в. (изменение твердого *л* в известных позициях в *ў*, отвердение

---

[36] См. сводные данные об истории разработки этих вопросов в кн.: *Жовтобрюх М. А., Русанівський В. М., Скляренко В. Г.* Історія української мови. Фонетика. Київ, 1979, с. 218—222, 247—262 и др.

ж, ч, ш, щ, возникновение аффрикаты *дж* на месте праславянского сочетания * *dj*, удвоение согласных на месте сочетаний «согласный+j+гласный», отвердение губных на конце слов и в положении перед *j*, утрата слогового характера гласными *і, у* в положении не под ударением и после гласных, замена древнерусских причастий на *-а, -я*, неизменяемыми формами на *-учи, -ючи, -ачи, -ячи*, т. е. деепричастиями) [37].

В этом же томе «Белорусов» Е. Ф. Карский характеризует ряд других фонетических и грамматических черт, развившихся в украинском и белорусском языках в ходе их формирования как следствие непосредственных контактов украинцев и белорусов на протяжении многих столетий (постановка ударения на имени существительном, а не на предлоге, как в формах *по лѣ́су, под но́ги, на вѣ́тер;* неподвижность ударения в образованиях типа *ўмёр, ўмёрла, ўмёрло;* развитие протетических согласных *в* и *г* перед гласными *о, у*; появление стяженных форм в бывшем сложном склонении прилагательных; устранение окончания в 3-м лице глаголов настоящего времени единственного числа; образование форм будущего описательного с помощью глагола *иму*; вытеснение древней формы двойственного числа существительных мужского рода при числительном *два*, а также числительных *три, четыре* новой формой множественного числа; сохранение различий в винительном и родительном падежах множественного числа у сущест-

[37] *Карский Е. Ф.* Белорусы. Введение к изучению языка и народной словесности. Вильна, 1904, с. 101—103.

вительных, обозначающих животных, птиц и т. п.; смешение предлогов *с* и *из*; распространение местоименного корня *як*-)[38].

Некоторые особенности украинского языка отмечались Е. Ф. Карским в связи с выявлением специфики белорусского языка и ранней работе, посвященной фонетическим и морфологическим процессам[39].

Ценные факты по украинским говорам, соседним с южнобелорусскими говорами, ученый собрал во время поездок по Белоруссии с целью определения этнографических и языковых границ белорусского народа. Эти факты были частично использованы в его отчете о результатах поездок[40], затем при составлении «Этнографической карты белорусского племени», «Этнографической карты белорусского племени. Белорусские говоры» (обе приложены к 1-му тому «Белорусов», 1903, 1904 гг.), «Этнографической карты белорусского племени» (Пг., 1917), а также в работах «К вопросу о разграничении русских наречий» (М., 1905), «К вопросу о границе белорусских говоров. Звук *у* вместо *ы* в некоторых белорусских говорах» (РФВ, т. 53, № 1-2), «Программы для собирания особенностей народных говоров. II. Программа для собирания особенностей малорусского наречия» (1897), «Русская диалектология» (Л., 1924), «Белорусы» (т. 2, вып. 1—3).

---

[38] *Карский Е. Ф.* Белорусы. Введение к изучению языка и народной словесности, с. 118—120.

[39] *Карский Е. Ф.* Обзор звуков и форм белорусской речи, с. 14, 15, 23, 35, 36 и др.

[40] *Карский Е. Ф.* Отчет о поездке в Белоруссию в течение летних месяцев 1903 г. — Изв. имп. Русского географического общества, т. 41, вып. 4.

Важное значение для истории украинской диалектологии, как и белорусской, имели редактировавшиеся Е. Ф. Карским материалы под названием «Образцы белорусского наречия. Образцы малорусского наречия» (Варшава, 1912).

Различные вопросы исторической грамматики и грамматики современного украинского языка получили освещение в некоторых библиографических заметках и отзывах Е. Ф. Карского, в частности при разборе работ Е. К. Тимченко «Українська граматика». Київ, 1907, ч. 1 (РФВ, 1907, т. 57, № 1—2), А. А Шахматова и А. Е. Крымского «Украинская грамматика» (РФВ, 1910, т. 63, № 1-2).

Для тех, кто занимается лингвистическим наследством, интерес представляет «Записка об ученых трудах проф. Е. К. Тимченко», составленная Е. Ф. Карским совместно с В. Н. Перетцем и Б. М. Ляпуновым (Л., 1929).

Из сделанного обзора можно видеть, что в своих построениях Е. Ф. Карский опирался также на украинский язык, используя его факты в самых различных целях: для характеристики звуковых, грамматических и лексических различий между тремя восточнославянскими языками, для освещения языковой общности русского, украинского и белорусского народов, для составления лингвистических и этнографических карт, для определения принадлежности украинцам или белорусам письменных памятников, для ознакомления филологов с содержанием работ по украинистике и т. д. К сожалению, деятельность Е. Ф. Карского в области украинского языка и украинского языкознания

изучена еще недостаточно. Насколько нам известно, имеется только одна специальная статья, освещающая вклад ученого в украинистику [41], между тем нас интересуют не только прямые высказывания Е. Ф. Карского о тех или иных явлениях украинского языка, но и то, в какой мере он использовал в своих славистических трудах идеи украинских языковедов, в частности идеи А. А. Потебни, оказавшие во второй половине XIX и начале XX в. сильное влияние на многих отечественных языковедов. Харьковская лингвистическая школа, во главе которой стоял А. А. Потебня, во многом определила жизненный путь Е. Ф. Карского, хотя об этом он нигде, кажется, прямо не говорил. Во всяком случае, при ознакомлении с его монографией «Белорусы» можно легко убедиться, что он разделял многие положения (особенно в синтаксической теории), сформулированные А. А. Потебней в труде «Из записок по русской грамматике», и опирался на них при освещении истории и современного состояния белорусского языка. Е. Ф. Карский был хорошо знаком и с другими исследованиями как А. А. Потебни, так и его современников, занимавшихся изучением украинского языка и литературы. В этой связи любопытно, например, сообщение Е. Ф. Карского «Наймычка» Шевченко. Материалы для ее научного издания» (РФВ, 1907, т. 57, № 1-2), свидетельствующее об интересе ученого и к вопросам украинской классической литературы.

---

[41] *Тимошенко П. Д.* Карський і українська мова. — Українська мова в школі. Київ, 1961, № 3, с. 20—25.

Е. Ф. КАРСКИЙ — ОСНОВАТЕЛЬ БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Белорусское языкознание до начала XX в.

Строем белорусского языка стали интересоваться еще в XVI—XVII вв., когда белорусский народ сформировался как отдельная этническая общность. Элементы белорусской речи были предметом изучения в братских училищах, она фиксировалась в словарях (лексисах, лексиконах, азбуковниках), в грамматических трактатах и учебных пособиях. Но, кроме имен Ф. Скорины, В. Тяпинского, Л. Зизания, М. Смотрицкого, И. Ужевича, нам ничего не известно о разработке старобелорусского языка с научными или практическими целями. Изучался ли белорусский язык в XVIII в., нам также неизвестно.

Только в первой четверти XIX в. ученые-филологи, этнографы и собиратели устного народного творчества начинают проявлять интерес к живой белорусской речи и литературным произведениям на белорусском языке. К. Ф. Калайдович, Ф. С. Шимкевич, Н. И. Надеждин, И. И. Григорович, С. П. Микуцкий были первыми исследователями белорусского языка. С середины XIX в. белорусский язык в той или иной степени изучали И. И. Носович, П. М. Шпилевский, М. А. Максимович, В. И. Даль, П. А. Бессонов, И. И. Срезневский,

А. А. Потебня, А. Киркор, П. В. Шейн, А. И. Соболевский, П. В. Владимиров, И. Недешев, А. А. Шахматов, Н. Я. Никифоровский и др. Однако за исключением «Словаря белорусского наречия», опубликованного в 1870 г. И. И. Носовичем, до середины 80-х годов XIX в. о белорусском языке не появилось сколько-нибудь серьезных работ.

При таком состоянии научного изучения белорусского языка и началась филологическая деятельность Е. Ф. Карского, которому выпала завидная доля основателя всех отраслей белорусской филологии, в том числе и белорусского языкознания нового времени. Е. Ф. Карскому принадлежит огромная заслуга в изучении как старобелорусского языка, так и современного белорусского народного языка во всем многообразии его говоров.

Е. Ф. Карский как исследователь истории белорусского языка

Разноголосица, существовавшая в лингвистической литературе о белорусском языке, заставила Е. Ф. Карского приступить к систематизации уже имевшихся в разных работах наблюдений и, главное, к фронтальному обследованию новых источников, которые бы могли дать ответ на все вопросы происхождения, исторического развития и современного состояния белорусского языка. В студенческие годы Е. Ф. Карский изучал преимущественно этнографические и фольклористические записи современной ему белорусской речи. На материале этих источников была построена первая книга ученого — «Обзор звуков и форм бело-

русской речи» (1886), правда, уже тогда он извлекал некоторые языковые факты из старобелорусских письменных памятников делового характера[1]. Небольшое количество старобелорусских письменных памятников не позволило ему на первых порах нарисовать историческую картину развития белорусского языка. Но ученому было ясно, что эту задачу необходимо решить во что бы то ни стало, поскольку описание современного белорусского языка во многих случаях потребует исторического освещения звукового строя, грамматической системы и словарного состава. Таким образом от частных наблюдений над фактами старобелорусского письменного языка, отражавшего в известной степени живую народную речь XV—XVII вв., Е. Ф. Карский вплотную подходил к задаче систематического изучения старобелорусской письменности, очень богатой по содержанию и яркой по языковым чертам.

Через руки Е. Ф. Карского один за другим прошли многочисленные оригинальные и переводные произведения светской и духовной литературы, все известные белорусские летописи, масса документов официально-делового и частного характера, юридические памятники и вообще все, что могло свидетельствовать о формировании строя старобелорусского языка.

---

[1] Е. Ф. Карский указывал, что при подготовке этой книги он использовал данные, содержащиеся в старинных виленских и минских актах, тексты которых были опубликованы в изданиях: Собрание древних грамот и актов городов Вильно, Ковно, Трок и др. (Вильно, 1843), Собрание древних актов и грамот городов Минской губернии (Минск, 1848), Рукописное отделение Виленской Публичной библиотеки. Вып. 1 (1871).

Одной из ранних работ ученого является доклад на IX Археологическом съезде в Вильно в 1893 г. «Что такое древнее западнорусское наречие?» [2], в котором были поставлены важные теоретические вопросы происхождения и общественных функций старобелорусского языка. Автор указывает сначала на «разноречивые мнения, которые нередко приходится слышать и читать об этом языке» [3], затем перечисляет основные фонетические особенности, наблюдаемые с XIII—XIV вв. по памятникам старобелорусской письменности (неслоговое *ў* на месте *у* и *в*, твердое *р* вместо мягкого, группа *жч*, т. е. аффриката *ж͡дж*, аканье (*Алкердъ* в смол. гр. 1359 г.), проточный согласный *г* (*h*), переходное смягчение гортанных перед *е*, *ѣ*, «удержание слогов *ый*, *ій*» при великорусских *ой, ей (сокрый, осмый)*, удвоение согласного звука, если ему приходится стоять перед *j* (*Иллиничи*), «дзеканье и цвяканье»). Далее Е. Ф. Карский отмечает, что «в XIV и XV вв. изредка появляются и морфологические особенности западнорусских говоров; но они, вообще говоря, мало характерны» [4].

На основании комплекса фонетических и грамматических явлений, нашедших отражение в текстах старобелорусской письменности, Е. Ф. Карский делает вывод о формировании в XIV—XVI вв. старобелорусского языка: «Так постепенно появились особенности старого за-

---

[2] Напечатан в Трудах IX Археологического съезда в Вильне, 1893. М., 1897, т. 2, с. 62—70.

[3] *Карский Е. Ф.* Труды по белорусскому и другим славянским языкам, с. 253.

[4] Там же, с. 257.

паднорусского наречия, ставшего во время литовского господства языком государственным, поглотившим другие говоры племен русских славян, живших по Западной Двине, верхнему течению Днепра и притокам его: Сожу и Припяти, а также по Неману. Такими племенами были кривичи, радимичи и дреговичи. Из общих черт говоров этих племен и образовалось старое западнорусское наречие, родоначальник нынешних белорусских говоров. Таким образом, восходя по отдельным своим чертам в некоторых случаях к первым письменным произведениям на русском языке, как особый организм оно возникло в эпоху литовского владычества, преимущественно в XIV—XV вв.; особенной же крепости достигло, как увидим, в XVI в.» [5]

По лингвистической традиции здесь автор говорит о «говорах племен русских славян» западной части Руси, в действительности же таких говоров, как и самих племен, в характеризуемый период уже не могло быть вследствие происшедших перегруппировок населения еще в Киевском государстве и образования древнерусской народности.

Однако дальше автор уточняет свою концепцию образования белорусского языка, говоря, что старое западнорусское наречие «приняло в себя все черты, характеризующие общерусский язык, да еще особенности, принадлежащие исключительно местным народным говорам. Когда оно стало языком литературным, в него обильным потоком вошли еще,

[5] *Карский Е. Ф.* Труды по белорусскому и другим славянским языкам, с. 257.

с одной стороны, стихия церковнославянская книжная, а с другой — посредством речи образованного общества со временем проник язык польский; вследствие указанных обстоятельств наречие книжное западнорусское, как и всякий язык литературы, стало в большей или меньшей степени искусственным»[6]. Однако, по справедливому мнению ученого, в устах простого народа, белорусский язык сохранял относительную чистоту, что и дает основание называть его белорусским, а не каким-либо другим (русским, литовским или польским) языком. Эта мысль, пожалуй, впервые в нашем языкознании так отчетливо сформулирована именно Карским, писавшим, что «старое западнорусское наречие, будучи разговорным в устах образованного общества, постоянно опиралось на язык простого народа местного белорусского племени. Вследствие указанного обстоятельства, по преобладанию в нем элементов белорусской речи, и называть его следует белорусским языком, прибавляя разве для отличия от современного белорусского наречия название старого»[7]. Здесь, как видим, термины «белорусский язык» и «белорусское наречие» выступают как синонимы, которые и в дальнейшем будут использоваться ученым при описании памятников и современной белорусской речи.

К 90-м годам прошлого века относится ряд исследований Е. Ф. Карского, посвященных анализу палеографических и языковых

---

[6] *Карский Е. Ф.* Труды по белорусскому и другим славянским языкам, с. 258.

[7] Там же, с. 262.

особенностей старобелорусских письменных памятников. Эти исследования были задуманы ученым с целью подготовки материалов для построения общей истории белорусского языка, хотя они имеют, конечно, и самостоятельное значение.

Первым серьезным опытом в этой области является работа Е. Ф. Карского «Два памятника старого западнорусского наречия: Люнеранский катехизис 1562 г. и Католический катехизис 1585 г.»[8], в которой даются сведения об изучении данных памятников другими исследователями, об их составе, печатных шрифтах, месте издания и главных языковых чертах. Из фонетических явлений отмечены аканье (*розар'ваны, гараздъ, ѡтнавлѧло, садомъскїи, катахизмъ, блгославилъ, нєгожа*), переход *е* в *о* (*шостаѧ*), переход *у* в полугласный *ў* (*вжє, нав'чаєть, вживают', на врадѢ, врад'ники*), совпадение *Ѣ* и *е* (*трєтѢго, мѢнє, нопотѢраеть, дєтокъ, бєсєдє*), полногласие (*норовы, нагороженьѧ, полонєньємъ, помєрєти, вєрєдити, вєрєщить*); как диалектное, южнобелорусское явление автор квалифицирует переход *о* в *у* (*хуть, суботую, ȣбогатитисѧ*); отмечается переход *в* в *ў* (*ȣ томъ, оувильни*), переход *л* в *ў* (*абы єсь дол'го живъ на зєм'ли*), отвердение *р* (*цара, говорачих, ȣстєрогъ, тры, пастыры, цары, матєры, тєпєръ, роз'шираютъ*), отвердение губных (*цєръковъ, любовъ, чрвъ*), удвоение согласных на месте сочетаний согласных с *j* (*росказаннємь, прєврощєннємь*), *ж*, *ч* на месте

[8] ЖМНП, 1893, авг., ч. 288, с. 406—430.

сочетаний *дј, тј (надєжи, всємогучый, печєри)*, сохранение в известных случаях результатов второй палатализации согласных *г, к, х (о бозє, присѧзє, проступ'ци)* и др.

В исследуемых памятниках были выявлены характерные для старобелорусского письменного языка морфологические черты, в частности остатки форм двойственного числа (*ωт... очью ни͠шыхъ)*, формы именительного падежа единственного числа от основ на согласные (*мати, тєлѧ)*, формы звательного падежа (*юродѢ, господарю)*, формы на *-у* в родительном падеже конкретных и отвлеченных существительных мужского рода (*зъгнѢву, з' єгипту)*, формы местного падежа со свистящими согласными перед окончанием *-Ѣ* (ω *на8цѢ)*, архаические формы на *-у* в том же падеже (*в' сын8, въ дху͠, на Нєсвижу, въ с͠томъ житью, о Кирю,* ω *призыванью)*; во множественном числе отмечены формы на *-ове (сынове, пановѢ, гдє͠вѢ), -овъ, -євъ (господаровъ, мужов', вожов', оубіщовъ), -омъ, -ємъ* в дательном падеже (*грєхωмъ, царомъ, родитєлємъ, дєтѢмъ, кнѧжатомъ), -ы, -и,* а так же *-ъми, -ьми* в творительном падеже (*вороты, норовы, насмѢвачи, товари, сєрд'цы; сын'ми, цар'ми, хр͠тіѧнъми, кнѧз'ми, обычайми)* и др. Довольно подробно проанализированы формы личных и неличных местоимений, числительных, прилагательных, глаголов. В системе этих частей речи также указаны яркие особенности, которыми белорусский язык выделялся среди других родственных языков. Для лексического анализа в конце работы приведен список наиболее

редких слов и заимствований из польского языка.

Примерно по такому же плану Е. Ф. Карский писал работы «О языке так называемых литовских летописей»[9], «Особенности письма и языка рукописного сборника XV в., именуемого летописью Авраамки»[10], «Западнорусский сборник XV века Публичной библиотеки в С.-Петербурге Q.1. № 391»[11], «Западнорусское сказание о Сивилле пророчице по рукописи XVI в.»[12], «Два древнейших русских документа главного архива Царства Польского в Варшаве»[13]. Как видно из перечня этих работ, ученого интересовали самые различные по содержанию памятники, так как чисто деловая письменность не могла отразить всего богатства живой белорусской речи. Стремясь охватить как можно больший круг памятников, он печатает в начале 90-х годов прошлого века обширные очерки о языке и палеографических особенностях целой серии рукописных и печатных памятников, собранные затем в одной книге «К истории звуков и форм белорусской речи» (Варшава, 1893). В первом очерке он исследует язык Сборника XVI—XVII вв. Виленской публичной библиотеки № 261, Сборника XVII в. той же библиотеки № 107, Бого-

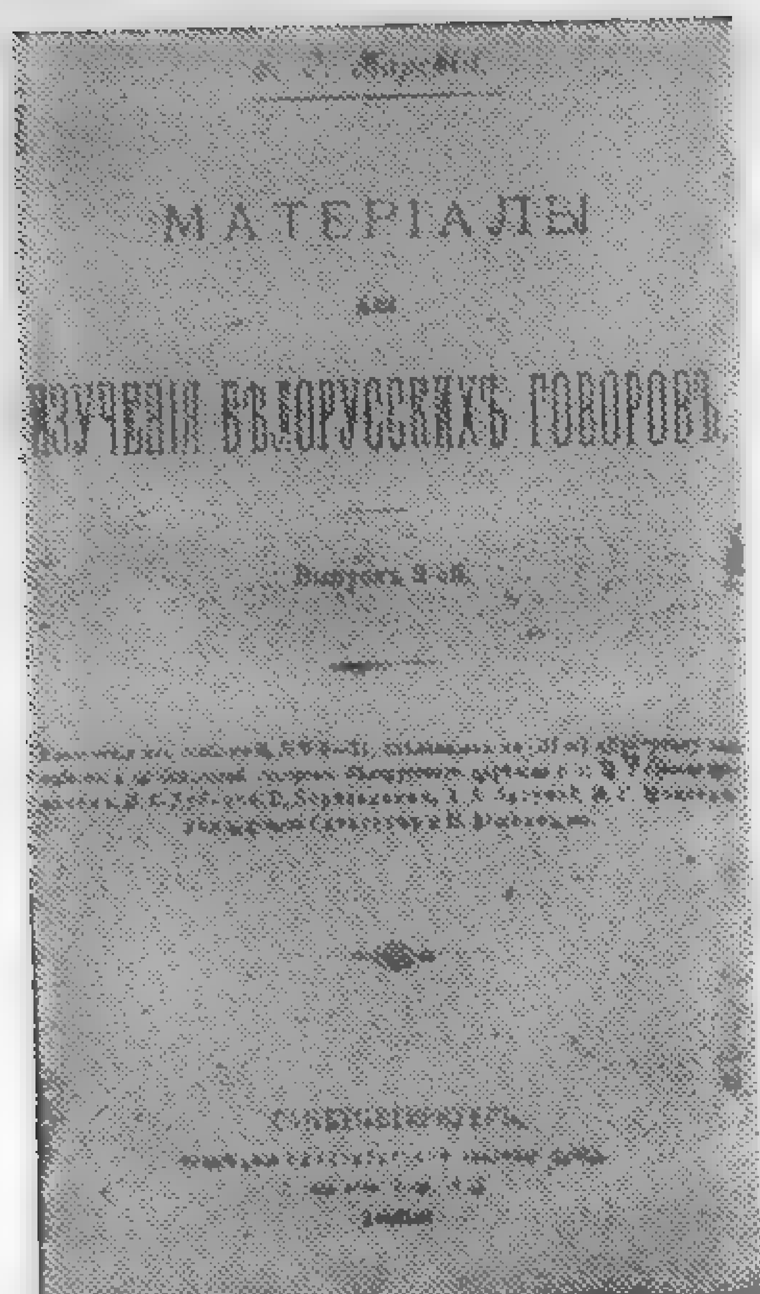
[9] Варшавские унив. изв., 1894, № 2 и 4, с. 1—64; то же отд. отт. Варшава, 1894, 64 с.

[10] Варшавские унив. изв., 1899, № 3, с. 1—44; то же отд. отт. Варшава, 1899, 44 с.

[11] Изв. ОРЯС АН, 1897, т. 2, кн. 4, с. 964—1036.

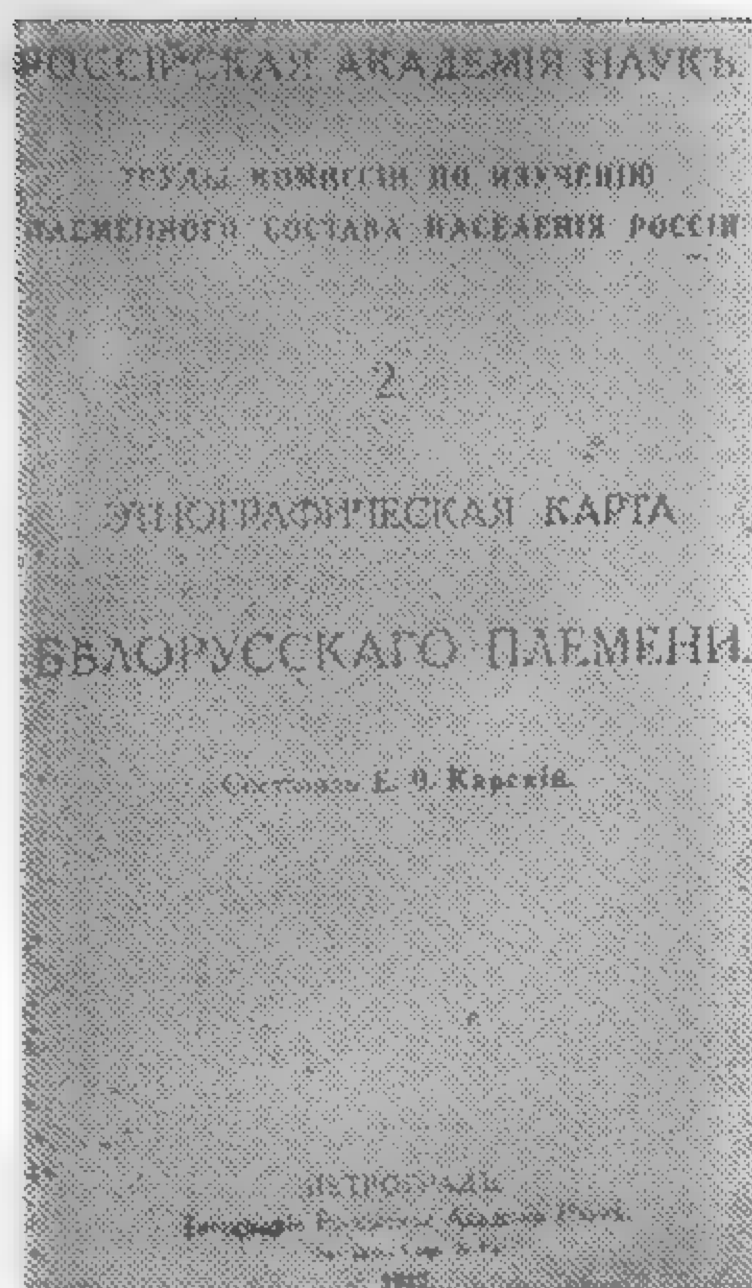
[12] Варшавские унив. изв., 1898, № 2, с. 1—32; то же отд. отт. Варшава, 1898, 32 с.

[13] Древности. Труды Археографической комиссии Московского археологического общества, 1899, т. 1, вып. 3, с. 543—550.

МАТЕРІАЛЫ

для

ИЗУЧЕНІЯ БѢЛОРУССКИХЪ ГОВОРОВЪ

РОССІЙСКАЯ АКАДЕМІЯ НАУКЪ

ТРУДЫ КОМИССІИ ПО ИЗУЧЕНІЮ ПЛЕМЕННОГО СОСТАВА НАСЕЛЕНІЯ РОССІИ

2

ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ КАРТА

БѢЛОРУССКАГО ПЛЕМЕНИ.

Книга Е. Ф. Карского «Материалы для изучения белорусских говоров», вып. 2 (Петербург, 1908)

Книга Е. Ф. Карского «Этнографическая карта белорусского племени», изд. 2-е (Петроград, 1917)

гласника начала XVIII в. той же библиотеки № 234, Богогласника начала XIX в. той же библиотеки № 235 и рукописи XIX в. «Сон богородицы». Второй и третий очерки посвящены обзору языка юридических памятников, в частности Привилегии Казимира 1457 г., Судебника Казимира 1492 г., Статута 1529 г., Статута 1588 г., Актовой книги Гродненского земского суда 1539—1542 гг., а также многих актов и грамот XIII—XV вв. Четвертый и пятый очерки содержат анализ языка духовной литературы; здесь автор рассматривает сборник ветхо-

заветных книг Виленской публичной библиотеки № 262, евангелие В. Тяпинского, книгу «Тайная тайных. Аристотелева врата» Виленской публичной библиотеки № 272. Отдельно в пятом очерке приводятся сведения о языке исторического произведения «Летописец Переяславля Суздальского» (в издании К. М. Оболенского).

К анализу указанных памятников Е. Ф. Карский подходил дифференцированно. Если рукописи XVI—XVII и начала XVIII в. непосредственно отражают особенности старобелорусского языка, то рукописи XIX в. важны для понимания белорусских говоров нового времени, хотя и в них могли довольно рельефно выступать некоторые явления древнего языка.

При рассмотрении рукописей XVI—XVII вв. автор установил, что их язык «смешанный, каковою была речь образованного и грамотного, а отчасти ученого класса в старину в Белоруссии. В основе обыкновенно лежит белорусское наречие; причем, если произведение переделано с славяно-русского, то отражает на себе сильно церковнославянский язык; если — с польского, то — польский. Причем случалось, что переписчик или переводчик был малорус или пинчук, тогда речь его заключает в себе много малорусских слов, оборотов и фонетических особенностей. Вследствие указанных обстоятельств, при пользовании указанными рукописями приходится быть слишком осторожным, чтобы к числу старинных белорусских особенностей не отнести совершенно чуждых этому говору» [14].

[14] *Карский Е. Ф.* К истории звуков и форм белорусской речи. Варшава, 1893, с. 5.

Во втором очерке Е. Ф. Карский дает общую характеристику функций старобелорусского литературного языка, указывая, что его нормы складывались главным образом на основе живой речи. «Когда Литва покорила соседние русские области и вслед затем в умственном отношении сама добровольно подчинилась побежденным, белорусское наречие сделалось тогда языком государственным не только в западнорусских областях, но и вообще в Литве. На нем пишутся как княжеские грамоты, так и всякого рода официальные и частные акты. Такая роль русского языка в Литовском государстве была закреплена даже законодательным путем»[15]. По своему строю этот язык значительно отличался от древнерусского литературного языка и от современного белорусского. «Это книжный язык, бывший разговорным лишь у высшего класса общества, подвергшегося некоторому влиянию польской культуры. Последнее обстоятельство на языке западнорусском сказалось в том, что в нем иногда появляются польские слова и обороты. Однако чем древнее памятник белорусского письма, тем меньше замечается на нем влияние польского языка»[16]. Следовательно, Е. Ф. Карский считал, что старобелорусский литературный язык в условиях литовско-польской государственности не мог стать общенародным достоянием, хотя он и вырастал на почве белорусской народной речи.

В результате основательного анализа тек-

---

[15] *Карский Е. Ф.* К истории звуков и форм белорусской речи, с. 18.

[16] Там же, с. 18—19.

стов юридических памятников Е. Ф. Карский пришел к выводу, что все они по языку очень сходны, «только в Актовых книгах гродненского земского суда и печатном статуте 1588 года полонизмов сравнительно несколько больше, чем в других рассмотренных нами памятниках» [17]. Характерной чертой юридических памятников как древней Руси, так и западнорусских является близость их языка к языку живой речи. Ученый показал эту особенность при анализе звуковых, грамматических и лексических явлений, отраженных в старобелорусских судебниках, статутах и многочисленных актах XIII—XVI вв.

При рассмотрении языковых черт памятников религиозного характера ученый выясняет прежде всего причины, обусловившие появление в XV—XVII вв. большого количества произведений, в которых старославянский (церковнославянский) язык претерпел более или менее существенные изменения под влиянием живой белорусской речи; малопонятность церковнославянских текстов для простого народа и даже для части духовенства, религиозно-политическая борьба и другие обстоятельства способствовали демократизации книжнославянской речи, а в ряде случаев эта речь заменялась белорусской речью при переводах церковных книг. Благодаря этому, подчеркивает Е. Ф. Карский, «данные, почерпнутые из церковных книг на белорусском наречии, по своей ценности нисколько не уступают тем, которые берутся из других источников» [18].

---

[17] *Карский Е. Ф.* Указ. соч., с. 21.
[18] Там же, с. 89.

Е. Ф. Карский подверг тщательному разбору языковые черты переписанных в белорусских землях библейских книг (по сборнику Виленской публичной библиотеки) и установил, что «особенно чистый белорусский язык в книге «Руфь», много белорусизмов также в книгах «Песня песней» и «Экклизиаст»[19]. Непропорционально распределяются элементы белорусской речи в псалтыри. По наблюдениям ученого, «в псалтыри, особенно в начале, множество славянизмов; лишь в качестве глосс встречаются слова белорусские; но чем дальше от начала, тем больше преобладает белорусский элемент, так что в конце книги уже почти чистое белорусское наречие»[20].

В XVI—XVII вв. в Белоруссии осуществлялись также переводы евангельских текстов. Язык этих переводов представляет большой интерес для исторической отрасли славянского языкознания вообще и белорусского в частности. Е. Ф. Карский в рассматриваемом исследовании характеризует перевод евангелия, напечатанный известным белорусским просветителем XVI в. В. Тяпинским. Несколько раньше выхода в свет работы Е. Ф. Карского об этом переводе высказывали мнения И. Каратаев[21] и А. И. Соболевский[22]. Первый необоснованно утверждал, что В. Тяпинский перевел евангелие на украинский язык; второй лишь констатировал, что евангелие В. Тяпин-

---

[19] *Карский Е. Ф.* Указ. соч., с. 91.

[20] Там же, с. 92.

[21] *Каратаев И.* Описание славяно-русских книг, напечатанных кирилловскими буквами. Спб., 1883.

[22] *Соболевский А. И.* Лекции по истории русского языка. 2-е изд. Спб., 1891, с. 18.

ского было издано «на довольно чистом западнорусском языке».

Е. Ф. Карский впервые провел тщательный лингвистический анализ евангелия В. Тяпинского и пришел к выводу, что «язык перевода Тяпинского по своей основе белорусский, с некоторою лишь примесью польского языка, что естественно, если иметь в виду полонизованную речь тогдашнего высшего общества в Западной Руси, а также то обстоятельство, что при своем переводе Тяпинский пользовался... пособиями на польском языке... Изредка проглядывает, особенно в синтаксическом строе речи, и влияние церковнославянское, от чего, конечно, трудно было уберечься, печатая перевод параллельно с церковнославянским текстом. Даже самый церковнославянский текст в евангелии Тяпинского представляет немало интересных лингвистических и палеографических данных, особенно если сравнить его с текстом вышедшей около того времени Острожской библии»[23]. Ценность для исторической лексикологии белорусского языка и вообще для славистики представляет «Список более или менее замечательных слов», приводимый автором исследования[24].

При изучении рукописи «Тайная тайных...» Е. Ф. Карский также весьма аргументированно доказывает преобладание в памятнике белорусских языковых черт. Он отмечает, что язык данной рукописи, не одинаковой по содержанию, «чистый белорусский, с самой незначи-

---

[23] *Карский Е. Ф.* Указ. соч., с. 123.
[24] Там же, с. 164—169.

тельной примесью польского»[25]. Уже в этой книге Е. Ф. Карский ставит вопрос о необходимости синтеза сведений о старобелорусском языке, полученных при исследовании как письменных памятников, так и современных народных говоров. Следовательно, изучение истории белорусского языка не должно ограничиваться каким-либо одним из этих источников. «Если весь собранный нами материал сравнить с данными, добытыми другими исследователями, как Недешевым, Карпинским, Владимировым, Соболевским и Брюкнером, то получится довольно рельефный облик старого западнорусского наречия. Старинные особенности выступят еще яснее, если сопоставим их с данными новейших белорусских говоров»[26].

Последнее обстоятельство как раз и дает нам ответ на вопрос, почему в этой книге Е. Ф. Карский после рассмотрения языковых особенностей ряда письменных памятников обращается к лингвистическим фактам, содержащимся в фольклорно-этнографических публикациях конца XIX в. (А. С. Дембовецкого, Е. Р. Романова, П. В. Шейна, В. Н. Добровольского и собственных).

К середине 90-х годов относится большое исследование Е. Ф. Карского «Западнорусские переводы псалтыри в XV—XVII веках» (Варшава, 1896, 444 с.), в котором решаются сложные вопросы взаимодействия старобелорусского письменного языка с языками старославянским (церковнославянским) и польским. Разработка данной проблемы имела, с одной

---

[25] *Карский Е. Ф.* Указ. соч., с. 124.
[26] Там же, с. 170.

стороны, общеславистическое значение, поскольку она показывала своеобразие функционирования в Белоруссии книжнославянского литературного языка в церковно-религиозной сфере; с другой стороны, автор дает нам ясное представление об истории старобелорусского литературного языка, о пригодности последнего для выражения отвлеченных понятий, для передачи книжных синтаксических построений средствами народно-разговорной речи и т. д.

Ученый рассматривает две группы памятников: памятники, в которых имеются лишь «признаки западнорусского наречия», и памятники, в которых белорусские языковые черты преобладают над старославянскими и другими чертами[27]. К числу первых он относит рукописные псалтыри: следованную 1296 г. Синодальной библиотеки; XV в. имп. Публичной библиотеки; толковую XV—XVI вв. Виленской публичной библиотеки; 1543 г. из собрания Е. Барсова; псалтырь библиотеки Красинских в Варшаве (списки с печатных псалтырей Ф. Скорины); толковую псалтырь библиотеки Киево-Печерской лавры; псалтырь XVI в. Виленской публичной библиотеки № 262; толковую псалтырь 1609 г. Петербургской духовной академии. В этой же группе памятников, содержащих отдельные элементы белорусского языка, находятся печатные псалтыри краковская 1491 г., Скорины 1517 г., псалтырь в составе «Малой подорожной книжицы» Скорины, псалтыри, напечатанные в Заблудове в 1570 г.,

---

[27] *Карский Е. Ф.* Западнорусские переводы псалтыри в XV—XVII веках, с. 1—45.

в Вильно в 1586, 1593, 1641 гг., в Евьи 1611 г.

Ко второй группе памятников отнесены рукописные псалтыри Московского публичного и Румянцевского музеев № 335 и № 1017. Путем тщательного текстологического сопоставления и лингвистического анализа ученый определил, что указанные памятники переведены с польских псалтырей, но переводчики пользовались также текстами на старославянском (церковнославянском) языке, что и обусловило сложный состав языковых элементов. Самостоятельность переводчиков проявляется в свободном пользовании фонетическими, морфологическими, синтаксическими и лексическими средствами старобелорусского языка. Для подтверждения этого положения Е. Ф. Карский подробно рассматривает отраженные в рукописях белорусские черты, вместе с этим он точно определяет степень влияния польских и церковнославянских текстов на язык данных переводов, указывая, что фонетика и грамматика были меньше подвержены иноязычному воздействию.

Влияние одного и другого языков, по мнению Е. Ф. Карского, сказывается главным образом в лексике. Так, он приводит многочисленные полонизмы (*баснь* 'глумленье', *бадати, богомысльность, болвохвальство, болесть, важити, валька* 'брань, война', *велбитися* 'величаться', *вельможность, вкохатися* 'насладиться', *вмоцняти* 'положити', *волане* и др.), церковнославянизмы (*безаконїе, блистанье, вздыханье, вкупѣ, внегда, вопль, воскресити, вретище, вселенная, гобзовати* 'радоваться' и др.).

Количественные данные и характер самих средств польского и церковнославянского язы-

ков в исследованных рукописях псалтыри объективно показали, что «полонизмы в несколько раз превышают церковнославянские слова; это в псалтыри № 335; в псалтыри же № 1017 церковнославянизмов почти нет, так что решительно господствуют полонизмы»[28].

Автор обобщает свои наблюдения также над фонетическими и грамматическими явлениями: «Что касается заимствований в фонетике, то и тут некоторый перевес на стороне польского влияния, хотя вообще заимствования этого рода невелики. В морфологии в псалтыри XVI в. больше заимствований из церковнославянского языка; в псалтыри XVII в. и здесь полонизмы преобладают»[29]. Помимо простых наблюдений над заимствованиями, Е. Ф. Карский приводит в книге и процентное соотношение в разных псалмах полонизмов и церковнославянизмов. На основании всех данных он приходит к выводу, что в исследованных переводах польская стихия превышает церковнославянскую[30]. Вслед за этим ученый выясняет объем средств собственно белорусского языка, утверждая, что «они больше чем в два раза превышают пришлую стихию (70%)»[31].

Важным новшеством для подобного рода исследований были акцентологические наблюдения. Е. Ф. Карский установил, что знаки ударения имеются в обеих рукописях, но в псалтыри XVI в. они, как правило, носят чисто

---

[28] *Карский Е. Ф.* Указ. соч., с. 172.
[29] Там же.
[30] Там же, с. 174.
[31] Там же.

графический характер и только иногда случайно совпадают с действительным «усилением голоса в слове»[32]. Для того, чтобы выяснить закономерность в постановке ударений, Е. Ф. Карский приводит полный список слов и их форм, над которыми имеются соответствующие знаки, т. е. 'и'. На основе суммированных данных ученый делает следующий вывод: «Из предложенного списка слов с ударениями можно видеть, что в большинстве случаев ударения в словах совпадают с нашим литературным произношением, но есть немало и отступлений. Одни из них совпадают с теперешним живым белорусским произношением и малорусским; другие же только с малорусским, так как некоторые из таких слов неупотребительны в белорусском наречии, или, по крайней мере, об употреблении их нам ничего не известно; есть слова, в ударении которых следует видеть польское влияние; наконец, попадается несколько совершенно непонятных нам случаев»[33].

Таким образом, в этой работе Е. Ф. Карский положил начало научному изучению исторической акцентологии белорусского языка, которое будет продолжено затем в других его трудах. Насколько важным является этот аспект в лингвистической деятельности ученого, можно судить хотя бы по тому, что в конце XIX в. ни один акцентолог еще не оперировал белорусскими фактами систематически из-за отсутствия необходимых данных по материа-

---

[32] *Карский Е. Ф.* Указ. соч., с. 264.
[33] Там же, с. 268.

лам старобелорусской письменности и современных говоров [34].

Как для славистики в целом, так и для белорусистики специально этот оригинальный труд Е. Ф. Карского ценен также в лексикологическом отношении, поскольку ученый опубликовал здесь (см. с. 270—424) параллельный словарь старославянской лексики, извлеченной из Синайской псалтыри (издана Гейтлером в 1883 г. в Загребе), и белорусской лексики, содержавшейся в переводах псалтыри XVI и XVII вв.; автор приводит в словаре и лексические эквиваленты, которые имелись в тексте польской псалтыри Врубеля 1540 г. Для наглядности приведем несколько примеров из этого указателя: *агньць — ѧгнѧ, адовъ — пекельный; безгодьѥ — непо-ѧтко; благъ — добръ; благодѣть — ласка; бразда — борозна; брань — война, валка; вєльи — великїй; вѣжди — брыви; дѣлати — чинити; ѥгда — коли; ѥлико — сколько; жажда — жажа; зѣло — велми; кивотъ — скрынѧ.*

В рассматриваемой книге, как и в некоторых других работах, Е. Ф. Карский убедительно показывает факторы, приведшие к основательному вытеснению старославянского языка старобелорусским письменным языком еще в XVI — начале XVII в., причем обращается внимание на то, что данный процесс в сильной степени коснулся и всей духовной литературы. Этой особенностью Белоруссия, входившая в состав Великого Литовского княжества и

---

34 См. лишь отдельные белорусские примеры в работах Р. Ф. Брандта «Начертание славянской акцентологии» (Нежин, 1880) и А. А. Потебни «Ударение» (Киев, 1973).

Польского королевства, отличалась, по верному утверждению Е. Ф. Карского, от Московского государства, где традиции употребления старославянского (церковнославянского) языка оказались более прочными и более продолжительными. Ученый писал: «Изучая памятники старого западнорусского наречия, мы сталкиваемся с одним очень интересным и на первый взгляд непонятным явлением: тогда как в Московской Руси языком св. писания и богослужебным служит церковнославянский в русской его редакции, в Литве сначала изредка, а затем все чаще и чаще место церковнославянского языка в книгах св. писания заступает местный народный говор белорусский, подчас сильно подправленный польскою речью. Это обстоятельство особенно бросается в глаза, так как языком церкви и здесь все время юридически оставался церковнославянский» [35].

Верный историческому и сравнительно-историческому методу в языкознании, Е. Ф. Карский занимался решением вопросов развития белорусского языка от древности до нашего времени также в отдельных работах, написанных уже в XX в. Это, в частности, статьи «Западнорусский ярлык хана Золотой орды Тохтамыша к польскому королю Ягайлу 1392—1393 гг.» [36], «К истории белорусского языка в XVII столетии» [37] и популярный очерк «Белорусская речь. Очерк народного языка с историческим освещением» (Пг., 1918, 60 с.). Первая из указанных статей ценна публикацией текста

---

[35] *Карский Е. Ф.* Указ. соч., с. 1.

[36] РФВ, 1916, т. 75, с. 169—171.

[37] Изв. по РЯС АН СССР, Л., 1930, т. 3, кн. 1, с. 55—74.

ярлыка, написанного белорусским языком конца XIV в. Вторая статья посвящена палеографическому и лингвистическому анализу Триоди цветной, относящейся к третьей четверти XVII в. Автор отмечает, что «язык рукописи в общем церковнославянский русской редакции. Местами в нем встречаются местные белорусские черты (больше полесские). Тут мы имеем и много материала для суждения об ударении, где могут быть и живые белорусские черты и украинские, а в некоторых случаях и югославянские»[38]. Е. Ф. Карский довольно подробно охарактеризовал фонетические, морфологические, синтаксические черты, привел полный список акцентированных форм и список наиболее интересных слов.

Продолжая разрабатывать белорусскую историческую акцентологию, ученый и в данной работе показывает своеобразие в постановке ударения в разных частях речи, обусловленное неоднородностью языка этого памятника: «В рассматриваемой рукописи,— пишет автор,— на словах почти везде проставлены знаки ударения, иногда даже по два на одном слове. Если сравнить эту акцентовку с современным произношением, то очень часто окажется большая разница: в некоторых случаях будет совпадение с современным произношением общерусским или белорусским, в других — совпадение будет с местным белорусским или украинским, а кое-где совпадения с живыми говорами не окажется, и придется искать источник его в югославянском, особенно в

---

[38] *Карский Е. Ф.* Труды по белорусскому и другим славянским языкам, с. 486.

болгарском произношении»[39]. Для исторической акцентологии интерес представляют, в частности, словоформы винительного падежа единственного числа женского рода, в которых благодаря известным причинам ударение в белорусском языке переместилось на последний слог: *землю́, на землю́, на горȣ́, за рȣ́кȣ́, водȣ́* и т. п.

Среди редких слов приводятся характерные для белорусского языка аффиксальные образования типа *второк* 'вторник', *понеделокъ* 'понедельник', *беспаметливъ, диаконство, дѣтинный,* которые отличаются от соответствующих образований русского языка.

В третьей из названных работ Е. Ф. Карский снова обращается к проблеме формирования белорусского языка и его литературной обработки в эпоху средневековья. «Современная белорусская речь,— пишет он,— сложилась постепенно, исторически, из языка тех древнерусских племен, которые преимущественно в эпоху литовского господства легли в основу белорусской народности»[40]. Несколько ниже это положение уточняется: «В основу белорусского языка легла западная ветвь средненерусских говоров, вследствие этого естественно, что он находится в самой близкой связи с южновеликорусским наречием, и многие черты последнего свойственны и белорусским говорам...»[41]

---

[39] *Карский Е. Ф.* Труды по белорусскому и другим славянским языкам, с. 492.

[40] *Карский Е. Ф.* Белорусская речь. Очерк народного языка с историческим освещением, с. 8.

[41] Там же, с. 17.

По мнению ученого, разные стороны белорусского языка развивались неравномерно: если в XIII—XVI вв. фонетические и морфологические особенности уже в основном определились, то синтаксис и словарный состав продолжали изменяться, причем с XV в. и особенно в XVI—XVII вв. сильное влияние оказывал польский язык. Это влияние в большей мере заметно в белорусском литературном языке, который сложился на западнорусской народной основе в течение XIII—XVI вв. Е. Ф. Карский указывает, что «выработавшийся к концу XVI в. литературный западнорусский язык преизобиловал массой полонизмов, конечно, преимущественно в словаре; рядом с ним существовал язык простого народа — довольно чистый русский язык, тоже не свободный от полонизмов, но вообще говоря — имевший их мало. Фонетические (в звуках) и морфологические (в словообразовании) особенности в том и другом языке развивались сообща, сходно; но синтаксис в литературном часто отступал от народного, а словарь еще больше расходился особенно в произведениях переводных...» [42].

В белорусском языкознании до настоящего времени остается дискуссионным вопрос о том, как долго старый белорусский литературный, точнее, письменный язык выполнял свою общественную роль и в каких сферах он мог применяться после XVII в. ввиду изменившихся политических обстоятельств жизни белорусского народа. Е. Ф. Карский на этот вопрос дал достаточно определенный ответ: «Играть роль литературного и официального языка ему

---

[42] *Карский Е. Ф.* Указ. соч., с. 10.

(белорусскому языку.— *М. Б.*) пришлось долго. Лишь в самом конце XVII в. он был вытеснен из судебно-административной практики польским языком, но в других областях он продолжал существовать (хотя и был большею частью заключен в польское письмо) до конца XVIII столетия»[43].

Далее Е. Ф. Карский отмечает, что с начала XIX в. вновь предпринимались попытки дать литературную обработку белорусского народного языка. Нельзя не согласиться с мнением ученого, что более или менее удовлетворительной обработки для собственно литературных целей белорусский народный язык достиг только в конце XIX — начале XX в.

Таким образом, и в этой небольшой работе Е. Ф. Карский осветил важнейшие моменты формирования белорусского языка вообще и белорусского литературно-письменного языка в частности. Высказанные им теоретические положения сопровождались соответствующим иллюстративным материалом по фонетике, грамматике и лексике.

Разнообразные вопросы истории белорусского языка рассматриваются Е. Ф. Карским также в работах «Доктор Франциск Скорина. По поводу 400-летия его печатных изданий (1517—1917)»[44], «Четыреста лет русской книги (1525—1925)»[45], «К вопросу о деятельности д-ра Франциска Скорины»[46], (рец.) Воўк-Лев анoвiч О. В. Мова выданняў Францiшка Ска-

[43] *Карский Е. Ф.* Белорусская речь. Очерк народного языка с историческим освещением, с. 10—11.

[44] Чырвоны шлях, Мiнск, 1918, № 3-4, с. 13—16.

[45] Наука и техника, Л., 1925, № 23, с. 1—3.

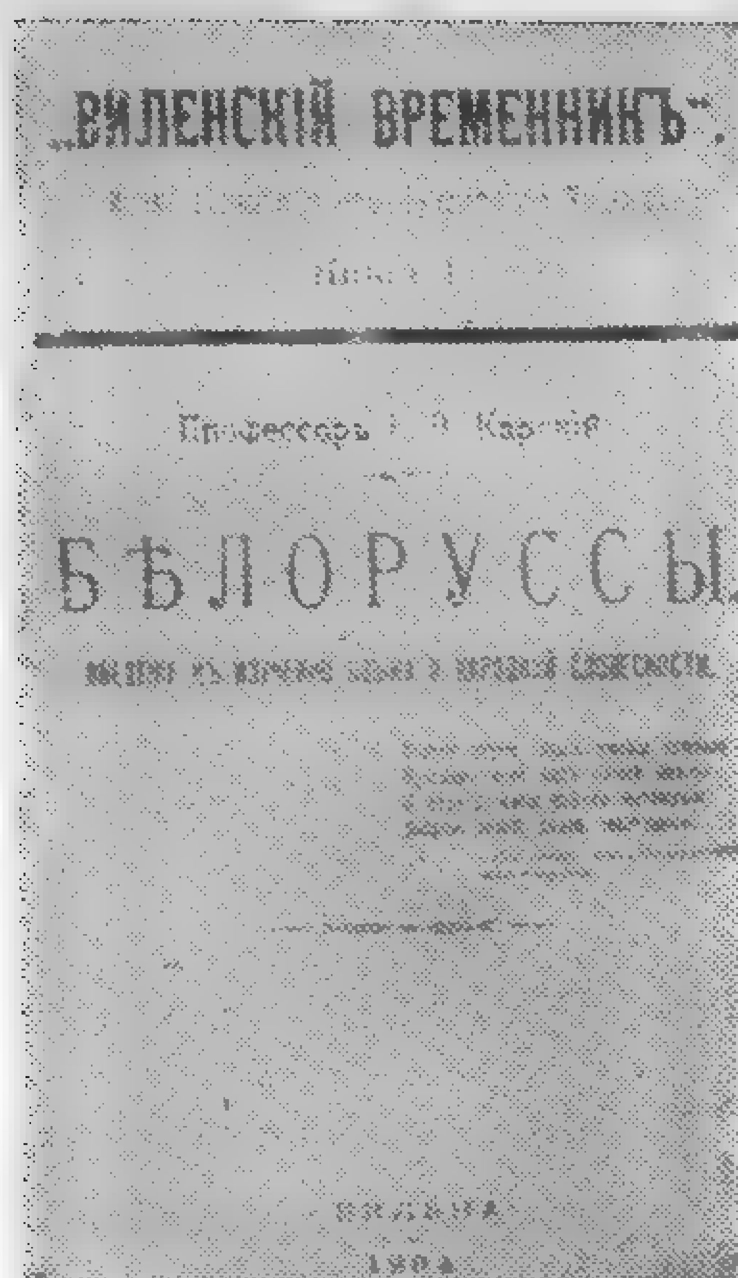
[46] Изв. по РЯС АН СССР, 1928, т. 1, кн. 1, с. 325.

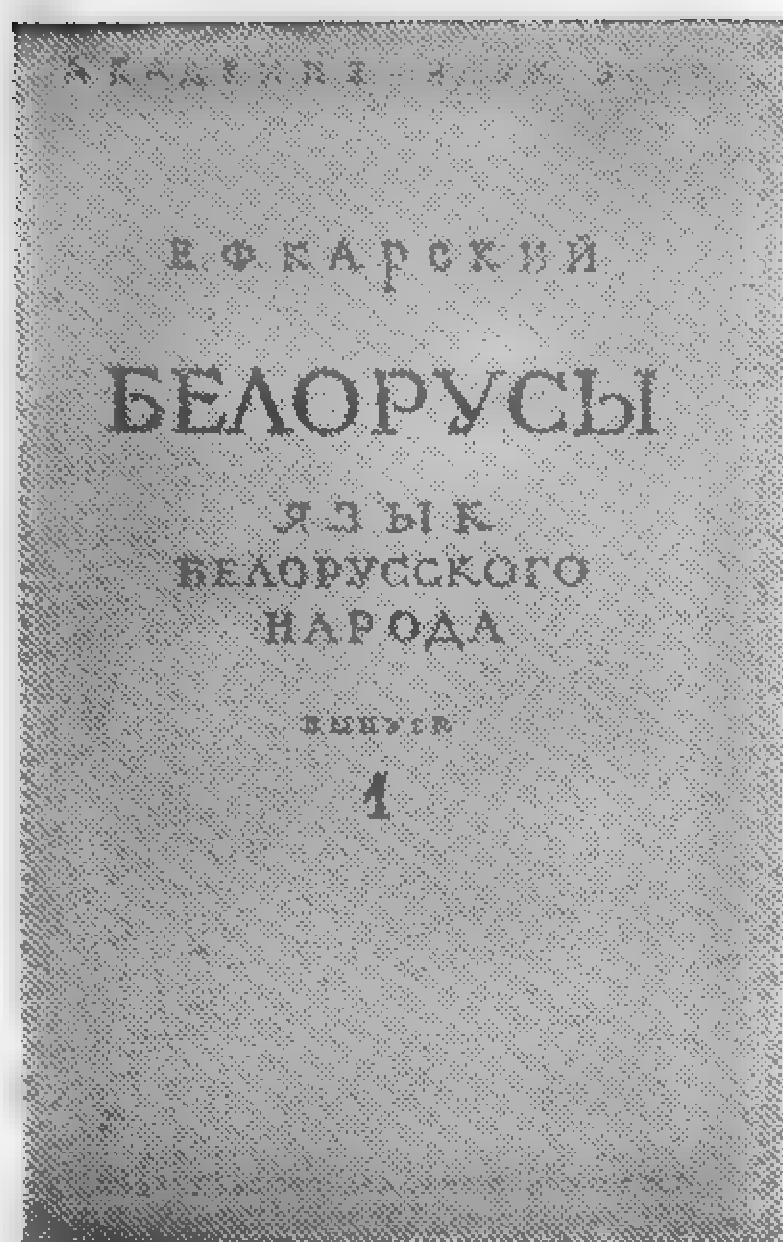
рыны (Мінск, 1927); «Форма «прошлага ў будучым» (буду+лъ) у мове дакументаў «Лідоўскай метрыкі» (Мінск, 1927) [47]; «Беларускі пісьменнік канца XVI в. Андрэй Рымша» [48], «Беларускі пісьменнік канца XVI і пачатку XVII ст. Тодар Еўлашэўскі» [49], «Аршанскі стараста Філон Сымонавіч Кміта-Чарнабыльскі» [50], «Старажытная памятка ў жывой народнай беларускай мове (Інтэрмедыя 1651 г.)» [51], «Беларускія летапісы» [52], «О некоторых особенностях белорусского языка» [53] и др.

Несмотря на большое научное значение рассмотренных в данной главе работ, многие явления белорусского языка в его историческом развитии не получили еще полного освещения, а главное, не описаны были в целом звуковая и грамматическая системы, а также словарный состав как старобелорусского, так и современного белорусского языка, не определены были территориальные границы последнего.

Эту грандиозную по своему характеру задачу Е. Ф. Карский блестяще решил в многотомном обобщающем труде «Белорусы»: т. 1. Введение к изучению языка и народной словесности (Варшава, 1903, X, 466 с.; то же: «Виленский временник», 1904, X, 466 с.); т. 2. Язык белорусского племени. Вып. 1. Исторический очерк звуков белорусского наречия

[47] Изв. по РЯС АН СССР, 1928, т. 1, кн. 1, с. 331.
[48] Звон, Мінск, 1919, 17 сент.
[49] Звон, Мінск, 1917, 17 окт.
[50] Беларусь, Мінск, 1919, 21 окт.
[51] Беларусь, Мінск, 1919, 24 дек.
[52] Беларусь, Мінск, 1920, 24, 27, 28 марта.
[53] Symbolae grammaticae in honorem Joannis Rozwadowski. Cracoviae, 1927, v. II, S. 291—296.

Виленское издание 1-го тома книги Е. Ф. Карского «Белорусы» (1904)

Новое издание лингвистических частей «Белорусов» Е. Ф. Карского (Москва, 1955)

(Варшава, 1908, IV, XXIV, 579 с.; то же под назв. «Язык белорусского народа. Вып. 1. Исторический очерк звуков белорусского языка». М., 1955, 475 с.); Вып. 2. Исторический очерк словообразования и словоизменения в белорусском наречии (Варшава, 1911, XV, 423 с.; то же под назв. «Язык белорусского народа. Вып. 2. Исторический очерк словообразования и словоизменения в белорусском языке». М., 1956, 302 с.); Вып. 3. Очерки синтаксиса белорусского наречия. Дополнения и поправки (Варшава, 1912, XV, 347 с.; то же под назв. «Очерки синтаксиса белорусского языка».—

В кн.: *Карский Е. Ф.* Белорусы. Язык белорусского народа. М., 1956, с. 303—518); т. 3. Очерки словесности белорусского племени. Вып. 1. Народная поэзия (М., 1916, XIV, 557 с.); Вып. 2. Старая западнорусская письменность (Пг., 1921, VIII, 242 с.); Вып. 3. Художественная литература на народном языке (Пг., 1922, XVIII, 452 с.). Отдельными частями эта монография Е. Ф. Карского печаталась также в «Варшавских университетских известиях» (1908, 1912) и в «Русском филологическом вестнике» (1908, 1911, 1913, 1916).

Свою лингвистическую концепцию, касающуюся истории белорусского языка, Е. Ф. Карский последовательно излагает во всех томах «Белорусов», хотя материалы по выпускам распределены неравномерно в связи с тем, что в монографии решаются также общефилологические задачи белорусоведения.

В предисловии к 1-му тому «Белорусов» автор указывает, что им задуман труд по истории белорусского языка, включая фонетику, морфологию, синтаксис и словарный состав. При этом подчеркивается задача составления «особого словаря старого западнорусского языка» и словаря современного народного белорусского языка. Но «прежде чем приступить к составлению таких словарей,— отмечал Е. Ф. Карский,— необходимо точно уяснить себе область белорусского племени, наметить основные элементы, вошедшие в состав языка, привести в известность и критически оценить имеющиеся лингвистические материалы»[54]. Эти моменты ученый и стремился прежде все-

---

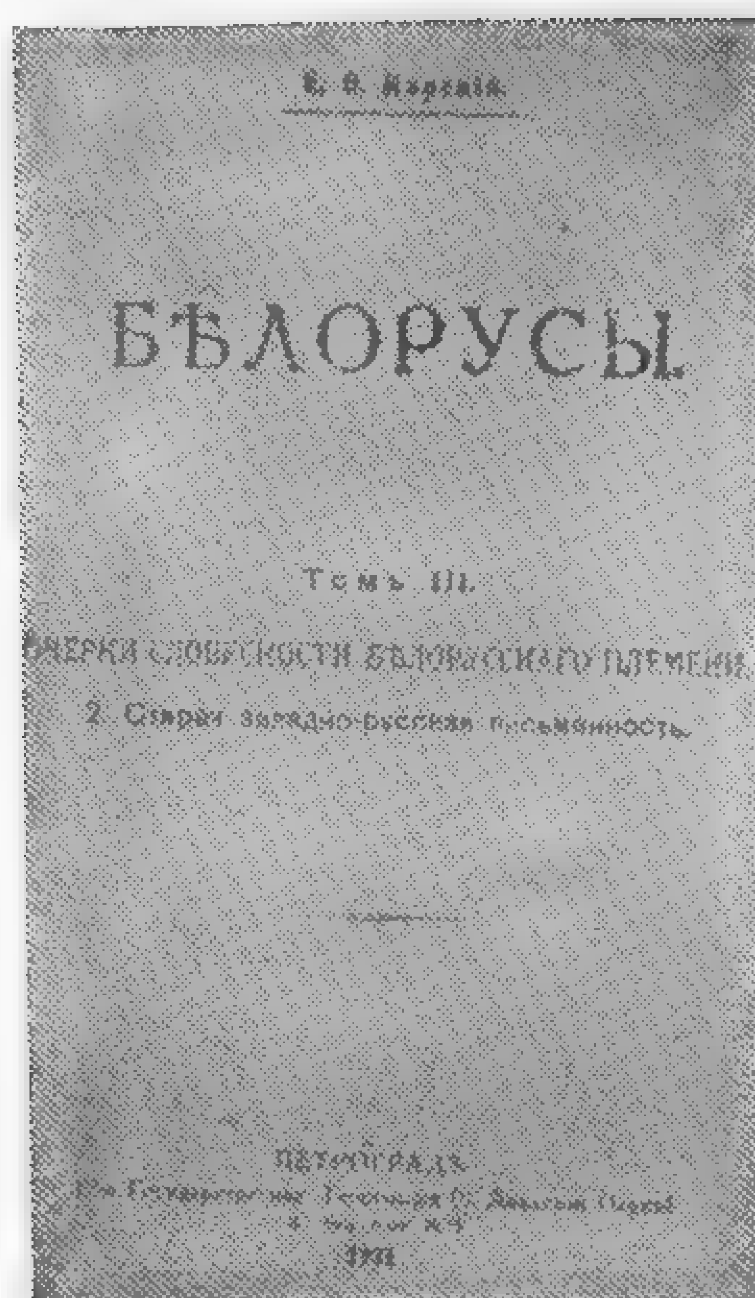
[54] *Карский Е. Ф.* Белорусы. Вильна, 1904, т. 1, с. 3.

го выяснить в данной книге «Белорусов», имевшей подзаголовок «Введение к изучению языка и народной словесности».

В этом томе «Белорусов» Е. Ф. Карский неоднократно обращается к истории словарного состава белорусского языка. Так, в 1-й главе он пишет о связи языка народа с характером занимаемой им территории и особенностями общественной жизни в разные исторические периоды; он замечает, что «природа оказывает большое влияние на ход народной жизни, на ее историю, а вместе с тем и на развитие языка, а также изменения в нем» [55]. Данное положение касается, конечно, в первую очередь лексической стороны языка. Действительно, выясняя вопросы этногенеза белорусов, автор книги опирается не только на собственно исторические данные, но и на географическую номенклатуру белорусской территории. Здесь собраны важнейшие сведения по этимологии гидронимов бассейнов Западной Двины, Немана, Днепра, Березины, Припяти, Сожа, Десны, Верхней Волги [56]. В результате рассмотрения названий рек и озер Е. Ф. Карский пришел к выводу, что непосредственными предшественниками славян, составивших белорусскую народность, были балты — литовцы и латыши, которые жили главным образом по Западной Двине и Неману, на юге доходя до левых притоков Припяти, а на востоке — до Оки. О продвижении на эту территорию предков белорусов Е. Ф. Карский говорит следующее: «Главная масса славян, составивших белорусское

---

[55] *Карский Е. Ф.* Белорусы. Вильна, 1904, т. 1, с. 4.
[56] Там же, с. 44—62.

Книга Е. Ф. Карского «Белорусы», т. 3. Очерки словесности белорусского племени, [вып.] 2. Старая западнорусская письменность (Петроград, 1921)

племя, двинулась с юга (с Припяти и ее притоков) и запада (быть может, с Западного Буга и Нарева) сначала к Неману, а отсюда до Западной Двины на севере и до Десны и Оки на востоке» [57].

В связи с этим же вопросом Е. Ф. Карский выясняет состав этнонимов — названий восточнославянских племен, которые, как полагают, первоначально заселяли места, где сейчас живет основная масса белорусов: дреговичи, радимичи, вятичи, кривичи [58].

Немаловажное значение при выяснении контактов предков современных белорусов с соседними народностями имеют лексические заимствования, о которых Е. Ф. Карский гово-

---

[57] *Карский Е. Ф.* Указ. соч., с. 63.
[58] Там же, с. 65—81.

рит следующее: «В древнейшую же эпоху жизни белорусского наречия, как языка некоторых русских племен, и еще раньше — как члена неделимого русского языка, в него начинают заходить и чужие слова, прежде всего от ближайших соседей финнов и отчасти скифских племен»[59]. На основании лексикологических исследований А. М. Шёгрена, Я. К. Грота и М. П. Веске ученый устанавливает, что «у финнов белорусы... в разное время сделали незначительное количество заимствований»[60]. Это, в частности, такие слова, как *азарод, вехоть, корж, котýх, лемёшка, лы́ндать, ля́пать, мýлять (мýлить), нéвод, паркан, селява, сермя́га, турить* 'гнать', *торкать, хмель.* Однако ученый не считает окончательно решенным вопрос об отнесении буквально всех этих слов к числу финнизмов[61].

Что касается иранизмов, то, по верному замечанию Е. Ф. Карского, они перешли в белорусский язык из древнерусского, а в последнем были заимствованы от скифов или при посредстве их. Таких слов совсем немного: *бог, жерства* 'дресва', *собака, топор, хата*[62]. Относительно этих слов в этимологических исследованиях нашего времени также имеются разногласия.

В 4-й главе книги Е. Ф. Карский подробно рассматривает историю лексических заимствований в белорусский язык из литовского и латышского языков. Он отмечает, что часть таких

---

[59] *Карский Е. Ф.* Указ. соч., с. 105.
[60] Там же, с. 106.
[61] Там же, с. 108—109.
[62] Там же, с. 109.

слов зафиксирована старобелорусской деловой письменностью XIV—XVII вв. (*брогъ* 'стог', *велдомый* 'крепостной, зависимый', *дякло* 'подать, пошлина', *жибинтяи* 'лица, поставлявшие отопление и освещение для полоцкого двора', *кетвиртайни* 'мера поля, четверть', *койминцы* 'крестьяне, живущие не в дворе вотчинника, а отдельным домом', *меделанские псы* 'охотничьи псы', *мезлево, -а, мезлевщина* 'подать от коров', *отмет* 'паровое поле', *пентиницкие пенези* 'пошлина с дровосеков, посокерщина', *ройтиники* 'конокормцы, лошадиные пастухи', *доносъ* 'хлеб, печеный хлеб', *кумсъ* 'князь', *мейсе* 'хлеб' — из латыш.) [63].

Значительную часть заимствований из литовского и латышского языков сохранили белорусские говоры. Е. Ф Карский приводит как диалектизмы следующие слова: *алёс* 'топь, зыбкое место, болото', *ару́д* 'закром', *ата́рица* 'частица земли, засеянная работником в свою пользу', *бари́ць* 'журить, бранить' или 'медлить', *ва́нчос, ва́нчес* 'дубовый брус', *вы́пса* 'насмешливое выражение лица', *га́лиць* 'возбуждать желание', *га́ленне* 'сильное желание', *галу́за* 'шалун', *ге́рбоваць* 'брезгать', *гни́биць, погни́биць* 'довести до нищеты', *гру́ца* 'толченый ячмень для крупы', *гу́дзиць, згу́дзиць* 'поносить' и др.[64] Исследователь отмечает также, что к числу белорусских заимствований из литовского и латышского языков следует отнести некоторые фамилии, прозвища, названия урочищ на белорусской территории. По подсчетам Е. Ф. Карского, «белорусы заняли у ли-

---

[63] *Карский Е. Ф.* Белорусы, т. 1, с. 125—127.
[64] Там же, с. 127—137.

товцев и латышей около 36 слов общераспространенных и около 54 слов, известных только отчасти в некоторых местах, отчасти лишь в старинных памятниках»[65]. В тематическом отношении лексика литовского и латышского происхождения не очень разнообразна. Как отмечает Е. Ф. Карский, это в основном слова, относящиеся к земледелию, рыбной ловле, бытовой сфере, изредка встречаются обозначения понятий умственно-мыслительной деятельности человека.

Всякий раз обращаясь к проблеме лексических заимствований из балтийских языков в белорусский язык, Е. Ф. Карский стремился выяснить исторические причины взаимопроникновения восточнославянской лексики в литовский и латышский языки и, наоборот, лексики этих языков в белорусский и русский языки[66]. Так что его по праву можно считать одним из первых исследователей в этой области языкознания. Ясно, что в начале XX в. общий уровень историко-лексикологических исследований был еще сравнительно невысок, поэтому не все аспекты данной проблемы в трудах Е. Ф. Карского освещены в одинаковой степени. Но идеи ученого не остались забыты-

---

[65] *Карский Е. Ф.* Белорусы, т. 1, с. 137—138.

[66] См. еще следующие работы Е. Ф. Карского: К вопросу о влиянии литовского и латышского языков на белорусское наречие. — В сб. статей, посвященных Ф. Ф. Фортунатову. Варшава, 1902, с. 468—491; то же: РФВ, 1903, т. 49, № 1-2, с. 1—23; Літоўцы, латышы і беларусы: узаемныя ўплывы на мову. — Беларусь, 1920, № 141; Культурные завоевания русского языка в старину на западной окраине его области. — Изв. ОРЯС АН, 1925, т. 29, с. 1—22; то же: Л., 1925, 22 с.

ми; то, что он часто выдвигал только в порядке постановки вопроса, осуществлено или продолжает разрабатываться в наше время. Так, проблемы белорусско-балтийских и балтийско-белорусских лексических взаимоотношений стали предметом специальных исследований А. А. Вержбовского, Н. В. Бирилло и А. П. Ванагаса, Е. М. Катоновой и др.

Историко-лексикологические вопросы большое место занимают в пятой главе 1-го тома «Белорусов». Здесь речь идет о древних и более поздних заимствованиях из польского и западноевропейских языков. Е. Ф. Карский выясняет все лингвистические и нелингвистические факторы, которые способствовали в прошлом проникновению в белорусский язык полонизмов и западноевропеизмов, а затем приводит сводные комментированные списки этих заимствований.

Полонизмы он делит на две группы: а) общеупотребительные или довольно распространенные (*абецáдло* 'азбука', *абó, абóж, абы́, áжбы, áльбо, áцю, ат* 'ну вот', *бáва* 'промедление, забава', *багнó, бáгна, барщ, бáчиць, брáма, бруд, брýдный, бы́дло, вáпна, вильгóта, глей, гручóлы* 'железы', *гуз, егóмосць, жáдный, жóдный, жвáвый, жебрáк, зух, зуховáцца, зы́чиць, жи́чиць, келзáць, кобéта, лáтвый* и др.); б) менее употребительные, больше известные бывшим дворовым или шляхте (*азáж* 'разве', *анивэ́зь* 'никак', *байбóс, бáйбус* 'высокорослый', *бáчность* 'осторожность', *безéцный* 'бесчинный', *вáбиць* 'манить', *вáспан, вéльбиць* 'хвалить', *взгáрда* 'презрение' и др.).

По подсчетам Е. Ф. Карского, белорусский народный язык заимствовал у польского языка

около 65 слов [67], но в старой белорусской письменности, особенно в XVI—XVII вв., их было, конечно, значительно больше [68]. Этот факт он объясняет усилением в указанный период пропаганды католицизма, укреплением польской администрации, переходом на польскую речь в юридической и административной сфере. Общим следствием этих обстоятельств было то, что «приняв в себя много элементов польского языка и сделавшись вследствие этого очень искусственным и уродливым, литературный западнорусский язык стал на пути постепенного его вытеснения польским языком». Вместе с этим Е. Ф. Карский отмечает, что «в народной белорусской речи, дошедшей до нас, полонизмов еще не так много, как можно бы ожидать» [69].

Можно вполне согласиться с мнением Е. Ф. Карского о том, что через польское посредство в старобелорусский язык вошла часть лексики, являющейся по происхождению латинской, немецкой, французской, итальянской и т. д. Что касается германизмов, то они «отчасти могли быть позаимствованы и самостоятельно у немцев, так как белорусы иногда соприкасались с ними непосредственно» [70].

Среди западноевропеизмов Е. Ф. Карский также выделяет слова общеупотребительные или довольно распространенные в белорусском языке (*акурат, аркýш, арендáрь, арéшт, армáта, бáкир,* 'набекрень', *балéя, бáлька, бэ́лька,*

---

[67] *Карский Е. Ф.* Белорусы, т. 1, с. 150.

[68] См., например, данные в словаре: *Булыка А. М.* Даўнія запазычанні беларускай мовы. Мінск, 1972.

[69] *Карский Е. Ф.* Белорусы, т. 1, с. 143.

[70] Там же, с. 144.

баля́сы, ба́нда, бары́ла, 'боченок', *бо́хон, бра́га, бры́жи* 'кружева', *брук* 'каменная мостовая', *бришты́н, буршты́н* 'янтарь' и др.) и слова менее употребительные или совершенно неизвестные белорусскому народному языку; они были распространены главным образом среди католиков и белорусской шляхты (*абсолю́ция* 'католическое разрешение от грехов исповедающегося', *авантю́ра, адама́шка, аза́рдник* 'задорный', *окави́тка* 'водка', *аксами́тка,* 'огородная гвоздика', *альта́на* 'мезонин, беседка', *амбара́с* 'хлопоты', *арца́бы* 'шашки' и др.).

Ценно то, что при иноязычных словах Е. Ф. Карский указывает первоначальный источник их (немецкий, итальянский, латинский, французский языки) и в соответствующих случаях западнославянские параллели. При этом обращается внимание на изменение смысла и формы заимствований, что очень важно для историко-этимологических исследований.

О заимствованиях из чешского языка Е. Ф. Карский говорит лишь в связи с переводческой деятельностью Ф. Скорины, который пользовался текстом чешской библии 1506 г. и знал живую речь пражан начала XVI в. По мнению ученого, чехизмы употреблялись почти исключительно в переводных произведениях и не могли непосредственно проникать в белорусскую народную речь [71].

При рассмотрении лексических заимствований из еврейского языка ученый подчеркивает, что в большом количестве гебраизмы не могли быть усвоены белорусским языком, так как «свой жаргон евреи употребляют только в раз-

---

[71] *Карский Е. Ф.* Белорусы, т. 1, с. 170.

говоре между собою, как некоторого рода тайный язык, с белорусами же всегда стараются говорить на народном языке»[72]. Из еврейского или через еврейский из немецкого и других языков были заимствованы всего несколько слов, относящихся к области быта, религии, торговли и ремесла: *агýндер* 'собачий сын', *балабóс* 'хозяин, хозяйка' (про евреев), *балагóла, балагýла* 'большая крытая повозка', *бейзехалэ́ймус* 'плохой конец, беда', *бэ́бухи* 'внутренности', *гармúдар* 'страшный шум', *дзúбаць, цúбриць* 'красть', *кагáл* 'еврейское духовное общество', 'толпа', *капцáн* 'оборвыш', *кум-гéр, кумагéр* 'приглашение идти', *пэ́йсах* 'пасха', *ребóхи* 'плутовские доходы', *слимазáрник* 'пачкун', *фанабéрия* 'заносчивость', *халá* 'пшеничная булка', *хаврýс* 'товарищество', *цы́мас* 'вид кушанья', *шáбас, шáбаш, шáхер* 'плут' и др. Анализу этой лексики исследователь посвятил также отдельные статьи[73].

В указанной главе Е. Ф. Карский характеризует и те немногочисленные слова, которые в разное время и разными путями попали в белорусский язык из тюркских и других восточных языков: *андарáк, небажá, бáйда, бáкаць* 'многословить', *бакýн* 'худший сорт табаку', *баламýт* 'забавник, обманщик', *богаты́рь* 'богатый человек', *бары́ш, балабáн* и др.[74]

Далее характеризуются отдельные лексические заимствования из языков кельтского

---

[72] *Карский Е. Ф.* Белорусы, т. 1, с. 171.

[73] Беларусь, 1920, 5 и 6 июня; Утро Белоруссии, 1920, 9, 11 и 15 июня.

[74] Этому вопросу посвящена также статья Е. Ф. Карского «Цюрка-татарскія элементы ў беларускай мове». — Беларусь, 1920, 4 июня.

(*бот, тын, тынок, затыниць*), греческого (*кадка, кадушка, криница, кмен, кмин, мак, оладья, оладка, хайтуры, чабор*), латинского (*байструк* 'незаконнорожденный', *бульба, коляда, коляды, кот, ягня*), готского (*бéрка* 'березовый сок', *бóндарь, бочка, гнида, гурок, кнут, коцёл, крупы, крупа, кульгаць, лапик* 'лоскут', *меч, пáсма, пилá, ремéнь, сталь*), дако-фракийского (*конóпли*), румынского (*букáтка* 'печеный хлеб').

В данном томе «Белорусов», а также в других работах Е. Ф. Карский определенное место отводит вопросу о собственно белорусской лексике. Здесь приводятся, в частности, сводные данные об исследовании истории названия «Белая Русь» (из работ А. А. Потебни, В. И. Ламанского и др.) и высказывается предположение, что этот термин мог быть в старину мотивирован внешними признаками белорусов, т. е. их белой одеждой и голубыми или светло-серыми глазами [75]. Что касается времени возникновения данного названия, то Е. Ф. Карский с достаточным основанием считал, что оно не могло появиться раньше термина «Великая Русь» [76]. Проблемами происхождения белорусов и их этнического названия ученый занимался и в последний период своей деятельности, о чем свидетельствуют его работы, опубликованные уже в советскую эпоху [77].

---

[75] *Карский Е. Ф.* Белорусы, т. 1, с. 117.

[76] Там же.

[77] *Карский Е. Ф.* У справе тэрміна «беларус», «беларускі» і «Беларусь». — Беларусь, 1920, 4 марта; Белорусы. — Большая Советская Энциклопедия. М., 1927, т. 5, с. 422—426.

Следует отметить, что одновременно с Е. Ф. Карским и после его смерти указанные проблемы затрагивались и другими исследователями [78], но до настоящего времени они не получили однозначного решения.

Таким образом, если суммировать все лексикологические наблюдения Е. Ф. Карского, содержащиеся в его работах о языке старобелорусских письменных памятников, фольклорных и литературных произведений, а также о современных говорах, то получится довольно стройная картина, которая отражает историческое развитие словарного состава белорусского языка от древнерусской эпохи до начала XX в. Как и другие явления белорусского языка, словарный состав изучался Е. Ф. Карским в его разносторонних связях с лексикой других родственных и неродственных языков, что требовало прежде всего использовать исторический и сравнительно-исторический методы исследования. Поэтому мы вправе считать Е. Ф. Карского основоположником исторической лексикологии белорусского языка. Именно благодаря его трудам у нас после Великой Октябрьской социалистической революции было продолжено историческое изучение лексики и фразеологии белорусского языка. И несмотря на то, что теперь мы уже располагаем значи-

---

[78] *Кудринский Ф.* Белорусы. Общий очерк. Вильна, 1904; *Сапунов А.* Белоруссия и белорусы. — Витебские губернские ведомости, 1910, 3 и 4 октября; то же отд. отт. Витебск, 1910; *Суліміpскi Ю.* Аб назвах Крывія і Беларусь.— Крывіч, 1925, № 10; *Ильинский Г. А.* К вопросу о происхождении названия «Белая Русь». — Slawia, 1927, roč 6, seš 2-3; *Крапівін П. Ф.* Паходжанне назваў «Русь», «Белая Русь», «Чорная Русь» і «Чырвоная Русь». — Весці АН БССР. СГН, 1956, № 3.

тельным количеством исследований в данной отрасли белорусистики [79], основные положения Е. Ф. Карского по истории белорусской лексики остаются в силе. Он впервые поставил эту проблему на конкретно-историческую почву, привлекая данные сравнительного изучения праславянской, древнерусской и собственно белорусской лексики. Ученый точно определил место иноязычной (неславянской) лексики в словарном составе письменных старобелорусских памятников и современных белорусских говоров.

В 1-м томе «Белорусов» Е. Ф. Карский рассматривает не только словарный состав, но и вообще весь строй белорусского языка периода его формирования на основе западных древнерусских говоров. В 3-й главе книги ставятся два главных вопроса: 1) каким был язык «русских племен», которые заселяли белорусскую территорию в древнейшее время; 2) какими особенностями старобелорусский язык стал отличаться от языка великорусского и украинского.

---

[79] См., например, следующие работы: *Булахаў М. Г.* Да пытання аб асноўным слоўнікавым фондзе і слоўнікавым саставе старажытнай беларускай мовы. — Працы Ін-та мовазнаўства АН БССР, 1954, вып. 2; *Он же.* Аб словаўтварэнні скарынінскіх выданняў. — В кн.: 450 год беларускага кнігадрукавання. Мінск, 1968; *Он же.* Гісторыя прыметнікаў беларускай мовы. Ч. 3. Лексікалагічны нарыс. (Агульнаславянская лексіка). Мінск, 1973; *Крапивин П. Ф.* Словарный состав «Отписов» Филона Кмиты-Чернобыльского. (К вопросу о словарном составе белорусского литературного языка второй половины XVI в.). — АКД. Минск, 1954; Гістарычная лексікалогія беларускай мовы. Мінск, 1970; *Анічэнка У. В.* Слоўнік мовы Скарыны / Пад рэд. акад. В. І. Баркоўскага. Мінск, 1977, т. 1, и др.

Для выяснения этих вопросов автор анализирует общеславянские и общерусские явления в фонетике и грамматике, в частности качество гласных и согласных, именные и глагольные формы; затем внимание сосредоточивается на звуковых и грамматических чертах, которые «по распадении русского праязыка на отдельные части» продолжали развиваться в западнорусских говорах. В первую очередь отмечается появление согласного *h*, относительно которого Е. Ф. Карский говорит: «Этот звук наша группа говоров пережила вместе с другими среднерусскими говорами (дреговичи, радимичи, вятичи, северяне) и южнорусскими (древляне, волыняне, может быть, поляне и др.)» [80]. Свои доказательства ученый строит на показаниях современных белорусских, южновеликорусских и украинских говоров и на фактах, содержащихся в сочинении Константина Багрянородного, где в составе названия днепровского порога имеется написание Πράχ.

Далее автор утверждает, что сравнительно с общерусским языком в западнорусских говорах стало развиваться более сильное произношение слогов ударяемых и более слабое произношение слогов неударяемых, что могло бы послужить началом аканья, однако «современное белорусское аканье развилось значительно позже (около XIV в.)» [81].

Типичной западнорусской чертой Е. Ф. Карский считал появление неслогового звука *ў* (на месте гласного *у* в начале слова в безударном слоге перед согласными и на месте *в*

---

[80] *Карский Е. Ф.* Белорусы, т. 1, с. 96.
[81] Там же, с. 97.

перед согласными и на конце слов). По верному утверждению ученого, «это явление западнорусские говоры переживали отчасти вместе с восточной половиной среднерусских говоров, а главным образом вместе с южнорусскими. Вероятно, вследствие склонности в известных случаях общерусского языка к билабиальному *w*, *ў* неслоговое (на письме смешение *у* и *в*) было известно и говору смоленско-полоцких кривичей: по памятникам его можно проследить уже с начала XIII века...» [82].

К числу характерных звуковых особенностей древних западнорусских говоров Е. Ф. Карский относил так называемую вторичную вокализацию *р* и *л* вследствие падения находившихся после них слабых гласных ъ, ь, приведшую к образованию слогов *ры, лы, ли* (*кръвавъ — крывавы, дръжати — дрыжаць, блъха — блыха, сльза — слиза*); гласные *ы, и* (вместо древних ъ, ь) перед *j* (*слѣпый, злый, крыю, шію, налій, пій*), развившиеся также в южнорусских и украинских говорах; довольно продолжительное сохранение старых сочетаний *гы, кы, хы* (до XVI в. включительно); смешение *ц* и *ч* как черту, свойственную смоленским и полоцким кривичам и новгородским словенам.

По наблюдениям Е. Ф. Карского, уже в древних западнорусских говорах активно продолжались процессы взаимодействия именных основ на *-o, *-jo с другими типами основ на гласные и согласные.

От общерусской эпохи западнорусские говоры унаследовали также мягкое *т* в оконча-

[82] *Карский Е. Ф.* Белорусы, т. 1, с. 97.

ниях 3-го лица единственного и множественного числа глаголов настоящего времени. Это же явление свойственно восточной части среднерусских говоров и некоторым южнорусским говорам.

Все указанные черты древних западнорусских говоров, по мнению Е. Ф. Карского, в зачаточном состоянии имелись еще в древнерусском языке. Вместе с этим на протяжении XIII—XVI вв. данные говоры развили черты, общие с другими восточнославянскими говорами, которых еще не было в древнерусскую эпоху. Так, в частности, отмечаются явления, которые одновременно характеризуют западнорусские, с одной стороны, южнорусские и украинские говоры — с другой (изменение твердого *л* в *ў* в положении перед согласными и на конце слов; более позднее отверждение шипящих *ж, ч, ш, щ*; развитие аффрикаты *д͡ж* на на месте старого сочетания *дj*; удвоение согласных на месте сочетаний «согласный + ĵ + гласный»; отвердение губных согласных на конце слов и в положении перед *j*; утрата слогового характера звуком *и* не под ударением перед согласными и после гласных; утрата древнерусских причастий на *-а, -я* и замена их неизменяемыми формами на *-учи, -ючи, -ачи, -ячи*).

Е. Ф. Карский указывает также черты старых западнорусских говоров, развившиеся в них вместе с восточной частью среднерусских и даже отчасти с севернорусскими говорами (изменение звонких согласных в глухие в конце слов после падения слабых редуцированных; раннее отвердение согласного *ц*; сохране-

ние «умягчительности» гласными *е, и*; отсутствие в ряде случаев перехода *е* в *о* перед отвердевшими согласными, как, например, в словах *конéц, несéм, прынéсло, ўмéрла*; переход *е* в *о* перед твердыми согласными, как в случаях *нашого, чотыриста, чолом, чого*; раннее совпадение гласных *ѣ* и *е*).

Рассмотренные черты, по мнению Е. Ф. Карского, «развились в западнорусских говорах в эпоху после их выделения из общерусского языка и до объединения западных племен под властью литовских князей» [83].

Очень ценной в 1-м томе «Белорусов» представляется глава 8-я «Очерк постепенного ознакомления ученых с памятниками старого западнорусского языка. Изучение самого языка». Данный очерк начинается с общей характеристики старобелорусского языка. Е. Ф. Карский, уже располагавший к моменту выхода в свет этой книги обширными историческими материалами и фактами современного ему белорусского языка, справедливо писал, что «в основе старого западнорусского наречия лежал живой белорусский язык, воспринявший в себя для более точной передачи терминов права, особенно магдебургского, религии и культуры вообще, не мало иностранных слов отчасти прямо от иноземцев, а больше при посредстве польского языка. Этот язык одинаково употребляется в Западной и Южной Руси; в последней, конечно, читали написанное на нем на свой лад, по-малорусски, но вообще малорусизмов на первых порах в него не вносили: они заходили постепенно, все более и более воз-

---

[83] *Карский Е. Ф.* Белорусы, т. 1, с. 105.

растая. Особенно при Петре Могиле, когда центр западнорусской образованности из Вильны был перенесен в Киев, малорусизмы полились в западнорусский язык обильным потоком. Киевский литературный язык этого времени уже не может быть назван западнорусским; это был язык, достигший крайних пределов искусственности: кроме элементов малорусской речи, в него вошел еще новый приток польских слов, вследствие того, что защитники православия эпохи Унии, желая дать возможно большее распространение своим произведениям, обыкновенно писали их на польском языке, а затем по привычке вносили польские слова и в литературную русскую речь. В это же время, благодаря развитию духовной образованности на западе и юге России, появляется стремление усилить церковнославянский элемент в литературе»[84].

Поставленные здесь вопросы имеют принципиальное значение для понимания исторической основы старобелорусского, а вместе с этим и староукраинского литературного языка.

В ходе дальнейшего анализа данного вопроса Е. Ф. Карский вскрывает причины, которые обусловили постепенное ослабление роли старобелорусского и староукраинского литературного языка (в период с середины XVII до конца XVIII в.). Это, во-первых, его крайняя искусственность (масса полонизмов и церковнославянизмов), отрыв от народной основы; во-вторых, политические события, приведшие к воссоединению Белоруссии и Украины с Россией, а следовательно, и к сближению с «бла-

[84] *Карский Е. Ф.* Белорусы, т. 1, с. 341—342.

гозвучным московским языком», или с «общерусским литературным языком»[85].

Для развития исторической отрасли белорусского языкознания большое значение имела развернутая характеристика старобелорусской письменности и старопечатных книг, данная Е. Ф. Карским в 8-й главе 1-го тома «Белорусов». Ученый не без гордости замечает, что «по богатству старого лингвистического материала западнорусское наречие занимает первое место вслед за великорусским, по части же старопечатных книг оно даже превосходит последнее»[86]. В числе этих источников называются многочисленные грамоты, акты, библейские, богослужебные и другие сочинения религиозного характера, полемические произведения, летописи и т. д. Указаны также главные места, где в начале XX в. хранились старобелорусские письменные памятники. Подробно рассмотрены издания памятников в XIX в. и все лингвистические работы, посвященные языку старобелорусской письменности[87].

Наряду с проблемами истории белорусского языка в 1-м томе «Белорусов» автор подробно излагает вопросы, касающиеся изучения живого белорусского языка и народной поэзии в XIX — начале XX в. (см. главу 7-ю). В этом очерке помещена также карта белорусских говоров, составленная на основании всех собранных диалектологических фактов.

Вместе с некоторыми ранними работами автора данный очерк положил начало диалек-

---

[85] *Карский Е. Ф.* Белорусы, т. 1, с. 342—343.
[86] Там же, с. 343.
[87] Там же, с. 343—429.

тологическому изучению белорусского народного языка нового периода его истории.

Наконец, отметим, что важным источником для научного исследования белорусского языка Е. Ф. Карский считал новую белорусскую литературу, которая, по его мнению, стала зарождаться в конце XVIII в., причем характерной чертой ее был этнографизм, т. е. «рельефное изображение народного быта, обрядов, обычаев, домашней обстановки, при довольно правильном у многих (писателей) языке» [88], а это как раз и важно для полного лингвистического описания народной речи. Характеризуя произведения новой белорусской литературы, Е. Ф. Карский отмечал их ценность для языковедческой науки.

Знаменательным событием в истории белорусского языкознания явился выход в свет в 1908 г. 1-го выпуска 2-го тома «Белорусов», содержавшего описание звукового строя современного белорусского языка, палеографический очерк «Особенности письма западнорусских произведений, начиная с древнейших времен» и «Исторический очерк звуков белорусского языка». В предисловии к этому выпуску автор писал: «Материал для II тома отчасти взят из прежних исследований автора... отчасти вновь собран как из старинных западнорусских произведений, изученных в последнее время, так и из живых белорусских говоров; особенно много ценных данных позаимствовано из 32 ответов на белорусские программы, разосланные Академией наук, а также из новейших сборников народного творчества. Ста-

[88] *Карский Е. Ф.* Белорусы, т. 1, с. 431.

рые и новые материалы по возможности проверены во время командировки автора в 1903 г. и других неоднократных поездок в Белоруссию. Использованы и те данные, которые имеются в немногочисленных исследованиях по белорусскому языку, а также по истории и диалектологии русского языка, принадлежащих перу других лиц»[89].

Главную часть этого выпуска 2-го тома «Белорусов» составляет очерк истории звукового состава белорусского языка. Ученый дает здесь исчерпывающее описание фонетических процессов от праславянской и древнерусской эпох до начала XX в. в связи с историей белорусского языка. В книге детально анализируются унаследованные белорусским языком общеславянские гласные и согласные, изменения, происшедшие в звуковом строе в период формирования белорусской народности (XIII—XVII вв.) и в период образования белорусской нации (XVIII — начало XX в.). Все звуковые явления, характерные для старобелорусского языка, иллюстрируются автором фактами из письменных памятников и всегда подтверждаются материалами современных народных говоров, фольклора и литературных произведений. Изложение сопровождается критическим разбором имевшихся в научной литературе взглядов, так что данный очерк представляет собой обобщение всех лингвистических сведений о звуковом составе белорусского языка.

Книга заканчивается большим разделом по истории белорусского ударения, что представ-

---

[89] *Карский Е. Ф.* Белорусы. М., 1955, т. 2, вып. 1, с. 9.

ляет особый интерес как для белорусоведов, так и для славистов. Из предыдущего изложения материала видно, что Е. Ф. Карский прибегал к акцентологическому анализу при исследовании отдельных старобелорусских памятников, имевших те или иные следы акцентовки. В данной же книге устанавливаются исторические закономерности развития белорусского ударения от древнейшего периода до начала XX в. Ученый стремился нарисовать по возможности полную картину тех акцентологических изменений, которые прослеживаются по данным старой письменности и современных народных говоров, причем рассмотрены не только знаменательные части речи, но и служебные слова в том виде, как они функционируют в контексте речи.

В 1911 г. в Варшаве был опубликован 2-й выпуск 2-го тома «Белорусов», содержащий «Исторический очерк словообразования и словоизменения в белорусском языке». До появления этой книги Е. Ф. Карского в белорусском языкознании не было систематического изложения словообразовательных процессов. Подходя исторически к данной проблеме, Е. Ф. Карский устанавливает, что старобелорусский язык унаследовал основные способы именного и глагольного словообразования от древнерусского и общеславянского языков, а через них и некоторые архаические способы, свойственные индоевропейскому праязыку (удвоение корня слова, сложение корней и слов). В ходе самостоятельного развития белорусский язык приобрел и отдельные собственные черты словообразования, которые наиболее ярко проявились в морфологических способах про-

изводства слов. Так, говоря о суффиксальном словообразовании, автор замечает: «Белорусская речь при посредстве общерусского языка унаследовала от общеславянской эпохи множество суффиксов, часть из которых восходит еще к индоевропейской эпохе... в нее вошли и суффиксы, развившиеся путем разных влияний одних образований на другие на общерусской почве; наконец, в белорусском языке на своей почве появились также некоторые суффиксы отчасти по уже действовавшим, отчасти по своим собственным законам. Применительно к своим же законам (главным образом фонетическим) белорусская речь видоизменила и многие из суффиксов основных; некоторые она совсем потеряла, сохранив о них память часто только в том или другом изменении согласного корня или вообще предшествовавшего им согласного» [90]. Карский указывает еще и на существование в белорусском языке суффиксов, заимствованных в соседних языках.

Эти общие сведения по истории белорусского суффиксального словообразования автор подкрепляет затем подробным анализом наиболее характерных случаев именного и глагольного производства слов.

Стремясь наиболее полно охватить разные способы образования слов, автор характеризует также производство неизменяемых частей речи, затем образование слов посредством удвоения корня (*айайай, ойойой, зыбзыб, гиги; сесь, тотъ; мама, цёця; попелъ* и др.) и, наконец, образование слов путем сложения с другими

---

[90] *Карский Е. Ф.* Белорусы. М., 1956, т. 2, вып. 2-3, с. 13.

словами, причем в последнем способе различается слитие (*пазногаць, вяликдзень, вербалоз, кожемяка*) и собственно сложение (*жайтабрушка, лихолецце*).

В конце этой части книги автор приводит ряд случаев сокращения слов в белорусском народном языке: *а бо!* (а боже мой), *тре* (треба), *мо* (может быть), *до-до* (довольно, дóсыть), *гэ* (гэто) и др. В подобных случаях, говорит автор, «не только отсутствуют суффиксы, но часто даже не хватает некоторых согласных звуков, принадлежащих корню»[91]. Это явление квалифицируется как нечто обратное словообразованию.

Приступая к изложению вопросов истории морфологических явлений, Е. Ф. Карский указывает на то, что в белорусском языке имеется немало особенностей, которыми он отличается от современного русского и древнерусского языка, но морфологический строй старобелорусского языка был еще очень близок к строю древнерусского языка: «Из явлений флексии в старинных западнорусских памятниках отметить такие, которые составляли бы исключительную принадлежность их... довольно трудно, в той или другой степени они свойственны и другим древнерусским памятникам»[92].

Дальше автор подробно рассматривает важнейшие изменения в склонении имен существительных, прилагательных, числительных и местоимений, а также в спряжении глаголов и образовании форм причастий, так что этот раздел представляет собой первое полное опи-

---

[91] *Карский Е. Ф.* Белорусы, т. 2, вып. 2-3, с. 101.
[92] Там же, с. 103.

сание изменяемых частей речи в их историческом развитии от древности до начала XX в.

Вслед за исторической морфологией, в 1912 г., Е. Ф. Карский публикует «Очерки синтаксиса белорусского языка», составляющие содержание 3-го выпуска 2-го тома «Белорусов». В предисловии он отмечал, что «старался по возможности полно представить особенности старого западнорусского языка и современных белорусских говоров, насколько они отражаются в собранных им в прежнее время, а также в последние годы материалах»[93]. Следовательно, при построении исторического синтаксиса ученый в одинаковой степени опирался на старописьменные источники и показания современного белорусского языка, что и позволило ему нарисовать объективную картину тех изменений, которые происходили в синтаксическом строе при формировании языка белорусской народности и нации. При изучении синтаксиса автор исходил из формально-грамматической точки зрения, стремясь выяснить характерные способы построения словосочетаний и предложений, а также те связи, которые устанавливаются между членами данных единиц. Он писал, что «синтаксис должен определить значение разрядов слов и их форм, а также их сочетаний для образования речи, выражающей наши мысли»[94].

Исторический очерк синтаксиса белорусского языка Е. Ф. Карского охватывает все узловые вопросы простого и сложного предложения, нерассмотренными остались только сло-

---

[93] *Карский Е. Ф.* Белорусы, т. 2, вып. 2-3, с. 305.
[94] Там же, с. 310.

ворасположение (порядок слов), логическое ударение в предложении, энклитические слова, эллипсис и некоторые другие вопросы, к тому времени еще малоизученные на белорусском материале[95].

Таким образом, опубликовав 3-й выпуск 2-го тома «Белорусов», Е. Ф. Карский закончил изложение основных моментов развития грамматического строя белорусского языка от XIII до начала XX в.

Вместе с историко-лексикологическим очерком, который был помещен в 1-м томе «Белорусов», три выпуска (фонетический, морфологический и синтаксический) 2-го тома этого обширного труда заложили прочный фундамент исторической отрасли белорусского языкознания и создали необходимые предпосылки для дальнейшего изучения белорусского языка в этом аспекте.

Свою концепцию истории белорусского языка Е. Ф. Карский создавал в тесной связи с научными достижениями не только отечественного, но и зарубежного славянского языкознания. Ф. И. Буслаев, И. И. Срезневский, А. А. Потебня, А. И. Соболевский, А. А. Шахматов, Ф. Ф. Фортунатов, Р. Ф. Брандт, Е. Ф. Будде, Н. К. Грунский, Г. А. Ильинский, Б. М. Ляпунов, И. В. Ягич, А. Е. Крымский — вот имена, наиболее часто встречающиеся в работах Е. Ф. Карского по истории белорусского языка. Их исследования в той или иной мере были привлечены для решения сложных вопросов формирования и развития восточнославянских языков. В то же время важными

---

[95] *Карский Е. Ф.* Белорусы, т. 2, вып. 2-3, с. 498.

пособиями для Е. Ф. Карского были труды таких славистов, как А. Бернекер, К. Бругман, А. Брюкнер, В. Вондрак, Я. Гебауэр, Л. Гейтлер, О. Гуйер, В. Дельбрюк, А. Лескин, Ф. Миклошич, Я. Розвадовский и др.

Традиция исторического изучения белорусского языка, начатая Е. Ф. Карским в конце XIX — начале XX в., получила продолжение во многих работах белорусских и русских советских исследователей, например, В. И. Борковского, П. А. Бузука, И. В. Волка-Леоновича, Т. П. Ломтева и др. Плодотворные научные идеи Е. Ф. Карского нашли отражение не только в диссертационных работах, но и в учебных пособиях по курсам исторической грамматики и истории белорусского литературного языка. Характерно, что все те направления исторического изучения белорусского языка, которые четко определил в своих трудах Е. Ф. Карский, в наше время разрабатываются целыми коллективами ученых в Академии наук БССР и белорусских высших учебных заведениях.

Е. Ф. Карский как исследователь вопросов современного белорусского языка

Историческая концепция развития белорусского языка в трудах Е. Ф. Карского строилась не только на данных древней письменности, но и на свидетельствах живой речи нового времени, т. е. с конца XVIII в. (для этого периода условно применяем термин «современный белорусский язык»). Ретроспективный подход, совмещаемый с диахронией, позволял ученому восстановить ряд недостающих звеньев в цепи тех изменений, которые претерпевал

строй белорусского языка на протяжении многовековой его истории. Поэтому вполне понятно, почему Е. Ф. Карский уже с самого начала научной деятельности уделял исключительное внимание систематизации диалектных материалов, накопленных этнографами, фольклористами и языковедами в XIX в. Так, в работе «Обзор звуков и форм белорусской речи» (1886) ученый говорит главным образом о живой белорусской речи XIX в. (фонетических и морфологических явлениях), суммируя данные публикаций П. А. Гильтебрандта (1866), М. А. Дмитриева (1869), И. И. Носовича (1867, 1870, 1873), С. П. Микуцкого (1854), П. В. Шейна (1874), В. Дыбовского (1881), а также собственных записей песенного творчества.

Тогда же Е. Ф. Карский писал о необходимости критической оценки известных белорусских сборников по этнографии и устному народному творчеству, поскольку не все из них содержали удовлетворительные с лингвистической точки зрения записи. Учитывая, что в прежних изданиях текстов на белорусском языке наблюдается «совершенно ненаучная, а часто даже совершенно превратная передача звуков белорусских»[96], Е. Ф. Карский стремился выработать определенную систему обозначений для точного воспроизведения живой белорусской речи. Так, обязательным требованием при записи и печатании текстов он считал постановку ударений. Данное требование он строго соблюдал при опубликовании «Бе-

---

[96] *Карский Е. Ф.* Обзор звуков и форм белорусской речи. М., 1886, с. 3.

лорусских песен с. Березовца Новогрудского уезда Минской губернии»[97], «Белорусских песен деревни Новоселок-Затрокских Виленской губернии Трокского уезда»[98] и в собственно диалектологических записях, что отмечено было и научной критикой[99].

О важности постановки ударений Е. Ф. Карский говорил в критико-библиографической заметке на труды Е. Р. Романова и П. В. Шейна, причем он считал, что это поможет решать и славистические задачи, поскольку мы «принесем посильную лепту в общеславянскую акцентологию, для которой русская (вообще восточнославянская.— *М.Б.*) разноместная акцентология, находящаяся в замечательном соотношении с сербскою и словенскою, очень важна»[100].

Е. Ф. Карский указывал также на разнобой и непоследовательность обозначения в белорусских сборниках перехода *в* в *ў*, дзеканья, цеканья, аканья и других звуковых черт, характерных для белорусских говоров в целом или только определенной территории[101].

От вопросов о способах записи белорусской народной речи ученый непосредственно переходил к вопросам белорусской диалектологии, которая в конце XIX — начале XX в. еще не сформировалась как самостоятельная отрасль

---

[97] РФВ, 1884, т. 12, № 3-4, с. 124—135; 1885, т. 13, № 1-2, с. 266—283.

[98] РФВ, 1889, т. 21, № 1-2, с. 243—259.

[99] См. рецензию Ф. М. Истомина на «Белорусский сборник» Е. Р. Романова.— ЖМНП. Спб., 1886, май, ч. 245, с. 165 (Отдел критики и библиографии).

[100] ЖМНП. Спб., 1887, окт., ч. 252, с. 321.

[101] Там же, с. 323—329.

языкознания. Заслуга Е. Ф. Карского как раз и состояла в том, что он первый систематизировал имевшиеся в разных источниках диалектные данные и предложил научную классификацию белорусских говоров с учетом важнейших звуковых и грамматических особенностей народной речи разных территорий.

Сжатое описание основных черт звукового и грамматического строя белорусского народного языка было сделано Е. Ф. Карским еще в ранних работах «Обзор звуков и форм белорусской речи» (1886), «К истории звуков и форм белорусской речи» (1893), а затем полный свод материалов и их исчерпывающая лингвистическая интерпретация были представлены в «Белорусах» (т. 2, вып. 1—3).

В 1897 г. Е. Ф. Карский публикует «Программу для собирания особенностей белорусского наречия», составленную по поручению Отделения русского языка и словесности Академии наук[102]. После научной поездки по Белоруссии в 1903 г. он помещает в 1-м томе «Белорусов» карту белорусских говоров, на которой указывает 6 групп говоров, выделяемых соответственно по следующим признакам: твердое *р*, сильное аканье (северо-восток Белоруссии); твердое *р*, умеренное аканье; твердое *р*, умеренное аканье, дифтонги, *-са* и другие черты (преимущественно юг Белоруссии); твердое *р*, умеренное аканье, полонизмы (запад Белоруссии); мягкое *р*, южновеликорус-

---

[102] *Карский Е. Ф.* Программы для собирания особенностей народных говоров. III. Программа для собирания особенностей белорусского наречия. — Изв. ОРЯС АН, 1897, т. 2, кн. 2, с. 501—560; то же: Спб, 1897, 60 с.; 2-е изд. Пг., 1916, 60 с.

ское влияние (северо-восточная и восточная часть Белоруссии); мягкое *р*, цоканье, великорусское влияние (северо-восточная часть Белоруссии и прилегающие к ней русские территории).

В 1-м томе «Белорусов» после краткого разбора некоторых работ, имеющих отношение к белорусской диалектологии (напр., Е. Р. Романова, З. Радченко, Чубинского, М. Федоровского, А. И. Соболевского, А. А. Шахматова), Е. Ф. Карский классифицирует говоры по свойственным им фонетическим и грамматическим чертам. Белорусский язык он делит на две группы говоров — юго-западную, или твердоэрую, и северо-восточную, или мягкоэрую. В каждой из этих групп говоров он выделяет менее обширные местные подгруппы с характерными для них чертами. Так, в юго-западной группе, которая в целом квалифицируется как группа с умеренным аканьем, на границе с украинскими говорами переходящим даже в оканье, и отсутствием окончания *-ць* в 3-м лице глаголов настоящего времени, Е. Ф. Карский выделяет еще белорусско-полесскую подгруппу говоров, которым свойственно очень слабое аканье или полное отсутствие его; «сжатие (закрытость) безударных и даже ударяемых *о* и *е*, состоящее в том, что они переходят в *у* и *ю*»[103], дифтонги на месте ударяемых *о, е, ѣ*; твердое *р*; приставочное *h* (*гоўцá, говёс*); *-са* вместо *-ся* в глаголах; формы 3-го лица глаголов на *-е* и *-йць, -ить*; непоследовательное дзеканье и цеканье и другие явления. На юге этих говоров отмеча-

[103] *Карский Е. Ф.* Белорусы. Вильна, 1904, т. 1, с. 195.

ется употребление *э* вместо *е* после согласных губных, будущего времени глаголов с формой *иму*. В самой западной части говоров данной подгруппы много различных полонизмов, иногда они встречаются и среди грамматических форм (напр., образование так называемого второго будущего времени типа «буду просіў», сохранившегося с древности в польском языке).

Северо-восточную диалектную группу Е. Ф. Карский делит на цокающую и нецокающую подгруппы. Для первой характерны: взаимная мена *ч* и *ц*; мягкое *р*; непоследовательное дзеканье и цеканье; диссимилятивное яканье; смешение дательного и творительного падежей во множественном числе; смешение родительного и дательного падежей в единственном числе. По имевшимся в распоряжении Е. Ф. Карского данным, цокающие говоры характерны для белорусской части Псковской и Тверской, севера Смоленской и северо-востока Витебской губерний[104].

Изучение наличных материалов показало, что подгруппа нецокающих говоров отличается от рассмотренной подгруппы лишь некоторыми чертами, в частности наличием случаев неорганического смягчения (наряду с обычным смягчением) согласного *р* (*горяздо*, *старяться*), появлением окончания *-эй* вместо *-ый* (русск. *-ой*) в прилагательных мужского рода (*молодэ́й*, *воронэ́й*).

В 1-м томе «Белорусов» имеется немало и других ценных наблюдений Е. Ф. Карского по белорусской диалектологии, которые во-

[104] *Карский Е. Ф.* Белорусы, с. 196.

шли затем в соответствующие выпуски 2-го тома этого труда.

Для развертывания диалектологических исследований по белорусскому языку большое значение имела серия «Материалы для изучения белорусских говоров», начатая журналом «Известия ОРЯС АН» в 1897 г. и продолжавшаяся до 1910 г.[105] Редактирование этих публикаций было поручено Е. Ф. Карскому как крупнейшему знатоку белорусской народной речи, дорожившему любым новым фактом о местных говорах.

Вместе с этим Е. Ф. Карский сам публикует одну за другой работы, посвященные отдельным явлениям белорусской народной речи. Так, в небольшой «Заметке по русской диалектологии»[106] он сообщает о характерном для некоторых центральных (минских) говоров изменении *а* в *о* перед *ў*, развившемся из *л*, т. е. о сильной лабиализации широкого гласного под влиянием соседнего губного согласного (*казóў*, *доў*, *зóўтра*, *варшóўка* 'вид картофеля', *ўзёў*). Это явление до настоящего времени сохраняется в речи старшего поколения определенных местностей Белоруссии.

---

[105] Материалы для изучения белорусских говоров. Вып. 1.— Изв. ОРЯС АН, 1897, т. 2, кн. 2, с. 561—575; то же отд. отт. Спб., 1897, 15 с.; Вып. 2.—Изв. ОРЯС АН, 1898, т. 3, кн. 3, с. 1—67; то же отд. отт. Спб., 1898, 66 с.; Вып. 3.— Изв. ОРЯС АН, 1899, т. 4, кн. 3-4, с. 1—32, 33—69; Вып. 4.— Сб. ОРЯС АН, 1903, т. 75, № 5, с. 1—72; то же отд. отт. Спб., 1903, 72 с.; Вып. 5.— Сб. ОРЯС АН, т. 82, № 8, с. 1—67; то же отд. отт. Спб., 1907. 67 с.; Вып. 6.— Сб. ОРЯС АН, 1910, т. 88, № 1, с. 1—15.

[106] РФВ, т. 34, с. 158.

В заметке «Некоторые редкие особенности белорусского наречия в Сокольском уезде Гродненской губернии»[107] Е. Ф. Карский сообщает о характерном для данного говора окончании *-е* (из старого *-ѣ*) в родительном падеже единственного числа существительных женского рода не только со старой основой на **-ja*, но и с основой на **-а* и основой на **-i* (*од землé, из рукé, хýстка сястрэ́, бочка водэ́, воз травэ́; ис твоеé пячэ́*). Такое же окончание он отмечает в именительном-винительном падеже множественного числа имен существительных мужского и женского рода (*валэ́, чапцэ́, жанкé*). Для дательного падежа единственного числа одушевленных имен существительных мужского рода характерна форма на *-ови, -еви* (с преобладанием последней), которая, как известно, стала распространяться из старой основы на **-й* еще в древности, причем наиболее яркий след она покинула в южных и юго-западных говорах Руси, что получило соответствующее отражение и в современном украинском языке. По наблюдениям Е. Ф. Карского, это явление захватило и часть юго-западных белорусских говоров. В указанной заметке автор приводит данные об употреблении в описываемом говоре формы второго будущего времени типа *будзешь прасíў*, которая квалифицируется как полонизм; глаголов на *-са* вместо *-ся* (*прасíўса, напíўса, далáса*; в среднем роде: *прасúлосо*; во множественном числе: *напилúсэ*); конструкций типа *вазьмú замкá*; слов *багнó* 'болото, сенокос', *лóнский* 'прошлогодний',

[107] РФВ, т. 35, с. 220—221.

лётось 'этого года' вместо 'в прошлом году'.

В 1901 г. Е. Ф. Карский опубликовал «Заметки по белорусским говорам»[108], в которых сообщил о результатах поездок в 1899—1901 гг. в населенные пункты Гродненской, Сувалкской и Минской губерний. Он пишет: «Мои наблюдения относительно белорусских говоров западной части Гродненской губернии сводятся к следующему: народная речь здесь вообще такая же, как и в Новогрудском уезде Минской губернии, т. е. чисто белорусская»[109]. Далее приводятся некоторые особенности, встретившиеся в говорах населенных пунктов Заблудов, Жедна, Городок, Волковыск, Говейновичи, Берестовица, Олекшицы, Лаша, Мигово. При посещении Августовского уезда Сувалкской губернии (он побывал на ст. Новокаменная Сокольского уезда, в поселках Липск и Сопоцкин и в с. Голынка) Е. Ф. Карский установил, что «речь населения здесь такая же, как и в соседних местах Гродненской губернии (в Сокольском и Гродненском уездах). Причем католики, а также рьяные из упорствующих легко переходят на польскую речь...»[110].

В населенных пунктах Слуцкого уезда Минской губернии (Басловцы, Подлесье, Блячин) Е. Ф. Карский производил записи народной речи во время поездок летом 1898 и 1900 гг. Часть этих записей, сделанных в с. Блячин, автор публикует в данном сообщении. Текст очень точно отражает живую речь

---

[108] РФВ, 1901, т. 46, с. 275—281.

[109] *Карский Е. Ф.* Труды по белорусскому и другим славянским языкам, с. 379.

[110] Там же, с. 381.

одного из слуцких говоров, для которых ха-
рактерно неполное аканье (ср. примеры
Е. Ф. Карского: *рýўпенько* 'ровненько'; *спимó,
дзядзюхно, ўже; камéннёў навымувáло; сáл-
цо*); формы 3-го лица глаголов настоящего
времени без *-ць (éдзе, идзé)*; формы повели-
тельного наклонения на *-éм, -мó, -éця (хадзéм,
спимó, бярéця)*; формы будущего времени на
-ем, -мо (залажёмся, падамó); формы буду-
щего времени в сложении с *-меце* из старого
имати (а дзе ш вы тут начавацьмеце?); кон-
струкции типа *зламáў рублЯ́* (сломал жерд-
ку), чуць кáрку не ўкруцíў (едва не сломал
шеи), *у кагó гэто у вас кóсиць шасцёх кас-
цóў?* [111]

Подобного рода работы Е. Ф. Карский
печатал и позже, стремясь более детально
осветить отдельные вопросы белорусской ди-
алектологии. Так, в «Заметках по белорусско-
му наречию» [112] он рассматривает случаи ла-
биализации гласного *а* (из о) перед *ў (при-
éхуў, разгнéвуўся, упруўля́им)*, изменения
в безударном положении *э* в *а (гата* вместо
гэта), появления *а* на месте *ы* в безударном
положении (*сатóю* вместо *сытóю*), вставки
гласного на месте древнерусского слабого ъ
(*мозок*), употребления предлога *су* на месте
древнего *съ (су неба, су воды)*, утраты *j* или
й в форме *ня бóсь* 'не бойся', 'однако', асси-
миляции звуков (*ѣшча* 'ёшьте', бел, 'éсьця'),
сохранения архаических примеров второй па-
латализации заднеязычных согласных (*кадý-*

[111] *Карский Е. Ф.* Труды по белорусскому и другим славянским языкам, с. 382—383.

[112] РФВ, 1916, т. 76, с. 136—139.

цы от *кадўк*), замены форм дательного формами родительного (*дай сечки каней, валэй*), употребления собирательной формы в значении формы двойственного числа (*а тая брацця остается яго*), родительного падежа при глаголах для обозначения цели движения, что напоминает древнюю конструкцию с родительным при супине (*воды́ пошла, пошов я воды́*), дательного падежа при глаголах движения (*идйтя двбру*), оборотов с глаголом *чуць*, поясняемым деепричастием или придаточной частью предложения (*чую брата говорючи; мы чуемся, што мы хлопцы дужие*), конструкций с деепричастием в сказуемостной функции (*Ци ня жаль табе, матулька, Гэткое дзицятко взрасциўши, Ды ў чужие людзи пусциўши*), конструкций с деепричастием для выражения условия (*Узяўши я старую — старая не годзится... Узяўши я старую — посцель не посцелиць...*) и другие явления [113].

В 1927 г. на французском языке была опубликована небольшая статья «Два явления в фонетике белорусского языка» [114], в которой Е. Ф. Карский объясняет южнобелорусскую (мозырскую) редкую диалектную черту, не встречающуюся в других белорусских говорах, а именно формы *угé, кáге* вместо *ужé, кáже*, и лабиализацию гласных, которая ведет начало со времени формирования языка белорусской народности. Относительно первого явления автор пишет следующее: «Во всех

---

[113] *Карский Е. Ф.* Труды по белорусскому и другим славянским языкам, с. 445—447.

[114] *Karskyj E.* Deux points de phonétique blanc-russe.— Revue des Études slaves. Paris, 1927, t. 7, N 1-2, p. 22—26.

указанных случаях *г*=γ вместо *ж* стоит перед *е*. Какова могла быть причина подобной замены? Ответить на этот вопрос трудно, тем более, что такая замена проявляется лишь в двух словах *уге* и *каге*. Я думаю, что в деревне Дзяковичи (Мозырского уезда.— *М. Б.*) в указанных случаях произносят не γ звонкое, а звук, близкий к *j*. Еще в древнерусском языке *ж*, в некоторых случаях, могло переходить в *i̯*: так современная форма *Логойск* соответствует древней *Логожескъ* (из *Логожьскъ*), упомянутой в грамоте 1387 г. Перед нами явление замены средненебного звука другим, близким ему звуком»[115].

Что касается лабиализации гласных *а, о, у*, то Е. Ф. Карский возвращается к этому вопросу в связи с некоторыми новыми деталями, открывшимися при изучении белорусских говоров. Ученый пишет: «Еще в 1895 г. (РФВ, т. 34) я имел случай наблюдать в центральной части Белоруссии к западу от Минска явление, показавшееся мне на первый взгляд довольно странным: переход ударного *а* в *ó* перед *ў*. Это *а* может восходить к *а* или *ę* общеславянского языка, тогда как *ў* соответствует древним *в* или *л*: *тро́ўка, зо́ўтра, доў, узёўся* и т. д. В некоторых редких случаях неударное *а* перед *ў* претерпевает то же изменение: výtryvo͜u, zarádavo͜usó, paklíko͜u, pavʼéio͜u и т. д.

Приведенных примеров достаточно, чтобы показать, что переход *а* в *о* перед *ў* — явле-

---

[115] *Карский Е. Ф.* Труды по белорусскому и другим славянским языкам, с. 464—465.

ние, возникшее недавно: оно должно было появиться после того, как *'а*, происходящее от *ę* отождествилось со всеми другими *а*, и после того, как *в* и *л* в конечном закрытом слоге перешли в звук *ў*. Судя по древним текстам, эти изменения возникли не ранее XIV в. Однако в текстах не содержится никакого указания на причину такой лабиализации *а*. Не находим следов таких указаний и в старых записях народных песен»[116].

На основании собственных наблюдений над живой белорусской речью Е. Ф. Карский приходит к заключению, что указанный вид лабиализации развился «в течение второй половины XIX в.»[117].

Причину и механизм этого изменения ученый объясняет вполне аргументированно: «Можно предположить,— говорит он,— что язык при определенных условиях, а именно в тех случаях, когда *а/'а* стоит перед неслоговым *ў* и иногда даже перед *в*, развил в противовес сильному аканью переход ударного *а* в *о/у*. Таким образом, очевидно, что переход *а* в *о*, затем в *у* представляет в действительности ступени одного и того же явления»[118]. К этому выводу Е. Ф. Карский добавляет факты перехода в некоторых белорусских говорах гласного *о* в *у* не только перед *ў, в,* но и перед другими губными согласными (*ў чистум поли, на круценькум бярашку, об гэтум, у первум*).

Наряду с влиянием губных согласных на

---

[116] *Карский Е. Ф.* Труды по белорусскому и другим славянским языкам, с. 465.

[117] Там же, с. 466.

[118] Там же.

предшествующие им гласные *а, о* причиной лабиализации этих звуков, по мнению Е. Ф. Карского, является закрытый характер слогов с *а, о*. Ученый обращает внимание на то, что в подобных случаях иногда наблюдается дифтонгизация ударного гласного. Закрытость слога может создаваться, конечно, любым согласным, но в связи с рассмотренными примерами автора интересует роль неслогового *i*. Оказалось, что перед этим звуком гласный *о* в ряде белорусских говоров также лабиализуется, изменяясь в *у* (*грушкуй, сивушкуй, каждуй, у гэтуй, туй гары* и т. п.).

В работе приведены и характерные для некоторых белорусских говоров случаи лабиализации гласного *о* (*а*) в глагольных образованиях на *-ова-*(*-ава-*) типа *даруваць, пустуваць, дзівувацца,* а также в глаголе *коваць* (*каваць*), произносимом в восточнобелорусских говорах в виде *куваць*. Что касается форм на *-ува-*, то они распространены не только в белорусских говорах, но и вообще в украинском языке, однако из этого нельзя делать вывод о заимствовании данного явления в белорусский язык. Е. Ф. Карский, бесспорно, считает подобное изменение гласных *о, а* принадлежностью собственно белорусских говоров, тем более что оно по происхождению признается поздним.

Наконец, автор анализирует южнобелорусские примеры с заменой гласного *ы* гласным *у* после губных (*му* 'мы', *бук* 'бык', *бу́йстрый* 'быстрый', *пута́ць* 'пытаць', 'спрашивать', *ву́пійшы* 'выпивши', *пуль* 'пыль' и т. п.). Квалифицируя такие случаи как крайнее выражение лабиализации, Е. Ф. Карский выясняет

причину изменения *ы* в *у*: «Несомненно, что в указанных случаях основное *ы*, очевидно, не являясь в данных говорах гласным чисто среднего ряда, а скорее приближаясь к гласным заднего ряда (как во времена, когда это *ы* могло еще сочетаться с задненебными согласными), под влиянием соседних губных звуков перешло в задний ряд и отождествилось с *у*» [119].

Правомерность такого объяснения подтверждается и тем, что в фонологических системах славянских языков звук *ы* вообще оказался неустойчивым, в одних случаях сближаясь с гласным переднего ряда *i*, в других случаях — с гласными заднего ряда (ср. его судьбу в украинском, южнославянских и западнославянских языках). По-видимому, нельзя забывать и того, что славянский гласный *ы* генетически связан с индоевропейским * *ū*, хотя современная лабиализация гласных и не может прямо выводиться из прежних фонетических законов.

Весьма содержательной является статья Е. Ф. Карского «О некоторых особенностях белорусского языка» [120], посвященная трем вопросам: происхождению и употреблению в говорах частиц *ці* и *чы*, отвердению согласного *с* в слове *сэрца* и диалектной форме *-ей* в дательном падеже единственного числа существительных мужского рода. Привлекая данные древнерусской и старобелорусской

---

[119] *Карский Е. Ф.* Труды по белорусскому и другим славянским языкам, с. 467.

[120] Symbolae grammaticae in honorem Joannis Rozwadowski\ Sracoviae, 1928, v. II, s. 291—296; то же отд. отт. Краков, 1927, 6 с.

письменности, а также современных белорусских говоров, Е. Ф. Карский убедительно доказывает, что частица *ці* восходит к древнерусской частице *ти*, а последняя представляет собой энклитическую форму дательного падежа от местоимения *ты* — *ти*, которая в свою очередь выводится из формы *to*i*[121]. Относительно же другой частицы — *чы* Е. Ф. Карский разделяет мнение Э. Бернекера, считавшего, что эта частица связана происхождением с вопросительным местоимением *чь(-то)* из **qui*, *именно чи-qui* (ср. *чимь*)[122].

Ценные исторические и диалектные сведения приводятся автором в этюде о белорусской форме слова *сердце* — *сэрца*, в которой согласный *с* отвердел, несмотря на то, что в древности после него находился гласный переднего ряда *ь* (**sьrdьce*). На основании анализа собранных материалов Е. Ф. Карский пришел к выводу, что причиной отвердения *с* в этом слове является воздействие согласного *ц*, отвердевшего еще в XIV в., а также твердого согласного *р*[123].

Насколько важными для понимания отдельных явлений в белорусских говорах представляются данные других славянских языков, свидетельствуют факты, приводимые ученым в связи с редкими и необычными для дательного падежа формами на *-ей* в именах существительных мужского рода типа *дзядзь-*

[121] *Карский Е. Ф.* Труды по белорусскому и другим славянским языкам, с. 469.
[122] Там же, с. 470.
[123] Там же, с. 471.

ка, бацька. Тщательный разбор этого вопроса привел автора статьи к выводу, что здесь мы имеем своеобразное изменение старой формы на *-еви* (т. е. мягкой разновидности формы на *-ови*, свойственной в древности существительным с основой на *-ŭ*). Указав на случаи перехода мягкого *ύ* из *u* в *i̯* в некоторых грамматических формах других славянских языков, Е. Ф. Карский заключает, что «подобный же переход придется предположить и в гродненском говоре белорусского языка в форме дат. п. на -eví: из последнего окончания получилось -eii̯, а далее, после отпадения конечного *i̯*, осталось *-ei̯*. Причиной, вызвавшей утрату конечного безударного *i̯*, было стремление языка провести во всем единственном числе односложные окончания»[124]. Таким образом, форма на *-еви* (*бáцькеви, дзя́дзькеви, коневи*), по мнению Е. Ф. Карского, сначала изменилась фонетически (*бáцькеii̯*), и затем и морфологически благодаря выравниванию падежных окончаний по количеству слогов.

Много ценных соображений об особенностях белорусских говоров высказано в критико-библиографических статьях Е. Ф. Карского о работах диалектологов. Так, в статье о словаре Н. И. Касперовича «Віцебскі краёвы слоўнік» (1927) говорится о большом значении лексикографических трудов как для изучения словарного состава, так и других осо-

[124] *Карский Е. Ф.* Труды по белорусскому и другим славянским языкам, с. 472.

бенностей живой белорусской речи. «Словарь живой народной речи,— пишет он,— должен удовлетворять потребности языкознания — знакомить с словарными богатствами того или другого племени и с особенностями самого языка; кроме того, знакомя с уровнем культурного развития народа, насколько об этом можно судить по отражению его в языке, такой словарь должен давать материал и этнографический в широком значении этого слова»[125].

С этой точки зрения Е. Ф. Карский и дает оценку словаря Н. И. Касперовича, отмечая, что он в настоящее время является первым подсобным словарем, который будет использован составителями сводного словаря живого белорусского языка. Подчеркивается то, что в словаре зарегистрировано много особенных белорусских слов, известных только витебской Белоруссии, причем слова иллюстрируются примерами, подтверждающими действительное употребление их в речи с указанием места записи. Вместе с этим высказано пожелание, чтобы в подобных работах определялась территория распространения особенных слов и чтобы они получили полную фонетическую и грамматическую характеристику, учитывая возможные варианты по говорам. Обращено также внимание на допущенные неточности перевода белорусских слов на русский язык[126].

Принципиально важными в теоретическом отношении являются замечания Е. Ф. Карско-

---

[125] *Карский Е. Ф.* Труды по белорусскому и другим славянским языкам, с. 476.
[126] Там же, с. 477—478.

го на работу П. А. Бузука «Спроба лінгвістычнай геаграфіі Беларусі. Ч. І. Фанетыка і марфалогія. Вып. 1. Гаворкі Цэнтральнай і Усходняй Беларусі і суседніх мясцовасцей Украіны і Вялікарасіі ў першай чвэрці XX в.» (Мінск, 1928)[127]. Е. Ф. Карский критикует автора за то, что он, подобно А. И. Соболевскому, при определении границ белорусского языка придерживался теории волн И. Шмидта, но непоследовательно применил ее из-за отсутствия необходимых сведений о распространении определенных явлений не только на территории Белоруссии, но и в соседних с ней местностях. Кроме того, подвергается сомнению правомерность безоговорочного употребления терминов «лінгвістычная геаграфія», «ізаглосы», «ізагласаваць». Е. Ф. Карский правильно замечает, что «изоглоссы» и произведенный от них глагол «изоглосовать»... образованные в подражание метеорологическим изотермам и изохименам и под., обозначающим непрерывные линии тепла и холода на земной поверхности, можно бы ввести, если бы быть уверенным, что данные явления языка в местностях, по которым проведена изоглосса, повторяются беспрерывно. Но было бы большою самоуверенностью утверждать, что данная особенность повторяется беспрерывно, равным образом, что не встречается она севернее или южнее и что нет в ней в разных местах и у разных лиц каких-либо отличий»[128]. Это замечание полезно иметь в виду и современным диалектологам, часто опери-

---

[127] Изв. по РЯС АН, Л., 1928, т. 1, кн. 2, с. 605—613.

[128] *Карский Е. Ф.* Труды по белорусскому и другим славянским языкам, с. 478.

рующим указанными терминами не только в тех случаях, когда изоглоссы можно установить довольно точно, но и в тех случаях, когда они малодоказуемы, расплывчаты и, главное, территориально прерывисты. Ведь на самом деле, сходство языковых явлений на разных территориях расселения данного народа или группы близких народов можно правильно интерпретировать только при учете всей совокупности факторов, которые влияли на развитие внутренней структуры языка.

Для более глубокого ознакомления с особенностями говоров центральной части Белоруссии Е. Ф. Карский воспользовался данными работы Н. В. Шатерника «Краёвы слоўнік Чэрвеншчыны» (Мінск, 1929). В опубликованной по поводу выхода в свет этого словаря специальной статье «Червенский говор (Из белорусской диалектологии)»[129] автор положительно оценивает содержание труда Н. В. Шатерника, отмечая выдержанность в передаче звуков, форм и достоверность приводимого материала с той местности, которая представляет большой интерес для языкознания.

Е. Ф. Карский обращает внимание на ряд диалектных слов или слов общебелорусских, имеющих в данном говоре своеобразную огласовку и форму: *сóбіла* 'удалось', *або* 'потому что', *брыціць* 'бреет', *бясчур* 'весьма много', *гавяда* 'скот', *ганавіцы* 'рукавицы', *гірда* 'каменный топор', *глёўкі* 'сырой', *дроўка* 'корова, отелившаяся в три года', *каўсан* 'миска из дерева', *крымаль* 'нож с отломанным концом',

---

[129] Изв. по РЯС АН, Л., 1930, т. 3, кн. 1, с. 225—237.

крыса 'пола', *міжыкалядзь* 'святочные вечера', *найда* 'печаль', *найскапыта* 'галопом', *нахуравоў* 'побранил', *ноўзы* 'соты', *пагудзь* 'похули', *памарскоў* 'редко посеял', *пачай* 'лучше', *прысвялепіўсі* 'прицепился', *райтузник* 'босяк', *розгалас* 'эхо', *рэчыцца* 'случиться' и др.

Более подробно рассмотрены фонетические черты, в частности изменение *а* в *о* перед *ў* (*абазвоўся, абарвоў, згаблявоў, зламоў*), *о* в *у* перед губными, а также *й* (*на етум тыдні, ў бацькаўскуй хаця*); сильное аканье и яканье (*усё зрабіўба, чаго вяжасься*); изменение безударного *е* в *і* (*німа, каб ікраз было пуд*); редукция безударного *а*, близкого к *ы* (*грызуццы, вышчарбіццы*); отвердение *л* (*пасьцелку, вяселца, сялцо, за колца*); наличие сочетания *ке* (*скепка, скемій*); замена звука *ф* звуками *п, х* (*аштрапавоў, праз арху*) и другие явления. Много полезных данных извлекается из словаря для характеристики морфологических и синтаксических особенностей говора[130]. Среди них отмечены некоторые словообразовательные черты (*цяпелца* 'огонек', *халадэча, бліщчусты, малюпанькі, мышасцянькі, ато* 'так как', *валачашчы, валяшчы, гляшчы, жывушчы, далоўкі, дамоўкі, дарма, аберуч, найцякача, найскасяк, раз-па-разу, ня варта* 'не следует' и др.); формы склонения имен (*абудва рукавэ́, асыпаюцца жалудэ́, ходзяць аблаке́; з белаі краскі, за сельскаю школу*); глагольные формы (*аглухці, мерзьці, набракці; мы жывом, хлеб ядом,*

---

[130] *Карский Е. Ф.* Труды по белорусскому и другим славянским языкам, с. 506—511.

зараз дагрaбом, будам касіць; бяжыма туды, давай знасіма снапэ́ ды пойдам дамоў); синтаксические особенности (*пуга трэба на яго, якія навіны у вас чуваць, сорам яму стала, пазыч рубля грошай, удваіх будам накідаць гной, дзіця захварэла на малачай, іграя на басэтлю, у газэця піша праз вайну* и др.). Приводя подобные формы и конструкции, Е. Ф. Карский в ряде случаев делает ссылки на старобелорусские источники, что дает возможность определить время появления тех или иных диалектных особенностей.

К числу первоочередных задач белорусской диалектологии, которые в конце XIX — начале XX в. не получили вполне аргументированного решения, Е. Ф. Карский относил задачу определения белорусских языковых особенностей вне пределов основной территории Белоруссии. Этим обстоятельством объясняется постоянный интерес ученого к изучению говоров, совмещающих белорусско-польские, белорусско-литовские, белорусско-латышские, белорусско-великорусские и белорусско-украинские черты. Данный вопрос он частично освещал в своих официальных отчетах о научных командировках с целью определения границ белорусского языка и его главных диалектных массивов. Но у него есть целый ряд работ, в которых специально обсуждается проблема так называемых смешанных и переходных говоров всех пограничных зон белорусского языка. Известно, что Е. Ф. Карский разделял белорусский язык на два больших диалекта — юго-западный и северо-восточный. Вместе с этим он утверждал, что «есть еще говоры переходные от белорусских к юж-

новеликорусским, северновеликорусским и малорусским, но этот вопрос еще мало разработан в науке»[131].

Между тем сам Е. Ф. Карский еще в начале XX в. активно включился в обсуждение указанной проблемы. Так, в докладе «К вопросу о разграничении русских наречий» он отмечает, что А. И. Соболевский в «Опыте русской диалектологии» (1897) установил в общих чертах границу между тремя восточнославянскими языками и указал пограничную полосу «смешанных» или «переходных» говоров, но какие из таких говоров относить к одной группе и какие к другой, не вполне ясно, так как не выработаны еще определенные критерии для их разграничения[132]. Е. Ф. Карский правильно отмечал, что «существование смешанных пограничных языков (т. е. в данном случае говоров.— *М. Б.*), несомненно, следует признать, но и границу между теми и другими наречиями также необходимо провести, не оставляя нейтральной полосы. Чтобы выйти из указанного затруднения, по моему мнению, следует точно определить, какие черты в разных наречиях русского языка из взаимно-пограничных более существенны и характерны, и по ним производить разграничение»[133].

На основе данного критерия Е. Ф. Карский предлагал провести пограничную черту

---

[131] *Карский Е. Ф.* Белорусская речь. Очерк народного языка с историческим освещением. Пг., 1918, с. 59.

[132] Труды XII Археологического съезда в Харькове. 1902, М., 1905, т. 2, с. 430—436.

[133] *Карский Е. Ф.* Труды по белорусскому и другим славянским языкам, с. 405—406.

между великорусскими и белорусскими говорами по губерниям Псковской, Тверской, Смоленской, Калужской, Орловской и Черниговской, но предупреждал, что «установить границу в указанной области трудно уже потому, что белорусские говоры и пограничные с ними во всей указанной области южновеликорусские имеют очень много точек соприкосновения, притом не только во второстепенных чертах, но и в главных, например в развитии усиленного аканья, в умягчительности согласных и т. п. Вследствие указанного обстоятельства тут приходится принимать в расчет известную совокупность лингвистических примет, а также тех или других антропологических черт и особенностей быта»[134]. К сожалению, из современных диалектологов редко кто обращается к нелингвистическим факторам, когда необходимо решить спорные вопросы классификации говоров и отнесения их к тому или другому родственному языку.

Е. Ф. Карский указывал, что у белорусов есть много словарных особенностей, которыми они отличаются от соседей-великорусов, целый ряд фонетических и грамматических черт (дзеканье, цеканье; *ў* краткое; удвоение согласных как следствие ассимиляции *j*; огласовки типа *мый, мыю, пий* или *пи, злый* и *злэй;* смешение *р* твердого и мягкого; остатки второй палатализации заднеязычных, как в формах *на дузé, на лáўце, ў стресé;* формы именительного падежа множественного числа на *-ы, -і* или реже на *-э, -е,* например *домы́,*

---

[134] *Карский Е. Ф.* Труды по белорусскому и другим славянским языкам, с. 406.

лясы́, гаі́; паясэ́, лясэ́; множественное число на *-ы, -і* имен мужского рода при числительных *два, три, четыре,* например *два вайкí,* и возможность двойственного числа в именах женского и среднего рода, например *два сяле, три бядзе;* возможность звательного падежа, например, *сы́нку, чалаве́че;* формы повелительного наклонения с гласным *е* из *ѣ*, например *ходзе́м, купе́ця*)[135].

Названные и другие белорусские особенности послужили для Е. Ф. Карского основанием при уточнении границ белорусского языка в тех местах, которые по говору считались спорными. Так, в Орловской губернии он предлагал провести разграничительную линию приблизительно в Трубчевском и Брянском уездах по правому берегу р. Десны[136]. Ученый уточнил границы между белорусскими и русскими говорами и в других смежных зонах.

Надо заметить, что в конце XIX — начале XX в. по поводу орловских говоров между диалектологами шла оживленная полемика, сущность которой сводилась к тому, какими эти говоры являются в своей основе — южновеликорусскими или белорусскими. Данного вопроса касались А. И. Соболевский, Е. Ф. Будде, П. Тихано́в и другие исследователи. Мимо него не мог пройти и Е. Ф. Карский, точка зрения которого изложена в критическом отзыве о книге А. И. Соболевского[137] и в статьях «К вопросу об этнографической карте бе-

---

[135] *Карский Е. Ф.* Труды по белорусскому и другим славянским языкам, с. 406.
[136] Там же, с. 407.
[137] Изв. ОРЯС АН, 1897, т. 2, кн. 4, с. 1162—1164.

лорусского племени»[138], «К вопросу о народном говоре Брянского уезда Орловской губернии»[139].

Е. Ф. Карский считал, в частности, что в Брянском уезде в начале нашего века был не один, а несколько говоров с разной диалектной окраской, но в некоторых местах, например в Акулицкой и Лутенской волостях, жили белорусы, сохранившие отчетливые черты своей речи, хотя и испытывавшие южновеликорусское диалектное влияние. Такими чертами являются: дзеканье и цеканье (при заметной склонности к чистым *д* и *т* мягким), сильное аканье, неслоговое *ў* на месте *л*; удвоение согласного в соединении с *j*; приставочное *и*, а также *в*; формы на *-эй, -ей* вместо русского *-ой*; глаголы на *-ицъ, -ецъ*, в 3-м лице; при числительном *два* у существительных окончание *-ы, -и;* вопросительная частица *ци* и др.

Иного взгляда придерживался Е. Ф. Будде, считавший, что в Брянском уезде говор единый — южновеликорусский со следами влияния северского наречия. В полемической статье «К какому из русских наречий принадлежит говор современных жителей Брянского уезда Орловской губернии? (О следах северской колонизации в Орловской губернии)» он утверждал, что «говор Брянского уезда, как и говоры... других уездов Орловской губернии...

---

[138] Изв. ОРЯС АН, 1902, т. 7, кн. 3, с. 219—234; Могилевские губ. ведомости, 1902, № 8-9; то же отд. изд. Спб., 1902, 16 с.

[139] Новый сборник статей по славяноведению, составленный и изданный учениками В. И. Ламанского, Спб., 1905, с. 314—320.

относится к типу южновеликорусских, испытавших на себе влияние еще в недавнее время потомков северского наречия, причем северяне не могут считаться ни в каком случае предками нынешних белорусов»[140]. Конечно, Е. Ф. Будде признавал, что в брянском говоре имеются белорусские черты, но убежден был в том, что основу его составляют великорусские особенности.

К данному вопросу Е. Ф. Карский еще раз обратился в критико-библиографической статье о работах Е. Ф. Будде в 1906 г.[141], уточнив ряд моментов взаимодействия брянских говоров, которые исторически представляют весьма сложную диалектную картину. Ведь не случайно этими говорами заинтересовались и другие диалектологи, среди которых следует назвать П. А. Расторгуева, В. Н. Новопокровскую, посвятивших специальные работы современной брянской речи и языку брянских письменных памятников XVII—XVIII вв.

В работе Е. Ф. Карского «К вопросу о разграничении русских наречий» указана граница белорусских говоров также в Калужской губернии. На основании имевшихся данных Е. Ф. Карский проводит ее по территории Жиздринского уезда, где предположительно жили белорусы, концентрируясь в лесных зонах (откуда их наименование «полехи»). По этому поводу ученый пишет: «Рассматривая особенности языка этих полехов, приходим к заключению, что жители самой западной

---

[140] Изв. ОРЯС АН, 1905, т. 10, кн. 4, с. 282.
[141] РФВ, 1906, с. 55, № 1-2, с. 353—355.

части Жиздринского и Масальского уездов действительно белорусы, но только принявшие немало особенностей и южновеликорусских говоров. У них, между прочим, уже и дзеканья нет и твердого *р*. Белорусские особенности заметны здесь в большей или меньшей степени лишь в местностях, прилегающих к Десне, по границе Рославского и отчасти Ельнинского уездов Смоленской губернии»[142].

Характеристика белорусских черт в калужских говорах дана Е. Ф. Карским также в рецензиях на работы Н. Н. Дурново «Диалектологическая карта Калужской губернии» (Спб., 1903, из Сб. ОРЯС, т. 76)[143] и О. Брока «Говоры к западу от Масальска. С картой» (Пг., 1916)[144].

При установлении границ белорусского языка Е. Ф. Карский непосредственно не касался тульских говоров, в которых исследователи тоже находили определенное отражение белорусских черт[145], но данный вопрос в той или иной степени затрагивался им в рецензиях и библиографических обзорах на труды Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколова и Д. Н. Ушакова «Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением очерка русской диалектологии» (М., 1916)[146], Н. Н. Дурново «Диалектологические разыска-

---

[142] *Карский Е. Ф.* Труды по белорусскому и другим славянским языкам, с. 407.

[143] РФВ, 1904, т. 51, № 1-2, с. 328—329.

[144] РФВ, 1917, 1918, т. 78, № 3-4, с. 215.

[145] *Будде Е. Ф.* О народных говорах в Тульской губернии. Спб., 1898, с. 38. *Он же.* О говорах Тульской и Орловской губерний... Спб. 1904, с. 111—112 и др.

[146] РФВ, 1916, т. 75, № 1-2, с. 319—321.

ния в области великорусских говоров. Ч. 1. Южновеликорусское наречие. Вып. 1» (М., 1917)[147], И. Г. Голанова «Русская диалектология» (М., 1928)[148].

В указанной статье Е. Ф. Карский характеризует белорусские говоры на территории Смоленщины. Он пишет: «В Смоленской губернии граница белорусского племени идет по меже между уездами Дорогубжским и Бельским, с одной стороны, и Юхновским, Вяземским и Сычевским — с другой; причем большая часть губернии населена белорусским племенем и лишь четыре восточных уезда (Юхновский, Вяземский, Сычевский и Гжатский) принадлежат южновеликорусскому наречию»[149]. Говоры юго-востока Смоленщины Е. Ф. Карский относил к белорусским и в другой работе — «К вопросу о границе белорусских говоров», полемизируя по этому поводу с А. И. Соболевским[150].

Четко указаны северные границы белорусских говоров. Е. Ф. Карский определяет их следующим образом: «В Тверской губернии белорусские поселения с некоторыми даже особенностями северновеликорусских говоров (взаимная мена *ч* и *ц*) начинаются у г. Зубцова, далее тянутся по правому берегу Волги (Молодой Туд), где живут тудовляне, заходя даже иногда и на левый берег (по р. Итомле в Ржевском уезде и р. Коше в Осташковском уезде); затем граница белорусских говоров

---

147 РФВ, 1917, 1918, т. 78, № 3-4, с. 216.

148 Изв. по РЯС АН, 1930, т. 3, кн. 1, с. 361.

149 *Карский Е. Ф.* Труды по белорусскому и другим славянским языкам, с. 407—408.

150 Там же, с. 436.

подходит к истокам Волги и Западной Двины. Белорусское дзеканье, по Далю, слышится в Корчеве и Торжке» [151].

По историческим данным известно, что белорусские поселения были и на территории Псковщины. Н. М. Каринский в исследовании «Язык Пскова и его области в XV веке» (Спб., 1909) показал, что важнейшие фонетические и морфологические черты белорусского языка еще в XIII—XIV вв. распространились на всю псковскую область, но, по-видимому, белорусские поселения на данной территории распределялись неравномерно, что находит отражение и в современных псковских говорах.

По мнению Е. Ф. Карского, «в восточной части Псковской губернии белорусы не простираются дальше Западной Двины. Затем граница белорусской области идет по южным частям Великолуцкого, Торопецкого, Опоченского уездов» [152].

В различных работах Е. Ф. Карского были определены также южная и западная границы белорусских говоров, хотя ученый и признавался, что это сделать нелегко ввиду главным образом того, что белорусский язык имеет большое сходство с украинским и польским языками. Наиболее четко позиция Е. Ф. Карского по данной проблеме изложена в статье «К вопросу о разграничении русских наречий», где на основании комплекса языковых признаков устанавливается вполне убедительный критерий для проведения границы пре-

---

[151] *Карский Е. Ф.* Труды по белорусскому и другим славянским языкам, с. 408.

[152] Там же.

жде всего между белорусскими и украинскими говорами [153].

Последней проблемы Е. Ф. Карский касается также в работе «К вопросу о границе белорусских говоров. Звук *у* вместо *ы* в некоторых белорусских говорах» [154] и в рецензии на книгу К. Мошинского «Polesie wschodnie» (Warszawa, 1928) [155].

Руководствуясь критерием преобладания в говоре тех или иных черт, Е. Ф. Карский определил также белорусско-польскую, белорусско-литовскую и белорусско-латышскую языковую границу.

Из приведенных в данной главе фактов видно, что Е. Ф. Карский впервые в славянском языкознании вообще и белорусистике в частности не только дал полное описание строя современного белорусского народного языка, но и определил географические границы его распространения, его отношение к живым говорам русского, украинского и польского языков [156]. Ввиду сказанного Е. Ф. Карского следует считать основателем белорусской диалектологии как одной из отраслей науки о живой белорусской речи. Вместе с этим он должен быть признан и основателем белорусской исторической диалектологии, которую он

---

[153] *Карский Е. Ф.* Труды по белорусскому и другим славянским языкам, с. 408—409.

[154] РФВ, 1905, т. 53, № 1-2, с. 54—62.

[155] Изв. по РЯС АН, 1928, т. 1, кн. 2, с. 611; Slavia, 1928, Ročnik VII, ses. 3, s. 662—664.

[156] В свете представленных здесь фактов неверно утверждение А. И. Соболевского, будто «Е. Ф. Карский не установил границ белорусских говоров» (см. его рецензию «О русских говорах вообще и белорусских говорах в частности». Спб., 1904, с. 3).

разрабатывал на протяжении всей своей научной деятельности.

К сказанному необходимо добавить еще то, что Е. Ф. Карский специально изучал в сопоставительном плане орфоэпические нормы восточнославянских литературных языков и диалектные варианты произношения гласных и согласных звуков. В этом отношении большое научное и практическое значение имеет его работа «Русская диалектология. Очерк литературного русского произношения и народной речи великорусской (южновеликорусских и северновеликорусских говоров), белорусской и малорусской (украинского языка)» (Л., 1924, 172 с.).

Говоря о заслугах Е. Ф. Карского в разработке современного белорусского языка, нельзя не отметить предпринимавшихся им усилий по изучению языка белорусских литературно-художественных произведений XIX— первой трети XX в. Уже в 1-м томе «Белорусов» (глава IX) мы найдем сжатые и точные характеристики языка белорусской «Энеиды», произведений Рыпинского, Чечота, Барщевского, Дунина-Марцинкевича, Деревского-Вериги, Коротынского, анонимного «Тараса на Парнасе», Шункевича, Лучины, Богушевича (Бурачка), Ельского и других писателей. К сожалению, в тот период ему не удалось тщательно познакомиться с произведениями основателей новой белорусской литературы — Янки Купалы и Якуба Коласа. Ведь именно в их произведениях белорусская народная речь получила классическую литературную обработку и стала образцом для всех современных белорусских писателей. Вообще же

Е. Ф. Карский внимательно следил за развитием нового белорусского литературного языка. Об этом свидетельствует, например, его замечание, что некоторые белорусские писатели еще допускают в своих произведениях «разные провинциализмы», «полонизмы в словаре» и мало заботятся о чистоте, которая характерна для белорусской народной речи [157].

Будучи уже в преклонном возрасте, Е. Ф. Карский не прекращал работы по дальнейшему изучению проблем белорусского языкознания. Он публикует статью «Что предстоит сделать по белорусскому языку и литературе» (Минск, 1921) [158], обзор «Die weissrussische Philologie in den letzen zehn jahren» [159], библиографическую заметку о новейших лингвистических работах в Белоруссии [160], намечает план составления словарей старобелорусского письменного и современного народного и литературного белорусского языка, печатает лингвистические статьи в белорусских изданиях, как член учредительной комиссии по открытию Белорусского государственного университета предпринимает конкретные меры для укомплектования штата филологическими кадрами.

---

157 *Карский Е. Ф.* Белорусская речь. Очерк народного языка с историческим освещением. Пг., 1918, с. 59.

158 Вестник Народного комиссариата просвещения ССРБ, 1921, № 1, с. 25—28; Беларусь, 1920, 9 июля.

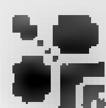
159 Zeitschrift für slavische Philologie. 1925, Band 1, S. 429—432.

160 *Карский Е. Ф.* Запіскі Аддзела гуманітарных навук. Кн. 2. Працы класа філалогіі (Пад агульнай рэд. С. Некрашэвіча. Мінск, 1928, т. 1.— Изв. по РЯС АН, 1929, т. 2, кн. 1, с. 364—366.

Не все намеченное смог осуществить сам Е. Ф. Карский. Но на прочном лингвистическом фундаменте, который заложил ученый еще в дореволюционный период своей деятельности, в советскую эпоху новое поколение исследователей возвело прекрасное здание науки о белорусском языке, и это является красноречивым свидетельством того, что социалистическое общество не отрицает, а утверждает преемственность научной мысли, берет все ценное из духовного наследства для дальнейшего развития знаний, в том числе знаний о самом могучем орудии человеческого прогресса — языке.

17 Зак. 1278

ЛИТЕРАТУРА ОБ АКАДЕМИКЕ Е. Ф. КАРСКОМ

А. Н. — Гоман, 1918, № 59 (рец. на кн. Е. Ф. Карского «Белорусская речь. Очерк народного языка с историческим освещением», 1918).

Архив Академии наук СССР. Обозрение архивных материалов. М.— Л., 1946, т. 2, с. 128—129.

Barnet V. Významné vyroči bĕloruské filologie. (Akademik I. F. Karskij. 1861—1931).—Slavia, Praha, 1961, roč. 30, seš. 3, s. 502—506.

Баркоўскі В. І. Я. Ф. Карскі як гісторык рускай мовы і палеаграфіі (1861—1931).— Весці АН БССР, 1951, № 4, с. 3—12.

Баркоўскі В. І. Заснавальнік беларускага мовазнаўства і беларускай філалогіі (Да 100-годдзя з дня нараджэння акадэміка Я. Ф. Карскага).— Працы Інстытута мовазнаўства АН БССР, 1961, вып. 8, с. 3—17.

Баркоўскі В. І. Сардэчнае дзякуй майму настаўніку.— Полымя, 1961, № 1, с. 155.

Барташэвіч Г. Выдатны беларускі вучоны. Да 100-годдзя з дня нараджэння Я. Ф. Карскага.— Маладосць, 1961, № 1(95), с. 110—111.

Баханькоў А. Выдатны вучоны.— Літ. і мастацтва, 1961, 3 студз.

БелСЭ. Минск, 1972, т. 5, с. 462—463.

БСЭ. М., 1973, т. 11, с. 460, стб. 1367.

Большая энциклопедия. Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания. Под ред. С. Н. Южакова. Спб., 1903, т. 10, с. 574.

Бондарчик В. Основатель белорусской филологии. К 100-летию со дня рождения Е. Ф. Карского.— Советская Белоруссия, 1961, 1 янв.

Борковский В. И. Академик Е. Ф. Карский (1861—1931).— Учен. зап. Ярославского пед. ин-та. Педагогика, 1945, вып. 5, с. 1—44.

Борковский В. И. Евфимий Федорович Карский (1 января 1861—29 апреля 1931).— РЯШ, 1951, № 1, с. 69—78.

Борковский В. И. Академик Е. Ф. Карский. Биографическая справка. Список главнейших печатных трудов академика Е. Ф. Карского.— В кн.: *Карский Е. Ф.* Язык белорусского народа. Вып. 1. Исторический обзор звуков белорусского языка. М., 1955, с. 447—471.

Борковский В. И. Изучение белорусского языка в дореволюционное и советское время.— В кн.: *Белодед И. К., Борковский В. И., Горецкий П. И.* Изучение украинского и белорусского языков. М., 1958, с. 109—153.

Борковский В. И. Труды академика Е. Ф. Карского по славянским языкам.— В кн.: *Карский Е. Ф.* Труды по белорусскому и другим славянским языкам. М., 1962, с. 691—707.

Борковский В. И. Евфимий Федорович Карский (1861—1931).— Русская речь, 1971, № 1, с. 39—46.

Будде Е. Ф. К какому из русских наречий принадлежит говор современных жителей Брянского уезда Орловской губернии? — Изв. ОРЯС АН, т. 10 (1905), кн. 4, с. 281—293; то же отд. отт. Спб., 1906.

Булахаў М. Г. З этымалагічных назіранняў Я. Ф. Карскага.— Веснік БДУ. Сер. 4. Філалогія, журналістыка, 1971, № 1, с. 70—72.

Булахов М. Г. Е. Ф. Карский как лексиколог и лексикограф.— РЯШ, 1971, № 2, с. 111—114.

Булахов М. Г. Карский Евфимий Федорович. — В кн.: *Булахов М. Г.* Восточнославянские языковеды. Биобиблиографический словарь. Минск, 1977, с. 257—287.

Булахов М. Г. Евфимий Федорович Карский. 1861—1931.— Русская речь, 1980, № 6, с. 51—55.

Винокур Г. О.— Печать и революция, 1925, кн. 2, с. 231—233 (рец. на кн. Е. Ф. Карского «Русская диалектология...», 1924).

Вольскі В. Заснавальнік беларускай філалогіі. — Полымя, 1951, № 12, с. 123—131.

Вольский В. Е. Ф. Карский как историк белорусской литературы.— Изв. АН БССР, 1951, № 4, с. 43—53.

Гнатюк В.— Записки наукового товариства Т. Шевченко, т. 67, кн. 5. Львів, 1905, с. 51—65.

Гринблат М. Я. Е. Ф. Карский как белорусский этнограф.— Изв. АН БССР, 1951, № 4, с. 55—64.

Грунский Н. К. Из лекций по русскому языку. Юрьев, 1914, вып. 1, с. 126—130.

Грынчык Н. Выдатны вучоны.— Гродз. праўда, 1951, 29 крас.

Державин Н. С. Труды академика Е. Ф. Карского.— Вест. АН СССР, 1931, № 4, с. 21—26.

Дурново Н. Н. Академик Е. Ф. Карский (Некролог).— Slavia, Praha, 1931, roč, 10, seš. 3, s. 623—626.

Дыялекталагічны атлас беларускай мовы. Мінск, 1963, с. 22—24.

Жыдовіч М. А. Я. Ф. Карскі як гісторык беларускай мовы.— Весці АН БССР, 1951, № 4, с. 13—25.

Истомин Ф. М.— Журнал Министерства народного просвещения. Спб., 1886, ч. 245, май. Отд. критики и библиографии, с. 165.

Историко-филологический институт кн. Безбородко в Нежине. 1875—1900. Преподаватели и воспитанники. Нежин, 1900.

Историко-филологический институт кн. Безбородко в Нежине. 1901—1912. Преподаватели и воспитанники. Нежин, 1913.

Казачок Е., Рубцова Л. З гісторыі беларускай філалогіі.— Звязда, 1958, 24 ліп.

Камароўскі Я., Цішчанка І. Я. Ф. Карскі. (Да 95-годдзя з дня нараджэння).— Беларусь, 1956, № 1, с. 31.

Кірылаў І. Выдатны беларускі вучоны.— Беларусь, 1961, № 1, с. 19.

Корзун А. Заснавальнік беларускага мовазнаўства.— Гродз. праўда, 1961, 1 студз.

Крывіцкі А. А. Я. Ф. Карскі — выдатны беларускі вучоны (Да 100-годдзя з дня нараджэння).— Весці АН БССР. Сер. грамад. навук, 1961, № 1, с. 5—14.

Кузнецов П. С. Евфимий Федорович Карский (1861—1931).— Изв. АН СССР. Отд. лит. и яз., 1961, т. 20, вып. 1, с. 94—96.

Лапаў Б. Працы, якія не старэюць.— Літ. і мастацтва, 1962, 27 ліп.

Л. Евг.—Вестник Европы, 1904, т. 70, кн. 2, февр., с. 839—840.

Леончиков В. Е. Библиографическая деятельность академика Е. Ф. Карского.— Советская библиография, 1969, № 6, с. 38—51.

Лобан М. Вялікі беларускі вучоны.— Беларусь, 1945, № 10, с. 48—50.

Лобан М. Заснавальнік беларускай філалогіі.— Полымя, 1961, № 1, с. 151—154.

Ляпунов Б. М. Очерк жизни и деятельности академика Е. Ф. Карского.— Изв. АН СССР. Отд. обществ. наук, 1932, № 3, с. 167—192; то же отд. отт., 1932, 25 с. (со списком печатных работ Е. Ф. Карского, 278 названий).

Мацкевіч Ю. Ф. Я. Ф. Карскі як дыялектолаг.— Весці АН БССР, 1951, № 4, с. 26—40.

М. Б.— Вестник Народного комиссариата просвещения ССРБ, 1921, № 1, с. 12—13.

МСЭ. 2-е изд. М., 1937, т. 5, с. 322.

Наука и научные работники СССР. Л., 1934, т. 5.

Ник-ский М. Д.—Исторический вестник, 1904, т. 97. сент., с. 1052—1053.

Н. Т.— Живая старина, 1893, вып. 3, с. 404.

Obrębska-jabłońska A. Życie i praca naukowa E. F. Karskiego (1.I.1861—29.IV.1931). W setną rocznicę urodzin.— Slavia orientalis. Warszawa, 1961, rocz. 10, N 2, s. 205—211.

Папкоў П. Аб Карскім (Да гісторыі беларускага мовазнаўства).— Літ. і мастацтва, 1940, № 30.

Перетц В. Н.— Изв. АН СССР, 1924, т. 17, с. 333—337.

Пичета В.— Печать и революция, 1923, кн. 5, с. 273—274.

Погодин А. (Л). Белорусский язык.— В кн.: Энциклопедический словарь А. и И. Гранат и К⁰. 7-е и 9-е изд., т. 7, б. г., с. 355—358.

Пшыркоў Ю. Подзвіг навуковы і грамадзянскі.— Літ. і мастацтва, 1961, 17 студз.

Русский язык. Энциклопедия. М., 1979, с. 109.

Симони П. К.— В кн.: Отчет ОРЯС Академии наук академика А. И. Соболевского за 1901 г.

Славяноведение в дореволюционной России. Биб-лиографический словарь. М., 1979, с. 177.

Соболевский А. И.— Журнал Министерства просвещения, 1887, ч. 251, май, с. 137—147.

Соболевский А. И. О трудах Е. Ф. Карского.— Живая старина, 1894, вып. 2, с. 283.

Соболевский А. И. О русских говорах вообще и белорусских в частности.— Изв. ОРЯС АН, 1904, т. 9, кн. 2, с. 14—23.

Соколов Н. Н.— Rocznik slawistyczny. Kraków, 1910, t. 3, s. 220—244.

Сперанский М. Н.— Труды Института славяноведения АН СССР. Л., 1932, т. 1, с. 466—478.

Суднік М. Р. Я. Ф. Карскі — выдатны беларускі вучоны.— Звязда, 1961, 1 студз.

Суднік М. Р. Беларускае мовазнаўства на сучасным этапе.— В кн.: Навука БССР за 50 год. Мінск, 1968, с. 93.

Сцяшковіч Т. Ф., Луцыбо О. С. Я. Ф. Карскі (1861—1931). Памятка чытача. Гродна, 1958, 34 с.

Тимошенко П. Д. Ю. Карський і українська мова в школі. Київ, 1961, № 3, с. 20—25.

Тищенко И. К. Выдающийся белорусский ученый.— Колхозная правда, Минск, 1961, 1 янв.

Українська радянська енциклопедія. Київ, 1961, т. 6, с. 221.

Флоринский Т. Д. Обзор новейших трудов и изданий по славяноведению. [Вып.] XIII.—Унив. [Киевские] изв. Киев, 1905, № 5, май, с. 41—43.

Флоринский Т. Д. Библиографические перечни ученых и учено-литературных трудов учеников В. И. Ламанского и их учеников.— В кн.: Новый сборник статей по славяноведению, составленный и изданный учениками В. И. Ламанского... Спб., 1905. Приложение, с. V—LXV.

Цыхун А. Акадэмік Я. Ф. Карскі.— Гродз. праўда, 1957, 29 чэрв.

Цыхун А. Памяти великого ученого.— За Советскую Родину, 1957, 1 сент.

Цыхун А. Академик Евфимий Федорович Карский.— Неман, 1958, № 2, с. 183—188.

Шахматов А. А.— В кн.: Сборник отчетов о премиях и наградах за 1910 год. Пг., 1915, с. 200—204.

Шахматов А. А. Русский язык.— В кн.: Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Спб., 1899, т. 55, с. 581.

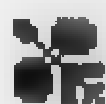
Шахматов А. А., Перетц В. Н., Соболевский А. И., Котляревский Н. А. Записка об ученых трудах Е. Ф. Карского.— В кн.: Общее собрание Российской академии наук 9 мая 1916 г. Приложение 5 к протоколу V заседания, с. 106—111.

Я. З.— Живая старина, 1903, вып. 3, с. 389—390.

Ягич И. В. История славянской филологии.— В кн.: Энциклопедия славянской филологии. Спб., 1910, вып. 1, с. 508, 509, 635, 794, 799, 893, 902, 924.

Янчук Н.— Минский листок, 1887, № 32.

БИБЛИОГРАФИЯ ОСНОВНЫХ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ТРУДОВ АКАДЕМИКА Е. Ф. КАРСКОГО [1]

1. Обзор звуков и форм белорусской речи. М, 1886, 170 с.

2. О так называемых барбаризмах в русском языке. Речь, произнесенная на акте 21 августа 1886 года.— Краткий отчет о состоянии Виленской 2-й гимназии за 1885/86 учебный год. Вильна, 1886, с. 33—45.

3. Два новых источника для изучения белорусских говоров. Белорусский сборник Е. Романова. Киев, 1886, т. 1; Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края П. Шейна. Спб., 1887, т. 1, ч. 1.— ЖМНП, 1887, окт., с. 320—330.

4. Грамматика древнего церковнославянского языка сравнительно с русским. Вильна, 1888; 19-е изд. Сергиев Посад, 1917.

5. О преподавании церковнославянского языка в мужских гимназиях.— РФВ, 1889, т. 22. Пед. отд., с. 37—59.

6. О суффиксах в русских словах типа *теленок, Васенька, рученька, беленький.*— РФВ, 1889, т. 22, с. 179—183.

7. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края П. Шейна. Спб., 1890,

---

[1] См. более полные библиографические списки трудов Е. Ф. Карского: Изв. АН СССР. Отд. общ. наук, 1932, № 3, с. 167—192 (сост. Б. М. Ляпунов); Бібліяграфія прац Я. Ф. Карскага (уклад. Я. М. Рамановіч, А. К. Юрэвіч).— Працы Інстытута мовазнаўства АН БССР, 1961, вып. 8, с. 18—88; Список печатных работ академика Е. Ф. Карского (сост. В. И. Борковский).— В кн.: *Карский Е. Ф.* Труды по белорусскому и другим славянским языкам. М., 1962, с. 673—687.

т. 1, ч. 2, 720, XXXI с.— ЖМНП, 1890, ноябрь, с. 175—190.

8. Памяти М. Ю. Лермонтова. Речь, сказанная на годичном акте Виленских Первой и Второй гимназий 22 сентября 1891 года.— Отчет о состоянии Виленской Второй гимназии за 1890/91 учебный год. Вильна, 1891, с. 29—41; то же отд. отт. Вильна, 1891, 19 с.

9. К истории звуков и форм белорусской речи. Варшава, 1893, IV, 313 с.

10. Главнейшие течения в русском литературном языке. Вступительная лекция.— Варшавские унив. изв., 1893, № 4, с. 1—12.

11. Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Академии наук. Вып. 2, 1892. Разбор некоторых объяснений, касающихся фонетики и морфологии.— РФВ, 1893, т. 29, с. 164—167.

12. К вопросу о разработке старого западнорусского наречия. Библиографический очерк.— Труды Виленского отделения Московского предварительного комитета по устройству в Вильне IX Археологического съезда. Вильна, 1892, отдел 3, с. 3—48.

13. Два памятника старого западнорусского наречия. 1) Лютеранский катехизис 1562 г. и 2) Католический катехизис 1585 г.— ЖМНП, 1893, авг., с. 406—430.

14. О языке так называемых литовских летописей. Варшава, 1894, 64 с.

15. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края, собранные и приведенные в порядок П. В. Шейном. Спб., т. 2, 1893.— ЖМНП, 1894, апр., с. 434—450.

16. Польская псалтырь Николая Рея.— РФВ, 1894, т. 32, с. 305—307.

17. Заметка по русской диалектологии. Белорусское *бў* на месте *а́л-а́в*.— РФВ, 1895, т. 34, с. 157.

18. Особенности письма и языка Мстиславова евангелия. Варшава, 1895, 24 с.

19. Русские наречия *домой, долой*.— Изв. Историко-филологического института кн. Безбородко. Нежин, 1805, т. 15, № 11, с. 4—12.

20. Западнорусские переводы псалтыри в XV—XVII веках. Варшава, 1896, XIII, 444 с.

21. Некоторые редкие особенности белорусского наречия в Сокольском уезде Гродненской губернии.— РФВ, 1896, т. 35, с. 220—221.

22. Программы для собирания особенностей народ-

ных говоров. III. Программа для собирания особенностей говоров белорусского наречия. Спб., 1897, 60 с.; 2-е изд. Пг., 1916.

23. Из лекций по славянской кирилловской палеографии... Варшава, 1897, IV, 173, 1 с.

24. Что такое древнее западнорусское наречие.— Труды Девятого археологического съезда в Вильне 1893 г. М., 1897, т. 2, с. 62—70.

25. Западнорусский сборник XV века, Публичной библиотеки в С.-Петербурге Q. I, № 391. Палеографические особенности, состав и язык рукописи. Спб., 1897, 73 с.

26. *А. Соболевский.* Опыт русской диалектологии. Вып. 1. Наречия великорусское и белорусское. Спб., 1897.— Изв. ОРЯС, 1897, т. 2, с. 1162—1164.

27. Материалы для изучения белорусских говоров. Спб., 1897, вып. 1 (редактор и автор сообщений № 1 и 2).— Изв. ОРЯС, 1897, т. 2, с. 561—575.

28. Западнорусское сказание о Сивилле пророчице по рукописи XVI века. Текст сказания, его состав и язык. Варшава, 1898, 32 с.

29. Заметка относительно дифтонгов в народном говоре с. Басловцев и д. Подлесья Слуцкого уезда Минской губернии.— РФВ, 1898, т. 40, с. 325—327.

30. Материалы для изучения белорусских говоров. Спб. 1898, вып. 2 (ред.); Материалы для изучения северномалорусских говоров, а также переходных от белорусских к малорусским. Спб., 1898, вып. 1 (ред.)— Изв. ОРЯС, 1898, т. 3, кн. 3, Приложения, с. 1—67 и 1—42.

31. Особенности письма и языка рукописного сборника XV века, именуемого летописью Авраамки. Варшава, 1899, 44 с.

32. Два древнейших русских документа главного архива Царства Польского в Варшаве.— Древности. Труды Археографической комиссии Московского археологического общества. М., 1899, т. 1, вып. 3, с. 543—550.

33. Сообщение об особенностях говора населения Минской губернии, Слуцкого уезда, с. Басловцев и д. Подлесья.— Изв. ОРЯС, 1899, т. 4, кн. 3, Приложения, с. 1—5.

34. Разбор этнографического труда П. В. Шейна. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. (Спб., 1887, т. 1, ч. 1; 1890, т. 1, ч. 2; 1893, т. 2). Спб., 1899, 85 с.

35. О влиянии поэтической деятельности А. С. Пуш-

кина на развитие русского литературного языка. Речь, сказанная на торжественном акте Варшавского университета 26 мая 1899 года.— РФВ, 1899, т. 42, с. 195—230.

36. Надпись Самуила 993 года.— РФВ, 1899, т. 42, с. 231—236.

37. Материалы для изучения белорусских говоров. Спб., 1900, вып. 3 (ред. и автор сообщения № 12).— Изв. ОРЯС, 1899, т. 4, кн. 3, Приложения, с. 1—32; кн. 4, с. 33—69.

38. Образцы славянского кирилловского письма с X по XVIII век. Варшава, 1901, VIII, 80 с.; 2-е изд. Варшава, 1902, VI, 82 с.

39. Очерк славянской кирилловской палеографии. Из лекций, читанных в Варшавском университете. Варшава, 1901, XIV, 518.

40. Заметки по белорусским говорам.— РФВ, 1901, т. 46, с. 275—281.

41. К вопросу о влиянии литовского и латышского языков на белорусское наречие.— Сб. статей, посвященных академику Ф. Ф. Фортунатову. Варшава, 1902, с. 468—491.

42. Митрофан Алексеевич Колосов. Из истории русского языковедения. Варшава, 1903, 41 с.

43. Белорусы. Введение в изучение языка и народной словесности. Варшава, 1903, т. 1, X, 466 с.; то же: Вильна, 1904.

44. К вопросу об издании снимков с древнейших русских грамот.— Варшавские унив. изв., 1904, № 4, с. 1—28.

45. Листки Ундольского, отрывок кирилловского евангелия XI века. Фототипическое воспроизведение текста и исследование письма и языка. Спб., 1904, 40 с., 4 фототипических снимка.

46. Из русской диалектологии...— Изборник Киевский, посвященный Т. Д. Флоринскому. Киев, 1904, с. 83—90.

47. Разбор историко-этнографических трудов Е. Р. Романова по Северо-Западному краю, вышедших в течение 1898—1901 годов.— Отчет о присуждении премии П. Н. Батюшкова. Спб., 1904, с. 149—191.

48. К вопросу о реформе русской орфографии.— РФВ, 1904, т. 52, с. 154—174.

49. К вопросу о народном говоре Брянского уезда Орловской губернии.— Новый сб. статей по славяноведению [в честь В. И. Ламанского]. Спб., 1905, с. 314—320.

50. К вопросу о разграничении русских наречий.— Труды XII Археологического съезда в Харькове 1902 г. М., 1905, т. 2, с. 430—436.

51. К вопросу о границе белорусских говоров. По поводу статьи акад. А. И. Соболевского. Звук *у* вместо *ы* в некоторых белорусских говорах.— РФВ, 1905, т. 53, с. 54—61.

52. Русский литературный язык.— РФВ, 1905, т. 53 Пед. отд., с. 20—32.

53. Отчет о поездке в Белоруссию в течение летних месяцев 1903 года.— Изв. Русского географического общества. Спб., 1905, т. 41, вып. 4, с. 705—736; то же отд. отт. Спб., 1905, 32 с.

54. Заметки о форме *Гюрим* в Листках Ундольского XI в.— РФВ, 1905, т. 55, с. 320.

55. Малорусский Луцидарий по рукописи XVII в. Текст, состав памятника и язык. Варшава, 1906, 58 с.

56. Белорусы, т. 2. Язык белорусского племени. 1. Исторический очерк звуков белорусского наречия. Варшава, 1908, IV, XXIV, 597 с.; переизд. под назв.: Белорусы. Язык белорусского народа. Вып. 1. Исторический очерк звуков белорусского языка. / Под ред. акад. В. И. Борковского. М., 1955, 475 с.

57. Значение Н. В. Гоголя в истории русского литературного языка.— РФВ, 1909, т. 61, с. 205—222.

58. К вопросу об употреблении иностранных слов в русском языке. Варшава, 1910, 15 с.

59. Белорусы, т. 2. Язык белорусского племени. 2. Исторический очерк словообразования и словоизменения в белорусском наречии. Варшава, 1911, XV, 408.; переизд. под назв.: Белорусы. Язык белорусского народа. Вып. 2. Исторический очерк словообразования и словоизменения в белорусском языке. / Под ред. акад. В. И. Борковского. М., 1956, 304 с.

60. Значение М. В. Ломоносова в развитии русского литературного языка. Речь, произнесенная 13 ноября 1911 года в торжественном собрании Варшавского университета в память 200-летия со дня рождения Ломоносова. Варшава, 1912, 17 с.

61. Белорусы, т. 2. Язык белорусского племени. 3. Очерки синтаксиса белорусского наречия. Дополнения и поправки. Варшава, 1912, XV, 377 с.; переизд. под назв.: Белорусы. Язык белорусского народа. Вып. 3. Очерки синтаксиса белорусского языка. / Под ред. акад. В. И. Борковского. М., 1956, с. 305—518.

62. Некоторые отделы Учебника по русскому языку для IV класса средних учебных заведений. Приложение к 15-му изд. «Грамматики древнего церковнославянского языка сравнительно с русским (курс средних учебных заведений)». Варшава, 1913.

63. Очерки по синтаксису древнего церковнославянского и русского языков. Курс лекций... Варшава, 1913, 204 с. (литогр.).

64. Два юбилея: И. И. Срезневский и Я. К. Грот.— РФВ, 1913, т. 69, с. 224—228.

65. Архангельское евангелие 1092 года. По поводу издания Румянцевского музея.— РФВ, 1913, т. 69, с. 467—477.

66. Введение русской диалектологии и истории русского языка в среднюю школу. По поводу новой программы преподавания русского языка в IV классе.— РФВ, 1914, т. 71, Пед. отд., с. 37—54.

67. Лекции по истории русского языка в 1914/15 акад. году. Варшава, литогр., 287, 7 с. б. г.

68. Белорусы, т. 3. Очерки словесности белорусского племени. 1. Народная поэзия. М. 1916, XIV, 557 с.

69. Западнорусский ярлык хана Золотой орды Тохтамыша к польскому королю Ягайлу 1392—1393 г.— РФВ, 1916, т. 75, с. 169—171.

70. Заметки по белорусскому наречию.— РФВ, 1916, т. 75, с. 136—139.

71. К истории термина «глаголица».— РФВ, 1917, т. 77, с. 189.

72. Белорусская речь. Очерки народного языка с историческим освещением. Пг., 1918, 60 с.

73. Беларускі народ і яго мова. Мінск, 1920, 16 с.

74. Белорусы, т. 3. Очерки словесности белорусского племени. 2. Старая западнорусская словесность. Пг., 1921, VIII, 246 с.

75. Что предстоит сделать по белорусскому языку и литературе? Минск, 1921, 4 с.

76. Белорусская речь арабским письмом.— Учен. зап. высшей школы г. Одессы. Отдел гуманитарно-общественных наук, т. 2, посвященный проф. Б. М. Ляпунову. Одесса, 1922, с. 1—2.

77. А. А. Шахматов как историк русского языка.— Изв. ОРЯС, т. 25 (1920). Пг., 1922, с. 75—87.

78. Белорусы, т. 3. Очерки словесности белорусского племени. 3. Художественная литература на народном языке. Пг., 1922, XVII, 454 с.

79. Игнатий Викентьевич Ягич (Некролог).— Изв. Российской академии наук, 1923, № 1—18, с. 11—18.
80. К столетию со дня выхода «Institutiones» И. Добровского. 1822—1922.— Изв. ОРЯС, т. 27 (1922). Л., 1924, с. 195—206.
81. Русская диалектология. Очерк литературного русского произношения и народной речи великорусской (южновеликорусских и северновеликорусских говоров), белорусской и малорусской (украинского языка). Л., 1924, 172 с.
82. Заслуги И. В. Ягича в изучении старославянского и русского языков.— Изв. ОРЯС, т. 28 (1923). Л., 1924, с. 366—374.
83. Культурные завоевания русского языка в старину на западной окраине его области.— Изв. ОРЯС, т. 29 (1924). Л., 1921, с. 1—22.
84. Работа Академии в области русского языка.— Наука и техника. Л., 1925, № 37 (129), с. 2—3.
85. Полное собрание русских летописей, т. 1. Лаврентьевская летопись. Вып. 1. Повесть временных лет. 2-е изд. Л., 1926, VIII, 286 с. (подготовлено к печати и отредактировано акад. Е. Ф. Карским).
86. Очерк научной разработки русского языка в пределах СССР.— Сб. ОРЯС, 101, № 1. Л., 1926, VII, 103 с.
87. Полное собрание русских летописей, т. 1. Лаврентьевская летопись. Вып. 2. Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку. 2-е изд. Л., 1927, с. 289—488 (подготовлено и отредактировано акад. Е. Ф. Карским).
88. Работы по русскому языку.— В кн.: Академия наук Союза Советских Социалистических Республик за десять лет. 1917—1927. Л., 1927, с. 116—122.
89. Deux points de phonétique blanc-russe.— Revue des études slaves, Paris, 1927, t. VII. fasc. 1—2, p. 22—26.
90. Из синтаксических наблюдений над языком Лаврентьевской летописи.— Сб. статей в честь акад. А. И. Соболевского.— Сб. ОРЯС, 1928, т. 101, № 3, с. 39—42.
91. О некоторых особенностях белорусского языка.— Symbole grammaticae in honorem Joannis Rozwadowski. Cracoviae, 1928, Volumen II, s. 291—296; то же отд. отт., Краков, 1927.
92. Славянская кирилловская палеография. Л. 1928, XIII, 494 с.; Под ред. В. И. Борковского. М., 1979.
93. Новые книги по белорусоведению.— Изв. ОРЯС. Л., 1928, т. 1, кн. 1, с. 325—331.

94. Полное собрание русских летописей, т. 1. Лаврентьевская летопись. Вып. 3. Приложения: Продолжение Суздальской летописи по Академическому списку. Указатели. 2-е изд. Л., 1928, 477, 3 с. (подготовлено к печати и отредактировано акад. Е. Ф. Карским).

95. Труды Академической конференции по реформе белорусского правописания и азбуки.— Slavia, 1928, roč. VI, seš. 4, s. 828—835.

96. К истории славянской филологии в конце XIX и первые годы XX ст. Три письма И. В. Ягича.— Slavia, 1928, roč. VII, seš. 3, s. 701—704.

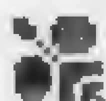
97. Наблюдения в области синтаксиса Лаврентьевского списка летописи.— Изв. по русскому языку и словесности. Л., 1929, т. 2, кн. 1, с. 1—75.

98. К истории белорусского языка в XVII ст.— Изв. по русскому языку и словесности. Л., 1930, т. 3, кн. 1, с. 55—74.

99. Червенский говор (из белорусской диалектологии).— Изв. по русскому языку и словесности. Л., 1930, т. 3, кн. 1, с. 225—237.

100. Русская правда по древнейшему списку. Введение, текст, снимки, объяснения, указатели авторов и словарного состава. Л., 1930, IV, 114 с.

СОДЕРЖАНИЕ

7 Жизненный путь Е. Ф. Карского

32 Е. Ф. Карский как языковед-славист

67 Е. Ф. Карский как славист-палеограф

82 Исследования Е. Ф. Карского по русскому языку

145 Вопросы украинского языкознания в трудах Е. Ф. Карского

170 Е. Ф. Карский — основатель белорусского языкознания

258 Литература об академике Е. Ф. Карском

263 Библиография основных филологических трудов академика Е. Ф. Карского

Михаил Гапеевич Булахов

ЕВФИМИЙ ФЕДОРОВИЧ КАРСКИЙ

Жизнь, научная и общественная деятельность

Редактор А. И. Гуторова
Художник И. А. Демковский
Художественный редактор Л. П. Дубовицкая
Технический редактор А. Я. Максимова
Корректоры З. М. Машкевич, А. М. Гуль

ИБ № 368

Сдано в набор 10.06.80. Подписано в печать 19.01.81. АТ 05013. Формат 70×90 1/32. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Высокая печать. Усл. печ. л. 9,94. Уч.-изд. л. 10,18. Тираж 6 900 экз. Заказ. 1278. Цена 1 р. 15 к.

Издательство Белорусского государственного университета им. В. И. Ленина Министерства высшего и среднего специального образования БССР и Государственного комитета БССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Минск, Парковая магистраль, 11. Ордена Трудового Красного Знамени типография издательства ЦК КПБ. Минск, Ленинский проспект, 79.

1 р. 15 к.